

Серия "Серебро Слов"

Бесконечное приближение

*Сборник
произведений*



Серия «Серебро Слов»

Бесконечное приближение

Сборник произведений



Коломна
Серебро Слов
2021

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Б53

ISBN 978-5-907463-11-0


Б53 **Бесконечное приближение.** *Сборник произведений / Авт.;*
Сост. В. Зиновьев. – Коломна: Серебро Слов, 2021. – 203,[1] с.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Б53

ISBN 978-5-907463-11-0

© Авторы, 2021
© Минаев Д.В., обложка, 2021
© Серебро Слов, 2021



Бесконечное приближение

*Каждый выбирает для себя
женщину, религию, дорогу.*

*Дьяволу служить или пророку –
каждый выбирает для себя.*

*Каждый выбирает по себе
слово для любви и для молитвы.*

*Шпагу для дуэли, меч для битвы
каждый выбирает по себе.*

Ю. Д. Левитанский

Дорогие друзья, открываем перед вами новый коллективный сборник. Каждый из нас в молодости стремился покорить горы, достичь высот в каком-то виде деятельности. Казалось, можно полностью изменить мир, что-то всем доказать и поменять их мнение. Помочь всем в мире.

Шли годы, мы начинали понемногу понимать, что не многим мы можем помочь. Пришло (или придёт) время, когда мы стали догадываться о том, что изменить можем только себя и внутреннее изменение является главным нашим достижением, которое влияет на всё происходящее. Каждый из нас куда-то приближается, и место назначения каждый выбирает сам.

Этот сборник о наших целях: куда мы двигаемся, о местах, куда мы направляем корабли жизни. Приходит время – и каждый из нас задаётся вопросом: а каков смысл нашего движения – куда мы хотим приплыть в итоге своего жизненного пути?

Благодарю всех, кто принял участие в этом издании, большое им спасибо! Спасибо и вам, читатель, что вы прикоснулись к этому сборнику.

*С уважением составитель сборника
Зиновьев Василий*



Владимир Луцин

ст. Тбилисская, Краснодарский край

Каменя

Часть 1

Снег от лёгких охотничьих лыж с тихим шелестом разлетается в стороны. Максимыч привычным таёжным шагом прошёл по лесу уже восемнадцать километров. До избы осталось ещё километра три – совсем пустык для опытного охотника.

День был удачный: в рюкзаке лежало с десяток соболей. Максимыч проверял капканы на своём охотничьем участке, снимал попавшую в ловушки добычу и закрывал их до следующего сезона. У соболя вот-вот начнётся гон, негоже ловить в такое время зверька. Он подстрелил парочку куропаток себе на ужин, хотя рюкзак стал увесистый, но настроение от этого только улучшилось. Погода тоже радовала охотника. Длинная полярная ночь закончилась, и февральское солнце слепило глаза своим ярким блеском, отражаясь от чистейшего белого снега. Максимыч спустился к реке, по насту идти стало легче и свободнее. Так, не торопясь, он шёл вдоль берега, поглядывая на противоположную сторону, высматривая куропаток или более крупного зверя. Вдруг он заметил, как что-то мелькнуло между деревьев: кто-то крупный и белый промчался в просветах среди леса. Разглядеть Максимыч не успел – всё произошло очень быстро.

Охотник зарядил двустволку, скинул рюкзак и быстро заскользил через речку на другую сторону. Лыжи были подбиты оленьим камусом, они почти не создавали шума. Азарт придал таёжнику сил. Он перешёл речку и стал подниматься по крутому склону наискосок, чтобы было легче идти. На самом верху ветром намело снежный козырёк, нависающий над невысоким обрывом. Максимыч обошёл его снизу и, пройдя ещё несколько

метров, поднялся на берег. Запыхавшись от крутого подъёма, он остановился поправить шапку, всё время сползавшую на глаза, и вдруг увидел: метрах в двадцати от него стояли три белых полярных волка. Они смотрели на него в упор, спокойно, как будто наблюдали за человеком: а что он сейчас будет делать?

Волк, который стоял ближе, был крупнее остальных. Огромная пасть, мощный загривок и сильные лапы выдавали в нём вожака. От всей его фигуры веяло природной силой и дикостью: от взгляда, осанки, мускулистых лап, готовых к прыжку. В глазах животного было скорее любопытство. Охотник пошевелился – волк оскалился, почувствовав опасность, исходящую от человека, показал огромные клыки. Глаза засветились холодными огоньками злобы. Внутри Максимыча сработал какой-то рефлекс: страшно ему не было, но всё существо его приготовилось к схватке. Какое-то звериное чувство обострило восприятие окружающего мира, как будто всё происходило не с ним, а с каким-то другим человеком.

Вожак чуть пригнулся, ссутулился, приготовившись к броску, остальные волки тоже насторожились, но вдруг в этот момент издали послышался протяжный волчий вой. Звери разом повернулись в ту сторону, вождь издал рычащий звук, и вся стая в несколько прыжков скрылась в густом ельнике.

В тайге наступал вечер; солнце скатилось к горизонту и уже не цеплялось за вершины ёлок, а задержалось на самом краю, осветив заснеженную тайгу и вершины гор багровыми лучами заходящего спящего светила. Максимыч опустился на колени, он почувствовал, как устал за сегодняшний день, очень хотелось пить. Набрав полную горсть снега, закинул в рот. Нервная дрожь колотила, не отпускала. Оправившись от шока, он поднялся, собираясь уходить, и тут вдруг как из-под земли появился вождь.

Волк подошёл к Максимычу почти вплотную, не скалясь и не рыча, как будто звал куда-то. Потом отвернулся от него, сделал два прыжка, остановился, оглянувшись на охотника, как бы спрашивая: «Ну, ты идёшь?» Максимыч сделал шаг, другой и уже

уверенно двинулся за зверем. Волк увидел, что его поняли, пошёл не торопясь, чтобы человек не потерял его из виду.

Так они прошли метров сто, и тут старый таёжник увидел след снегохода, который тянулся по лесу вдоль берега реки, обходя толстые листовки и густой тальник. Местность Максимычу была знакомой, он давно изучил свой участок и исходил его вдоль и поперёк. Дальше в речку впадал широкий ручей с обрывистыми каменистыми берегами, вот к этому ручью и вёл след.

Старый таёжник заволновался: в этом месте на снегоходе переехать ручей было невозможно, уж очень крутые были берега. Видимо, водитель снегохода плохо знал здешние места. Вожак шёл, не оглядываясь, уже понимая, что охотник не остановится, не отстанет. След стал подниматься на пригорок, заросший густым ельником, и на самом верху обрывался вниз. Вторая его сторона оказалась крутой скальной стеной, под которой протекал бурный ручей. Возле обрыва стояли три волка и смотрели на замёрзшее русло ручья. Там, внизу, лежал перевёрнутый снегоход, а недалеко от него в неестественной позе, зарывшись головой в снег, лежал человек.

Таёжник скатился вниз, подбежал к водителю снегохода и поднял ему голову, чтобы уложить поудобней. Капюшон и шапка слетели с его головы, и из-под них на снегу вдруг ярким цветом рассыпались густые рыжие волосы. Это была девушка!

Лицо было залито кровью, курносый нос и по-детски припухлые губы указывали на её молодость. У охотника заныло сердце: совсем молодая! И зачем её в такую глушь занесло? Он проверил пульс – девушка была жива, но без сознания. Тёплая зимняя одежда и обувь не дали ей замёрзнуть в холодном снегу, а глубокий сугроб, мягкий комбинезон и шапка спасли жизнь. Вот только камень сильно рассёк ей голову и лоб. Удар прошёл по касательной и сделал рваную, но не очень глубокую рану. Охотник наскоро перевязал ей голову своей рубахой, нашёл лыжи, связал их вместе на креплениях и сделал из них волокушу. Осторожно

положил на неё девушку и, взявшись за верёвку, потащил к своей избушке.

Уложив раненую на широкие нары, Максимыч растопил железную печку, поставил чайник и стал готовить ужин. Когда в избе стало тепло, он снял с гостя комбинезон, оставив её в спортивном костюме, нашёл ножницы и выстриг на голове вокруг раны волосы. Потом тёплой водой с марганцовкой промыл её и перевязал чистым бинтом из аптечки. Девушка застонала, но в сознание так и не пришла.

– Ничего, завтра станет легче, – сказал вслух Максимыч.

На шее девушки на цепочке он заметил камешку со странным изображением. В центре круглого серебряного диска блестело золотое изображение знака, очень похожего на русскую букву Ж. Вокруг него в форме солнца были вставлены маленькие драгоценные камушки. Если такую дорогую и старинную вещицу человек взял с собой даже в опасную экспедицию, значит, очень дорожил ею. Изображение Максимычу показалось знакомым, но где и когда он его видел?..

Утром старый таёжник встал рано. Проверил больную, она дышала ровно и спокойно. Потом устроился возле печки на лавке, чтобы не шуметь. Попил чаю и пошёл за своим рюкзаком. На обратном пути он завернул на место аварии. Снегоход сильно пострадал, упав на камни. Это была мощная японская «ямаха» с широкой гусеницей. Вообще вся охотничья экипировка девушки вызывала уважение. Ружьё было итальянское, облегчённое, видимо, сделанное по заказу и наверняка подогнанное по руке охотницы.

Всё удивляло старого таёжника. На поясе девушки, в ножнах, были пристёгнуты два ножа с инкрустированными ручками. Всё это он успел заметить и сделать вывод: девушка не из простых.

Нужно было возвращаться. Заторопившись, Максимыч захватил аптечку из разбитого снегохода и полный патронташ для ружья девушки, быстро пошёл к своей избе. Вернулся охотник вовремя. Только зашёл в избушку, больная застонала.

«Очнулась, наверное», – подумал он.

Девушка открыла глаза. Она безучастно посмотрела в потолок, потом в глазах появилось беспокойство. Пошевелила рукой, пытаясь нащупать камеею на шее. Найдя её, она сразу успокоилась и с удивлением стала осматривать зимовье. Слегка повернув голову, девушка увидела Максимыча.

– Где я? – еле слышно спросила она.

– В тайге, дочка, в моей избе, – ответил охотник. – Тебя как зовут-то?

Девушка молчала, напрягая память, потом тихо ответила:

– Я не помню, вообще ничего не помню!

– Ладно, отдохай, сил набирайся. Молодая, крепкая, а память вернётся, – утешил её старый таёжник.

Прошло три дня. Девушка уже самостоятельно вставала с нар, наливала чай. Помогала Максимычу выполнять несложную работу по хозяйству. Однажды неожиданно вспомнила своё имя. Её звали Александра, но больше она ничего вспомнить не смогла. Максимыч стал называть её Сашкой и радовался, что девушка идёт на поправку.

– Вспомнила имя – вспомнишь и всё остальное, – говорил он ей.

Ему очень хотелось расспросить её, кто такая, зачем поехала в такую даль и откуда у неё камеея, но он видел, что это было бесполезно. Александра выходила на улицу, любовалась таёжной красотой и радовалась каждому солнечному дню.

Однажды утром старый таёжник услышал шум летящего вертолёта. Он накинул на себя куртку и выскочил на улицу. Вдоль реки низко летел военный вертолёт, явно что-то высматривая. Максимыч надел лыжи и вышел на берег, чтобы его сразу заметили. Вертолёт сделал круг и пошёл на посадку на открытом месте, недалеко от лесной избушки. Винты ещё не остановились, как из него выскочили три человека в военной форме. Они поздоровались с охотником, и один – видимо, старший – сразу задал вопрос:

– Девушка рыжеволосая у вас?

Максимыч ответил утвердительно. Они сразу быстро пошли в зимовье. По дороге старый таёжник рассказал всё, что случилось, только умолчал о полярных волках. Военный слушал его очень внимательно, не пропуская ничего. Потом сказал:

– Мы её забираем, ей нужно в больницу.

– Кто она? И кто её родители? – спросил охотник, но военный ничего не ответил.

Александра удивлённо смотрела на всю компанию, ввалившуюся в лесную сторожку.

Максимыч объяснил девушке, в чём дело, и она стала собираться.

– Может, в больнице память вернётся, – сказал он.

Когда гости сели в вертолёт, старший крикнул:

– Максимыч! Я там возле ручья полярных волков видел! Одного самого крупного завалил из карабина! Если хочешь, сходи, забери. Хорошая шкура будет!

Винты вертолёта закружились, и он взлетел. Старый таёжник стоял с распахнутой курткой, но мороза не чувствовал.

«Эх, люди! Вы хуже зверей. Разве можно так? Просто убивать из азарта, из развлечения? – думал он. – Сегодня обязательно схожу, а вдруг жив вожак?..»

Часть 2

Максимыч долго стоял и смотрел на удаляющуюся точку вертолёта. Потом вздрогнул, как будто проснулся, подумал: «Нужно сходить, проверить волка, а вдруг ещё жив? Вот ведь как бывает: зверь к нам с добром, – а мы?..» Таёжник надел лыжи, взял лёгкие нарты и двинулся к месту аварии снегохода.

Волка он нашёл по следам недалеко от замёрзшего ручья. Тот старался укрыться под разлапистой елью, но сил доползти не хватило. Максимыч внимательно осмотрел ещё живого

зверя. Пуля вошла сверху под правую лопатку и вышла навывлет. «С такой раной вряд ли выживет», – подумал охотник.

В избушке он постелил в углу одеяло и с трудом уложил волка.

Затем промыл и обработал рану, перевязал плотно бинтом. Осталось ждать.

На другой день с утра задул ветер. Максимыч посмотрел на облака, подумал: «Метель поднимается, нужно воды принести из проруби и дров заготовить. Непогода, судя по облакам, надолго». Прогноз старого таёжника подтвердился, и к обеду поднялся настоящий буран. Он швырялся снегом, выл в ветках и раскачивал ели так, что, казалось, ещё немного – и сломаются высоченные вековые деревья. В тайге что-то трещало, ухало, свистело и щёлкало, как будто вся лесная нечисть собралась на небывалый шабаш и устроила самую буйную гулянку. Ветер заметал все следы мгновенно: стоило пройти, как их заравнивало и не оставляло даже намёков на возможную тропу. Максимыч принёс воды, наготовил дров, потом сделал перевязку вожаку и задумался. Камея не давала ему покоя.

Память стала уводить его всё дальше, вспомнилась юность, детство, родители...

Они жили тогда в деревне, отец работал в рыболовецкой бригаде. Летом рыбачили, солили рыбу и сдавали согласно плану. Зимой ставили сети под лёд и сдавали уже свежемороженый улов. Всё бы хорошо, но морозы иногда стояли такие, что даже деревянные дома потрескивали от низкой температуры. Вот в один из таких дней и захворал ещё маленький Максимыч. Ему, Алёшке, было тогда лет пять. Видимо, напился ледяной воды из кадушки, простудился. Поднялась температура под сорок градусов. Воспоминания были обрывочны и расплывчаты. В памяти всплывали короткие картины: вот кто-то пришёл, вроде бы женщина. Вспомнил её лицо, склонившееся над кроватью, тихий шёпот и приятный запах травы. Потом он падал в пропасть,

долго и мучительно. И всё. А ещё на её шее висела камешка! Такая же, как у Александры. Вот и вспомнилось.

Позже из разговора родителей Алёшка понял, что отец ходил за тридцать километров в пятидесятиградусный мороз в поселение староверов. У них была знахарка-ведунья. Он долго уговаривал её, чтобы вылечила сына. Вот её-то лицо и запомнил маленький Максимыч! Врача в рыболовецком посёлке не было. Всё обещали прислать фельдшера, но то транспорта не было, то погода не позволяла приехать. Так и жили, перебиваясь лечебными травами да добротной русской баней.

Но как эта камешка оказалась у Александры?! Максимыч задумался...

Часть 3. Александра

Мать у Александры была женщина яркая, как с обложки журнала. На всех вечерах, где бы она ни появлялась, сразу становилась центром внимания. Рыжие волнистые волосы, огромные зелёные глаза и выразительные губы могли очаровать кого угодно. Сергей, отец Саши, очень нервничал. Да и какой муж будет терпеть такое внимание других мужчин к своей жене?

Потом родилась Александра. Сергей очень хотел сына, поэтому и назвал дочку мужским именем. Он был военным, офицером спецназа. Семье часто приходилось менять место жительства: он постоянно ездил в какие-то командировки. Только потом Саша, став постарше, поняла, в какие.

Анна оказалась плохой матерью: она была не готова к трудностям материнских забот и семейных проблем, с трудом переносила кочевую жизнь военного офицера. Ей казалось, что это не для неё и она достойна лучшего. Стала подолгу задерживаться по вечерам, иногда приходила домой очень поздно. В конце концов такая жизнь привела к разрыву их семейных отношений. Они развелись.

Саша жила у отца. Мама ей сказала, что это временно, пока она не наладит свою личную жизнь. А жизнь у неё никак

не хотела налаживаться, и маленькая Александра осталась с отцом. Шли годы. Анна иногда звонила, интересовалась учёбой дочери, но потом её звонки стали раздаваться всё реже и, наконец, она совсем перестала ею интересоваться.

Сергей воспитывал дочь по-спартански, как мальчишку. Он приводил её в спортзал, где она тренировалась вместе с его бойцами. В свободное время они уходили в лес, ловили рыбу и варили уху. Отец много рассказывал дочке о таёжной жизни, учил основам выживания и доброму отношению к природе. Училась Саша хорошо и после окончания школы поступила в геологический институт, который позже и окончила с отличием.

А ещё у Саши был дедушка. Он жил в Новосибирске и очень любил свою единственную внучку. Когда отец привозил её к нему, они с дедом садились в глубокое удобное кресло в его кабинете и подолгу и с интересом беседовали.

Будучи ещё маленькой, Саша рассматривала предметы на его письменном столе, расспрашивала о них, и дедушка с увлечением рассказывал о каждом. Особенно было много разных красивых камней. Дедушка называл их минералы. Она с любопытством разглядывала камни. Искрящиеся разноцветными гранями на сколах, они привлекали её своей красотой и таинственностью. Дедушка рассказывал, вспоминая свою молодость и работу в экспедиции. А Саша с интересом слушала, представляя сибирскую тайгу, лютые морозы и тоскливые длительные метели.

Шло время. Александра стала взрослой и красивой девушкой. От мамы она унаследовала ярко-рыжие волосы и большие зелёные глаза. Дедушка, глядя на свою внучку, говорил, что это от матери, и улыбался, любуясь ею.

Однажды она вошла в кабинет. Дедушки в нём не было. На столе лежали старые, пожелтевшие от времени фотографии. Саша с любопытством рассматривала незнакомые бородастые лица, женщин с детьми на фоне старых деревенских домов,

таёжные пейзажи и деревянные лодки-долблѐнки на бурных порожистых реках. Её внимание привлекла одна фотография. На ней стояла женщина лет тридцати пяти, – но что в ней было необычного? Необычны были глаза: её взгляд завораживал, невозможно было отвести глаза от этой фотографии. На шее женщины блестела камея. Точно такая же лежала в столе деда. Сашу распирало любопытство, и она стала расспрашивать дедушку про камею. Он сначала долго отнекивался, но потом уступил настойчивым просьбам внучки и рассказал её историю.

ИСТОРИЯ КАМЕИ

В молодости Андрей Николаевич работал в геологии и часто ездил в таёжные экспедиции. В очередную экспедицию Андрея отправили на речку Чёрная, в сибирской глухомани, вдали от населѐнных пунктов. Нужно было проводить изыскательные работы, бить шурфы и брать пробы на наличие драгоценных металлов. Охват участка был большой, работа предполагалась объѐмная, на всё лето. Вертолѐтом рабочих забросили на место базовой стоянки, вездеход пришѐл своим ходом намного позже. Пока налаживали связь, устанавливали палатки и разгружали инструменты, Андрей решил пройти вдоль реки, осмотреть место работы, составить план, где бить шурфы и как удобнее подъехать на вездеходе.

В тайге наступила весна. Был конец мая. Полярный день не отпускал солнце с небосклона, и оно нещадно топило оставшийся снег, превращая его в ручьи и огромные топкие болота. На реке уже давно прошѐл ледоход, прилетели дикие утки. По утрам тайга просыпалась и шумела на разные голоса. Звенели ручьи, сбегая к реке небольшими водопадами по каменистым склонам, пробивая весенними водами новые русла в лесных буреломах. В урманах проснулись медведи и бродили в поисках пищи после долгой северной зимы. Весенняя тайга! Это невозможно описать словами, это просто надо видеть и чувствовать!

Андрей стоял и любовался тайгой, впитывая в себя её запахи и проникаясь весенним настроением. Он решил пройтись по берегу, наблюдая за сильным течением, вслушиваясь в шум бьющейся о камни воды. Карабин привычно оттягивал плечо геолога. Пройдя с километр, за поворотом, на берегу, Андрей увидел небольшую лодку-долблёнку. Возле неё на одном колене стоял мальчишка лет пятнадцати, а рядом огромный медведь, явно не с добрыми намерениями. Малец держал в руке охотничий нож, стараясь защититься от оголодавшего за долгую зиму хищника. Битва была неравной. Пока Андрей срывал с плеча карабин и целился, медведь успел передней лапой нанести быстрый удар, после которого мальчишка упал. В это же время раздался выстрел Андрея. Медведь мгновенно развернулся и, прихрамывая, рванул в тайгу. Геолог подбежал к мальчишке: вся его голова была в крови, он был без сознания.

В медицинской палатке, куда Андрей принёс мальчишку, промыли и перевязали многочисленные раны. Самая опасная рана была на голове. Медведь последним движением успел зацепить когтями затылок и процарапать его до шеи. Нужно было срочно вызывать вертолёт, но погода резко испортилась и не предвещала ничего хорошего. Небо затянуло дождевыми облаками, началась весенняя гроза с молниями, ураганным ветром и ливнем. Ни о каком вертолёте не могло быть и речи. Оставалось только ждать и надеяться на крепкий растущий организм мальчика. Откуда он взялся на реке? Геологи смотрели карту – рядом никакого жилья, а тем более деревни на ней не было.

Ночью мальчик бредил, звал мать, его речь была очень похожа на старый славянский говор. Утром он пришёл в себя и с удивлением смотрел на геологов. Потом с трудом попросил пить. Его напоили тёплым чаем и стали расспрашивать. Звали его Глеб. Жил он в восьми вёрстах от экспедиции – там стоит деревня. Мальчик просил, чтобы его срочно отвезли домой: его мама – ведунья и вылечит без докторов. Она всех в деревне лечит! Глеб был очень слаб, но держался молодцом и внушал заслуженное уважение к себе.

Погода разгулялась не на шутку: уже два дня висели тяжёлые, хмурые облака и шёл сильный дождь. На третий день с утра солнце выглянуло в окошко между облаками и заискрилось в дождевых каплях, как в маленьких бриллиантах, сверкающих в суровом таёжном мире. День обещал быть тёплым и солнечным. Глеб рвался встать с лежанки и ехать на своей лодочке домой. Но раны от когтей медведя были ещё совсем свежие, каждый день нужно было делать перевязки чистым бинтом. Связь возобновилась, но с вертолётом возникли какие-то проблемы. Произошла непредвиденная задержка, и мальчишку пришлось оставить ещё на неопределённое время.

Он стал возмущаться и просить, чтобы его отвезли в деревню: родители наверняка его уже ищут. Андрей вызвался отвезти паренька домой. Раны его были чистыми и при хорошем уходе сильной угрозы не представляли. Требовались только покой и время. Андрей собрал рюкзак, не забыл взять медикаменты. Геологи помогли перенести Глеба к реке и уложить его на заботливо расстеленный на днище лодки матрас.

Деревня, по рассказам Глеба, находилась внизу по течению. Река разлилась и плавно несла свои воды. Сплав по Чёрной обещал быть спокойным и недолгим. Андрей умело управлял веслом. Глеб молча наблюдал за поросшими тайгой скалистыми берегами, мимо которых проплывала их долблёнка. Молчание нарушил Андрей:

– Ты почему один в тайгу ушёл?

– Тяти нету, а матушка дома занята, – ответил Глеб.

– А где отец?

– Я ещё малой был, он ушёл в тайгу и сгинул, искали его. Видно, в трясине утоп. Нашли тятин посох на Чёртовом болоте. Он с ним никогда не расставался. И чего его туда понесло? Наверно, леший закружил.

Так, беседуя, они прошли на лодке добрую половину пути.

За поворотом реки с каменистой косы неожиданно взлетели несколько глухарей. У Глеба загорелись в азарте глаза.

– Эх! Сейчас бы из ружья!

– Ничего! Ещё успеешь. Выздоровей сначала, – успокоил его Андрей.

Берега реки стали сужаться, образуя между скалистых берегов высокие каменные ворота. Течение усилилось, и судёнышко понеслось, покачиваясь на холодных волнах таёжной реки. Проскочив узкое место, лодка вышла на широкий речной разлив. Здесь течение успокоилось и плавно развернуло её к песчаному берегу, на котором лежало несколько долблёнок.

– Вот мы и дома! – радостно сказал Глеб, показывая взглядом на деревянные дома, стоявшие на берегу, почти смешавшись с деревьями. Их заметили. Со стороны селения к реке стали подходить люди. Опередила всех молодая женщина. Она с нетерпением ждала, когда лодка подойдёт к берегу, и, как только долблёнка уткнулась в песок, она с криком бросилась к лежащему в ней сыну:

– Сыночек! Глебушка!

Она и радовалась, и плакала от счастья, что сын жив, что он дома. Молча, не торопясь, подошли деревенские мужики, сдержанно поздоровались. Увидев в лодке Глеба, аккуратно вытащили его из долблёнки и понесли в деревню.

– Ты кто будешь? – спросил Андрея один – видимо, старший. Он был в вязаной шапочке, с красными щеками и густой чёрной бородой. Звали его Тимофей Николаевич. Голос у него был строгий, но не злобный, и Андрей рассказал всё, что случилось с Глебом. Внимательно выслушав геолога, Тимофей пригласил его в деревню.

– Коли ты нашего мальчика сберёг, мы у тебя теперь в долгу!

И они двинулись к домам.

Деревня была домов в двадцать. Невысокие старые избы с маленькими окнами, пристройки для скотины и узкая улочка с тропинками между домов. Все заборы и ворота были сделаны из толстого тёса, надёжно и основательно. Тимофей привёл Андрея к дому, срубленному из толстого лиственника, с большими, по сравнению с другими избами, окнами.

– Здесь Глеб живёт с матерью. Он просил, чтобы ты у них остановился.

Во дворе их встретила та же женщина лет тридцати пяти, в платке и старинном сарафане. Она поклонилась и провела их в дом. Горница в доме была светлой и чистой, посреди неё стояла русская печь, от неё шло тепло, пахло хлебом и травами. В красном углу висели старинные иконы, их было много, очень много. А под божницей на полочке лежала открытая книга с очень ветхими страницами и висела лестовка из кожи.

Хозяйку звали Анастасия. Она перекрестилась на образа, усадила гостей на широкую деревянную лавку и обратилась к Андрею:

– Ты спас моего сына, мою кровинушку, в долгу я у тебя.

Она открыла небольшой сундук и достала из него камюю.

– Это мой подарок. Когда всё сбудется, сделай так, как я советую.

Андрей заметил: точно такая же камюя висела на шее Анастасии.

– Пройдёт много лет, у тебя будет сын, и, когда он женится, у него родится дочь, твоя внучка. Когда она станет взрослой, передашь ей эту камюю. Камюя её будет оберегать. А за Глеба не волнуйся, я уже осмотрела его раны, поднимется на ноги через неделю!

Андрея накормили, дали хлеба на дорогу. Геолог попрощался с Глебом, тот лежал в соседней комнате и всё слышал.

– Я же говорил, что у меня матушка ведунья! Скоро сам к вам в гости приеду!

Андрей попрощался с Анастасией и пошёл к реке. Двое мужиков скинули на воду лодку, и они втроём отчалили от берега, выгребая против течения.

На базу Андрей добрался уже ночью без приключений. Мужики заходить к геологам не стали и, высадив Андрея, отправились в обратный путь.



Рассказав внучке историю камеи, Андрей Николаевич вздохнул, как будто сбросил тяжёлую ношу, взял медальон и надел Александре на шею.

– Всё! Я выполнил своё обещание, данное Анастасии!
Так камешка через много лет оказалась у Александры.

Часть 4. Товарищи

Ночью волк захрипел и затих. Максимыч встал, проверил зверя, он тяжело дышал. Таёжник, подкинув дрова в железную печурку, задремал на лежанке, иногда просыпаясь, прислушивался к дыханию Вожака.

Утром солнце сначала скромно заглянуло в маленькое окошко избушки и вдруг ярко ударило своими лучами, осветив в доме охотника скромную обстановку и волка, лежащего в углу на стареньком одеяле.

Максимыч накинул куртку и вышел на улицу. В тайге чувствовалось приближение весны.

Солнце светило как-то жарче, день становился всё длиннее. В воздухе появились неуловимые запахи, которые будоражили душу и волновали сердце.

Установилась солнечная весенняя погода. Ещё недели две – и начнут моросить мелкие дожди, снег начнёт оседать, валиться – и тайга станет непроходимой.

Такое время охотники переживают в своих избушках и выбируются из тайги только во время или после весеннего паводка. Максимыч все таёжные дела уже завершил и хотел уйти в свою деревню ещё раньше, до весенних дождей, но Вожак... Его нельзя было бросить, поэтому он остался.

Прошло несколько дней. Волк уже с трудом поднимал голову и хрипло рычал.

Максимыч пытался кормить его, но ничего не получалось, зверь скалился, показывая огромные острые клыки. Тогда охотник стал выкладывать мясо и бульон в чашку и подставлял её ближе к пасти волка. Утром замечал, что чашка была пустой.

Раны у волка затягивались быстро. Перевязки таёжник уже не делал, лишь смазывал раны своим заживляющим бальзамом. Волк, понимая, что его лечат, не рычал, спокойно переносил все необходимые процедуры.

– Ничего, и ко мне привыкнешь, – говорил Максимыч. Он всегда разговаривал со зверем, успокаивая его своим добрым и ровным голосом.

Вожак быстро шёл на поправку. Зверя, живущего в природе, лечила сама природа с помощью человека. Прошёл месяц.

У таёжника и волка сложились почти товарищеские отношения. Хищник признал в охотнике равного и уже не рычал, а спокойно, можно сказать, терпимо относился к человеческому присутствию.

Он выходил на улицу, сопровождал своего друга к реке, когда охотник ходил за водой. Припадая на переднюю лапу, ковылял рядом с ним, шевеля своими ушами, как будто слушал Максимыча, который разговаривал с ним, как с человеком.

Однажды вечером, когда таёжник заряжал патроны, недалеко от избушки раздался протяжный волчий вой. Вожак лежал в своём углу, сразу поднялся, толкнул лапой дверь и выскочил на улицу. Максимыч вышел вслед за ним и увидел у кромки леса волчицу.

– Ну вот за тобой и пришли, – сказал он. – Значит, пришло время прощаться.

Волк пошёл к ней, но вдруг остановился, оглянулся... Охотник с грустью смотрел на зверя, с которым уже успел подружиться, как с напарником, как с товарищем по тайге. Во взгляде Вожака он уловил что-то человеческое, разумное, как будто сожаление или тоску.

– Иди к своей стае, в тайге ты дома, она тебя и долечит, а мне в свою стаю пора, – произнёс вслух Максимыч.

Вожак, хромя, прыжками метнулся в лес и скрылся среди густого ельника.

Старый таёжник смотрел на заходящее солнце и думал...

«Душа – она и у хищного зверя есть. Волк, а всё понимает, только сказать не может...»

Часть 5. Домой

Старый охотник стал собираться домой, в деревню. Таёжные дела были закончены, и хотелось к людям, в цивилизацию; узнать новости, поговорить с мужиками, выпить по рюмочке и просто отдохнуть от лесных забот. Ещё нужно было подремонтировать крышу дома, покосившийся забор и калитку. Добытые шкурки соболя Максимыч хотел положить в морозильник до следующей зимы, так они лучше сохранятся, а перед Новым годом сдать в приёмный пункт, потому как цены зимой на пушнину выше.

Иногда вспоминал Александру: как она там? Всё ли хорошо? И вернулась ли к ней память? Обо всём этом он думал, подготавливаясь к предстоящему походу домой.

До деревни путь предстоял не близкий, нужно было сплавиться по реке на лодке несколько десятков километров, пройти опасные пороги и только потом заводить мотор и спокойно ехать по широким речным разливам до деревни, которая стояла на самом берегу реки. Деревенька была небольшая, очень старая. Ещё с советских времён здесь жили рыбаки и охотники. Вокруг стояла дремучая тайга. Зверя и птицы было полно, рыба водилась в озёрах и реке. Хватало всем. Связь с большой землёй осуществлялась только вертолётom.

В последние годы в деревне остались одни старики и ещё охотники, влюблённые в таёжную жизнь и не желавшие уезжать от своих освоенных участков. Вот и Максимыч остался. Да и куда ему ехать? Один как перст. Был женат, но детей Бог не дал, и жена не выдержала такой, как она говорила, кержацкой жизни – и уехала в город, ближе к цивилизации. Так Максимыч остался в своём родительском доме один.

А в тайге бушевала весна. Растаявший снег скопился огромными озёрами на лесных болотах и сбегал бурными ручьями в речку. Берёзы заплакали, наполняя почки чистым, сладким соком. Вот-вот начнут появляться зелёные нежные листочки.

На разлившейся реке с утра сновали утки, выбирая себе пары. В стороне, на разливах, перед своими избранницами важно плавали лебеди, трубя любовные серенады, танцуя, расправляли крылья, плескаясь в хрустальной, сверкающей на солнце воде.

Лес кричал на разные голоса, создавая единую мелодию природы, фоном которой служил шум грохочущих речных порогов.

Максимыч с утра собрал рюкзак, оттолкнул подготовленную лодку и стал сплавляться по быстрой реке, иногда, причаливая, отпускал лодку на верёвке вдоль берега, придерживая на опасных порогах.

Кое-где на берегах лежали ещё не растаявшие льдины, пройдёт дня два-три – и от них останутся только небольшие лужи.

Вот на берег выскочила росомаха, пригнувшись, она к чему-то принюхивалась и вдруг, увидев лодку с сидевшим в ней охотником, молнией умчалась в тайгу.

«Опять в избушку заберётся, нашкодит!» – подумал охотник. Но эти мысли не омрачили настроение Максимыча.

Очередной порог таёжник решил пройти сплавом, не выходя из лодки. Течение стало усиливаться, и судёнышко вынесло на самую стремнину. Волны перехлёстывали через борт, вода кипела и пенилась в мощных бурунах и водоворотах, билась о береговые скалы, словно пытаясь разбить их своей массой.

Проскочившую порог лодку течением занесло в небольшой залив. Максимыч причалил к берегу и, немного передохнув от пережитого волнения, вытащил судёнышко, разжёг костёр и стал готовиться к ночёвке. У костра он сделал лежанку из еловых веток, положил спальник, улёгся, поворачиваясь то одним, то другим боком к огню, – для таёжника ночь у костра – обычное дело.

Солнце, заалев, уже склонилось к горизонту, но заходить не собиралось. Проплыв над ним по небосклону, снова стало подниматься, набирая яркость и лучезарность, сообщая всему миру о приходе нового дня.

Старый таёжник проснулся, повесил котелок над огнём, сложил спальник и пошёл к реке умыться и осмотреться. Давно проснувшиеся утки взлетели в заливе, увидев охотника. Утро обещало перейти в тёплый солнечный день.

Максимум позавтракал, установил мотор, завёл его и направил лодку вдоль берега. Дальше по реке начинались тиши – широкие разливы со спокойным течением и невысокими болотистыми берегами. Места были дикие, заросшие тальником и берёзой. В просветах деревьев просматривался тёмный еловый лес. Во время сильных паводков река заливала берега до этого леса, образуя топкие болота.

Максимум проехал на моторке пару десятков километров. Начинались места, знакомые с детства. Скоро деревня!

Деревня...

Дома деревеньки стояли на берегу, вдоль реки одной улицей, домов тридцать, не больше.

Окна отсвечивали солнечными зайчиками и слепили глаза. На берегу копошились мужики – разбирали сети, собираясь на рыбалку. Максимум причалил к своему месту, где всегда оставлял лодку. Заглушил мотор и подтянул её, чтобы не уплыла.

Подошли мужики:

– Здорово, Максимум! Чего-то ты нынче припозднился. Мы уж думали, не случилось ли чего?

– Здорово, мужики! Да чего там случиться может... Зимовье ремонтировал, совсем крыша сгнила. – Максимум не хотел рассказывать о случившемся, начнут сочинять... Люди разные.

Как вон Гаврилыч – ох и противный мужичонка! – то чужие сети проверит, то из капкана соболя снимет. Здесь это равно-

сильно воровству – все знают, а доказать не могут. Выкручивается Гаврилыч – не он это! Врёт и не краснеет! В прошлом году пристал к Максимычу: а золотишко ты там, случайно, не моешь? За столько лет, наверно, и жилу золотиносную нашёл? – плюнул в сердцах старый охотник – ох и ядовитый ты человек, Гаврилыч! Тот только захихикал и отошёл, зная взрывной характер Максимыча.

Таёжник поднялся по деревянной лестнице на крутой берег к своему дому. Окна смотрели на речку, вход находился сбоку, под плотным навесом во весь двор. Хозяин отворил калитку, зашёл на двор.

Осмотрел всё критическим взглядом – не изменилось ли чего? Всё было на местах, прибрано и закрыто. Он открыл двери и вошёл в дом.

Дома всё было как прежде. Как уехала жена, Максимыч ничего не менял. Ему нравилась уютная кухня, в которой громко тикали ходики, зал с удобными и глубокими креслами, в которых так было уютно сидеть с женой вечерами и смотреть телевизор.

Взгрустнулось немного.

Вечером пришли мужики. Максимыч накрыл стол, сварил ухи и картошки, нарезал ломтиками солёного чира. Мужики сидели не долго, понимали: хозяину надо отдохнуть после тяжёлой дороги.

Гаврилыча от водки развезло, он лез к хозяину с разговорами и с каким-то предложением, говорил:

– У меня место есть заповедное! Мой дед рассказывал. Я был там с ним один раз! Там золотые самородки прямо под ногами валяются! – болтал старый Гаврилыч. – Давай туда сходим! На всю жизнь себя обеспечим!

«И на кой ему сдалось это золото? От него одни неприятности... Вот прилип! Как репей...»

Максимыч отмахнулся от него:

– Потом поговорим, Гаврилыч, потом!

Мужики тихонько разошлись по домам...



Прошла неделя. За это время Максимыч отремонтировал сарай, заменил сгнившие столбики на заборе и заготовил дров. Пару раз проходил Гаврилыч, останавливался, здоровался. Пытался что-то рассказать, но Максимыч сразу находил неотложное дело и, сказав, что ему некогда, уходил.

Часто вспоминал Александру: что с ней? Вернулась ли память?

Часть 6. Больница

Александра сидела на больничной кровати и от скуки вертела в руках камень.

Отец её встретить не смог, его срочно вызвали в штаб дивизии на какое-то совещание.

Саше сказали, что он приедет вечером, она сидела на кровати и играла камеей, пуская солнечные зайчики, отражавшиеся от тыльной стороны медальона.

Наведя солнечный зайчик на стену палаты, она заметила какие-то хаотичные тёмные линии на стене в ярком солнечном пятне. Её это заинтересовало, она стала рассматривать тыльную сторону камня. Внимательно присмотревшись, она заметила множество царапин, а может, выгравированных линий, которые и не отражались в солнечном зайчике. Саша стала крутить камень в руках, пытаясь найти хоть какую-то систему в расположении этих линий. Пальцами обхватила всё украшение и нечаянно надавила пальцем на центр выступающего рисунка медальона. Раздался звонкий щелчок, и центральная часть камня повернулась против часовой стрелки на пол-оборота. От неожиданности Александра даже вскрикнула: теперь все линии совпали, получился упорядоченный рисунок, он был очень похож на карту! Карта с очень мелким масштабом!

Саша ликовала: вот оно! Вот секрет этой камее! Но что изображено на карте? Какая местность? Это нужно было ещё выяснить.

Вечером с шумом в палату ворвался отец, он чуть не задушил в объятиях любимую дочь.

Потом они сели и отец, уже успокоившийся, стал рассматривать свою похудевшую за время своих приключений Сашеньку. Он хотел забрать дочку, но врачи сказали, что домой отпустят только завтра вечером.

На другой день отец приехал и забрал Александру домой.

Дома к Саше вернулась память, она вспомнила всё! Всё, что было до аварии, и даже своё раннее детство и дедушку, с которым любила беседовать в его кабинете. Александра рассказала отцу обо всём, что с ней произошло, про аварию и про то, как её спас Максимыч. Отец внимательно слушал, не перебивая и кивая головой.

Когда Александра рассказала про секрет камей, он принёс карту и они вместе стали её разглядывать и сравнивать контур местности. Ничего не получалось, слишком большую площадь приходилось осмотреть и сопоставить с маленькой картой на камее.

Уже почти отчаявшись, Саша вспомнила, как дедушка рассказывал, что он работал на реке Чёрная. Отец нашёл район, где должна находиться эта река, и они стали внимательно рассматривать контуры карты этой местности. Неожиданно в одном квадрате речка совпала с картой.

Было очень неудобно смотреть в увеличительное стекло и сравнивать, но совпадения были явными! На одном изгибе реки на камее они рассмотрели еле заметный нацарапанный крестик. У Саши заблестели глаза! Открывалась новая, неизвестная тайна!

В гости

– Папуля! Папулечка, ну отпусти! – Саша сидела на диване и упрашивала отца отпустить её в деревню к Максимычу. В больнице Александра прошла полное обследование, и врачи признали её совершенно здоровой.

После того как она открыла тайну камеи, прошёл уже месяц, открывшаяся карта не давала покоя юной путешественнице. Разгулявшаяся фантазия рисовала картины одна загадочнее и интереснее другой.

Наконец отец поддался её уговорам, но поставил условие: без Максимыча в тайгу – ни ногой!

Радостная дочка расцеловала отца и стала собираться в дорогу.

На другой день он привёз Сашу на военный аэродром и отправил на вертолёт в таёжную деревню к Максимычу, по-военному приказав отзвониться по спутниковому телефону, как только она прибудет в пункт высадки.

Счастливая Александра летела на вертолёт к разгадке камеи, не зная, что её ждёт в таёжной глуши...

Часть 7

Максимыч ремонтировал крышу. Давно собирался, но всё время находились какие-то неотложные мелочи. Уже забывая последний гвоздь, он услышал шум летящего вертолёта.

Вертолёт был военный, он сделал круг над деревней и стал садиться на крутом берегу реки, на большой поляне, устроив переполох среди деревенских жителей.

Большинство людей побросали свои дела и с любопытством наблюдали, что произойдёт дальше. Не каждый день прилетает военный вертолёт!

Едва машина коснулась колёсами земли, как из открытых дверей выпрыгнула молодая красивая девушка, вслед выбросили рюкзак, который она поймала на лету и отбежала от вертолёта, что-то крича и махая лётчиком рукой. Машина набрала обороты и взлетела.

Осмотревшись, Александра (а это была она) подозвала любопытного мальчишку, открывшего рот от удивления, и спросила:

– Пацан, ты знаешь, где Максимыч живёт? – на что мальчишка кивнул и позвал Сашу за собой.

Когда они подходили к дому, Максимыч уже спустился с крыши и вышел за калитку встречать гостью, он уже догадался, кто прилетел к нему, но вот зачем и по какому делу?

Просто так такую технику гонять не будут. Значит, произошло что-то важное.

Они обнялись, Максимыч сдержанно улыбался, скрывая свою искреннюю радость.

«Вот прикипел душой, как дочка стала», – думал он о Саше.

Саша не сдерживала радости встречи, что-то щебетала, рассказывая про отца, про больницу, и задавала кучу вопросов, тут же перебивала себя, рассказывая что-то новое.

Они вошли в дом, Максимыч стал накрывать на стол, спрашивая её о здоровье и, самое главное, вернулась ли к ней память.

Когда сели ужинать, Александра подробно рассказала про каменю и карту, которая была выгравирована на её обратной стороне. Они внимательно изучили гравировку, сличили с картой местности и пришли к выводу, что Саша с отцом были правы. Крестик обозначен на излучине, на возвышенности, а скорее всего, на крутой скале возле реки.

Что он обозначает? Максимычу стало любопытно,

– Будем готовиться к экспедиции, пока есть время, – решил он.

На следующий день Максимыч зашёл в магазин за хлебом и крупами, поздоровался:

– Здравствуй, Стеша, чего-то давно Гаврилыча не вижу, или уехал куда?

Продавщица Стеша, с любопытством поглядывая на Максимыча, ответила:

– Мужики говорят, куда-то в тайгу подался, никому ничего не сказал, может, на рыбалку? Давно уже уехал-то, кабы чего не случилось. А к тебе кто приехал?

– Родственница, – буркнул Максимыч, сложил товар в котомку и вышел из магазина.

«Куда делся Гаврилыч? То глаза мозолил, в друзья набивался, в тайгу звал, а тут... исчез! Неужто один ушёл?» – думал старый охотник. Его взволновало сообщение об исчезновении Гаврилыча. Но со сборами и заботами он скоро забыл о нём.

Дома они с Александрой стали укладывать рюкзаки и разрабатывать маршрут.

До места, обозначенного на карте, весной, по большой воде, можно было проехать на моторной лодке, но сейчас, в самом начале осени, в верховья реки Чёрная можно было проехать километров 40. Спокойная вода обрывалась небольшими, но опасными водопадами, переходящими в мощные пороги, до 25 километров. И только потом можно будет искать обозначенное место на карте. Но уж очень опасна река в тех местах!

«Треть пути придётся идти пешком, – обдумывал маршрут Максимыч. – Идти придётся вдоль реки, легче и проще, пусть и дальше. Можно, конечно, спрямить путь, но это будет тяжелее, ноги будут утопать во мху, и наверняка болота обходить придётся».

Они обсудили с Сашей сложности маршрута, прикинули, что из снаряжения пригодится в таёжном походе. Рюкзаки получились увесистые. Максимыч был настроен оптимистично.

– Ничего, Сашка! Своя ноша не тянет. Это не 100 километров, всего лишь 25! Один день пути! – настраивал он себя и Александру. И они стали готовиться к походу.

Максимыч прекрасно понимал, что этот поход будет очень трудный и сложный. Таёжная жизнь приучила старого охотника готовиться очень тщательно и серьёзно, продумывать каждую мелочь, но всё предусмотреть было, конечно, невозможно. Поэтому брали только самое необходимое.

Лодка была заправлена полными баками горючего, подвесной мотор исправен и заводился с первого раза.

Продукты закуплены с запасом, ружьё почищено и смазано, патроны вставлены в патронташ и залиты парафином...

Утром, попив чай, Максимыч с Александрой отчалили от берега. Моторная лодка шла ровно, слегка покачиваясь на быстром течении реки. Погода радовала осенним солнечным теплом. Тайга стояла стеной по берегам реки, кое-где среди зелени стройных берёз выделялись проплешины жёлтой листвы – первый признак окончания лета.

Максимыч хорошо знал речку. Уже почти сорок лет он охотился на своём участке и изучил Чёрную. Каждый порог, каждую каменную косу на реке знал на память.

Но не всё так просто. В разное время года она менялась и показывала свой норовистый характер. Вот и сейчас, в конце короткого северного лета, река обмелела. Грохочущие пороги показали из воды свои камни-зубы, о которые было разбито множество лодок местных жителей. Поэтому в верховья реки мало кто решался идти на лодке. Даже пешком в старину туда редко ходили охотиться, уж очень глухие и непроходимые были здешние места. Старожилы поговаривали, что в таёжных урманах старoverы прятали своих богов, но кто это проверял?

При прохождении очередного порога Максимыч резко повернул лодку, чтобы не наскочить на торчащий камень, судёнышко накренилось и зачерпнуло бортом воды.

Пришлось искать место для стоянки. Работая вёслами, Александра причалила к берегу, выскочила из лодки и привязала её к стволу берёзы. Максимыч вытащил рюкзак и стал устраивать лагерь. Разжёг костёр и подвесил чайник. Палатку поставили по привычке быстро и надёжно. В этот день решили дальше не идти. Таёжник отчерпал воду из лодки, вытянул её на берег и проверил количество бензина. Горючее нужно было оставить на обратную дорогу. Старый рыбак взял спиннинг и ушёл к реке, но вскоре вернулся с четырьмя крупными хариусами. Трещали дрова в костре, вплетаясь в общий таёжный шум, создаваемый шумом порогов, пением птиц и шелестом листьев. Солнце

не спеша скатилось к горизонту. Наступал вечер. Путешественники поужинали и стали готовиться на ночлег.

Максимыч наготовил дров и улёгся по привычке возле костра. Саша залезла в спальник и устроилась в палатке. На таёжный край опустилась ночь.

Ночь в тайге – это незабываемо! Тёмно-фиолетовое небо, усыпанное такими близкими и яркими звёздами, завораживает и манит к себе. Месяц, бледным светом освещая тайгу, создаёт картину нереальности, и смотришь на деревья, речку, траву, камни совершенно другим взглядом! Как будто очутился на другой планете. А ночные звуки и шорохи? Они настораживают и пугают. Шорох листьев выдаёт чьи-то осторожные шаги, треск сухих веток и крик встревоженной птицы – всё это создаёт жуткое впечатление, если вы в тайге впервые. Утром все страхи рассеиваются вместе с рассветом, становится легко и смешно над ночными тревогами.

Проснувшись, Александра вылезла из палатки и осмотрелась. Максимыча у костра не было. Она спустилась к реке, умылась. Лёгкий, прозрачный туман клубился над рекой, создавая живую картину природы, Саша залюбовалась. За спиной послышался тихий шелест листьев, она оглянулась, это был Максимыч.

– Доброе утро, Сашка! Ходил вверх по реке, дальше начинаются непроходимые пороги. Воды в реке нынче очень мало, придётся идти пешком.

Александра кивнула:

– Ничего, может, это и лучше, мимо утёса не пройдем!

Шутка получилась удачной. Максимыч засмеялся. Идти им предстояло намного дольше, чем запланировали по карте.

Собрались организованно и быстро. Рюкзаки получились увесистые, но времени у таёжников было достаточно. Можно было не торопиться и идти, делая короткие, но частые привалы, стараясь не утомлять себя тяжёлыми переходами.

Максимыч учил Александру:

– Когда идёшь, наступай мягко всей ступнёй на землю и старайся идти косолапя ногами, чтобы не устал большой палец ноги. Большой палец устал – устала вся нога!

Александра кивала и старательно следовала советам старого таёжника. Сначала у неё получалось с трудом, но ещё день перехода – и она стала ходить как Максимыч, почти бесшумно и осторожно.

А в лесу наступила осень. Берёзы уже переоделись в ярко-жёлтую листву. Рябины атели гроздьями ягод, склоняя кудрявые ветки от их тяжести. Ещё немного – и их листья покраснеют, выделяя деревья из таёжного осеннего разноцветья.

Идти было тяжело. Когда шли по лесу, спрямляя путь, ноги вязли во мху, с тяжёлыми рюкзаками такой переход был особенно труден. Вдоль реки идти было немного легче, но опасно. Можно было легко упасть, запнувшись о камень. Сравнивая местность и повороты реки с картой, Максимыч определил, что до цели их экспедиции осталось не более двадцати километров.

Тайга стояла притихшая и насторожённая, в этих местах она не привыкла встречать незваных гостей. Всё зависело от их намерений и поступков!

Часть 8. Заключительная

По непроходимой, дремучей тайге эти километры им показались бесконечными. Даже Максимыч, закалённый трудностями, был измучен тяжёлым переходом. Путешественники прошли только половину пути, но какую!

Пришлось обходить топкое болото, мошка выедала глаза, лезла под одежду и вгрызалась в кожу. То и дело мазались дёгтем – лучшее средство от кровососов! Современные репелленты, которые взяла Саша, помогали, но на очень короткое время. По ночам становилось холодно и комары куда-то исчезали, чтобы на другой день взять всё, что было пропущено за прошедшую ночь.

Максимыч снял рюкзак и стал внимательно осматриваться по сторонам. Он что-то заметил.

– Будь здесь, – сказал он Саше и прошёл вглубь тайги.

Минут через 10 он вернулся.

– Сашка, сегодня с комфортом отдыхать будем, я избушку старую нашёл. Пошли устраиваться.

Александра надела на плечи рюкзак, и они двинулись по еле заметной тропке, которая шла от реки в глубину леса. Избушка темнела в гуще молодых ёлок. Это было старое охотничье зимовье, с полусгнившей крышей и полом. Железная печка была цела, и даже лежала сухая щепка для растопки. Под нарами были наложены дрова. Кто-то в избушке уже был и успел привести её в порядок. На столике у небольшого окна, затянутого плёнкой, в консервной банке стояла свеча. По количеству расплавленного парафина было видно, что здесь провели не одну ночь. Всё это Максимыч заметил сразу, только вошёл в избу.

– Сашка, кто-то здесь жил, ушёл дня за два перед нами.

– Может, староверы? – спросила Александра.

– Нет, староверы не курят, – ответил Максимыч.

– А вдруг вернётся? – вопрос застыл в воздухе. Но через некоторое время Максимыч ответил:

– Из избы ушёл совсем, иначе бы оставил продукты.

Он задумался: кто же это мог быть? В душе появилось неприятное чувство опасности.

Чтобы отвлечься от навязчивых мыслей, он решил сходить на речку, нужно было поймать рыбы на ужин. Продукты надо было беречь, неизвестно, сколько ещё придётся бродить по дикой тайге.

Максимыч выбрал место и закинул спиннинг на середину реки. Место было подходящее. Рыба перед порогом отдыхала в больших заводях, за камнями.

С первого заброса схватил крупный хариус, но при подводе к берегу он сорвался.

Рыбак заменил блесну и закинул снова. Проводя снасть мимо валуна, он неожиданно почувствовал сильную поклёвку. Чуть не выронив снасть, он стал осторожно вытягивать большого тайменя. Рыба подалась, и Максимыч, встав на высокий камень, начал быстро наматывать леску. Очередной резкий рывок тайменя вырвал спиннинг из рук старого рыбака. Пытаясь сохранить равновесие, он переступил ногами, левая ступня попала между валунами, а сам он, оступившись, стал падать в другую сторону. Тут ногу Максимыча пронзила острая боль, и таёжник стал терять сознание.

Очнулся он в избушке, возле печки хлопотала Александра. Увидев, что он открыл глаза, она подошла:

– Как ты, Максимыч? Нога сильно болит?

– Живой ещё, а сколько я был без сознания? – спросил таёжник, приподняв голову, но застонал от боли.

Саша посмотрела на него:

– Сутки лежишь, тебе двигаться нельзя.

– Что произошло? Я помню, что упал.

Тут Саша рассказала ему, как искала и нашла его, лежавшего на берегу реки. Притащила в зимовье и уложила на нары. Растерянная, она стояла, не зная, что делать, потом разрезала сапог и ахнула!

Нога опухла и посинела. Могло начаться внутреннее заражение.

– Что же делать? – Саша от волнения взялась рукой за камею. Она всегда так делала, когда нужно было принять важное решение.

В голове кружились мысли, всё шло не так, как должно быть. И вдруг... руку словно кольнуло, от камей пошло тепло, голова затуманилась, и очень быстро стала идти непонятная информация. Когда Саша очнулась от этого наваждения, она уже чётко знала, что нужно делать. Сама того не понимая, она стала

ладонями снимать боль и воспаление с ноги Максимыча, залечивая больное место своей энергетикой. Ею словно кто-то руководил, но в то же время она осознала, что делает и для чего.

Старый таёжник ругал себя: так оплошать! И это с таким опытом!

Пришлось смириться со своим положением, и он во всём слушался Сашу как ребёнок. Её лечение давало очень хорошие результаты, через неделю он уже вставал с лежанки и, сильно хромя, помогал Саше в приготовлении пищи. Небо обложило низкими серыми облаками, начался мелкий морозящий дождь. Он напивал тайгу запахами мокрых опавших листьев, еловых веток и прелой травы.

Северная осень полна яркими красками, нудными мелкими дождями и погодными сюрпризами, днём может начаться снежная метель, ночью ударит морозец и превратит всё в ломкий хрусталь. Осенью нужно быть готовым к любой погоде, ведь неизвестно, что вас ждёт завтра.

Дождь моросил пять дней. Опухоль у Максимыча уже спала. Александра находила в лесу какие-то корешки, запаривала их, а потом прикладывала к ноге, делая плотные перевязки. Им, видимо, повезло, или Саша своим лечением смогла повлиять на скорое выздоровление ноги. С каждым днём старому охотнику становилось всё легче.

Через неделю пошёл мокрый снег. Он оседал на ветках ёлок и налипал на стволы деревьев. Накрыл крышу избушки белой махровой шалью. Всё в лесу было белым, только речка чернела среди снежного царства холодной свинцовой водой.

На другой день всё растаяло, осеннее солнце решило порадовать природу своим теплом, и от снежной сказки не осталось и следа.

Максимыч отремонтировал свой сапог и уже сам ходил, прихрамывая на левую ногу, опираясь на палку, которую вырезал себе из куста тальника. Продукты приходилось экономить,

поэтому они с Александрой ловили рыбу и солили, нужно было сделать небольшой запас.

Пока погода благоприятствовала, Максимыч, посоветовавшись с Александрой, решил продолжить путешествие.

Вышли утром, идти пришлось по берегу, вдоль реки, Саша шла позади Максимыча. Он, прихрамывая, внимательно выбирал себе дорогу, второй раз оступиться было бы верхом невнимательности. Часто попадались речки и ручьи, впадающие в Чёрную, их они переходили вброд. С трудом прошли несколько километров и решили сделать привал.

Максимыч сел на поваленное дерево, оно было старым, расщеплённым молнией, видимо, от этого и погибло. На стволе его заинтересовали какие-то зарубки, внимательно приглядевшись, старый таёжник понял, что это точная копия камеи. Он подозвал Александру:

– Смотри, Сашка! Это первый знак. Мы уже приближаемся к цели!

Саша с любопытством рассматривала вырезанный рисунок, разгадка камеи была почти рядом! Солнце стало клониться к западу, путешественники прошли ещё немного и решили остановиться на ночлег.

Палатка и костёр, уха в котелке и долгий вечер у костра. Саша мечтательно смотрела на огонь. Что их ждёт завтра? А вдруг ничего нет и это просто царапина на камее?

Не может быть! А пробуждение её дара врачевания? Вот доказательство!

Ночью Максимыч слышал тихие шорохи недалеко от палатки. Утром он обошёл вокруг лагеря, проверил следы и увидел едва заметные волчьи отпечатки. Таёжник насторожился: осенью волк становится более агрессивным и может напасть на человека.

А утро было замечательным! Встающее солнце радовало, река искрила солнечными блёстками. Вот на галечную косу вышли глухари, вытянув шеи, насторожённо прислушиваясь, стали клевать мелкие камешки. Вдруг кто-то мелькнул в кустах тальника, и вся стая с громким хлопанием улетела в сторону леса.

Максимыч чувствовал себя намного лучше. Вчерашний переход не натрудил ногу, а даже пошёл на пользу. Боли не было! Таёжник встал, присел и снова встал, всё было нормально. Можно было продолжить путешествие.

Александра была довольна, она вылечила Максимыча! Ещё не понимая, какой силой обладает, радостная и счастливая, она болтала обо всяких пустяках и лёгкой походкой шла следом за охотником.

Неожиданно из-за поворота реки показался высокий утёс. Берег был крутой, с каменистыми обрывами, но эта скала выделялась своей вершиной, гордо возвышавшейся над таёжными просторами. Внизу, под утёсом, своими порогами грохотала река, разбивая о камни тонны воды. Русло Чёрной в этом месте сужалось. Мощная струя воды с шумом мчалась на простор, преодолевая образованные природой скальные щёки. Максимыч и Саша поднялись вдоль ручья на крутой, заросший мелким кустарником берег. Сквозь ветки полуголых берёз темнел густой еловый лес, тёмный и загадочный, он притягивал своей таинственной неизвестностью.

Пробравшись сквозь кусты, они подошли к высокому кедру, чтобы отдышаться и определиться на местности. Река являлась хорошим ориентиром, её можно было определить по шуму порогов, если далеко не отдаляться.

Переведя дух и определив направление, путешественники стали углубляться в чащу леса, двигаясь в сторону утёса. Когда-то здесь, видимо, прошёл ураган. То и дело попадались старые поваленные деревья с торчащими из земли корневищами.

Максими́ч вдруг остано́вился, убрал уже занесённую ногу, чтобы перешагнуть через толстую лежавшую на пути ель.

– Сашка! Стой! Для гостей, похоже, приготовлен сюрприз!

Он нагнулся и за цепь приподнял старый ржавый, но взведённый капкан.

Александра от неожиданности присвистнула:

– Максими́ч, а капкан недавно поставлен?

– Нет, давно уже, видишь, пружина ослабла.

Он взял палку и задел язычок капкана. Механизм резко лязгнул зевом, схватив деревяшку своими железными зубами. Сработал он резко, но палка держалась свободно, пружина ослабла и не зажала свою добычу. Максими́ч без труда высвободил её.

– Это старый капкан, поставлен староверами уже давно. Видимо, мы на их территории. Теперь смотри в оба! – предупредил он Александру. Она согласно кивнула.

Они прошли ещё час, начинался подъём, идти становилось всё трудней.

Во мху, среди деревьев, стали попадаться огромные валуны. Наконец тайга расступилась, и перед ними открылся усыпанный крупными камнями склон утёса, местами поросший редкими кустами шиповника.

Чтобы добраться до вершины, нужно было обойти каменную осыпь краем леса и подняться на самый верх скалы. Посоветовавшись, Максими́ч и Александра решили не спешить, они спустились чуть-чуть ниже и разбили лагерь. Палатку поставили на удобном месте, возле ручья, который сбегал вниз по склону.

Алекса́ндре не сиделось, хотелось исследовать вершину, изучить склон утёса. Что-то должно быть! Не зря на карте было указано это место! Но Максими́ч строго-настрого запретил отходить от лагеря, найденный капкан насторожил старого охотника. Возможно, это не последний сюрприз, оставленный хозяевами здешней тайги.

Решив заняться осмотром и изучением вершины утёса на следующий день, Максими́ч и Александра поужинали и долго

сидели у костра, советуясь, с чего начать поиски. Они даже не знали, что им нужно искать.

Ночь прошла тревожно, слышались тихие шорохи опавшей листвы, как будто кто-то ходил вокруг лагеря. Максимыч положил спальник возле костра, подкинул дров и заснул чутким сном старого охотника, иногда просыпаясь, он прислушивался, подбрасывал поленья и снова засыпал.

Утро встретило таёжников встающим солнцем, пением птиц и прекрасным настроением. Ночные страхи были забыты, и друзья, проснувшись, стали собираться на вершину утёса.

Максимыч не решился подниматься по каменной осыпи, по ней было, конечно, ближе, но камни были «живые», неустойчивы и, если на них неудачно наступить, могли сдвинуться. Поэтому пошли в обход, по лесу, оставляя каменные нагромождения немного в стороне. Старый охотник внимательно осматривал каждое дерево, каждый камень, попадавшийся на их пути, но ничего подозрительного не заметил до самой вершины.

На вершине утёса открывался замечательный вид на таёжные просторы. В бескрайнем зелёном море выделялись ярко-жёлтой листвой ещё не совсем опавшие берёзы, алели яркими кострами рябины, и сверкали на солнце небольшие озёра, отражая небо своей зеркальной поверхностью. А под утёсом белели буруны бесновавшейся реки.

Грохот её порогов доносился и до вершины, создавая фон для разноголосого лесного шума. На вершине лежал большой камень с выдолбленным изображением камен.

Максимыч и Александра уселись на него, залюбовавшись раскрывшимся с высоты пейзажем.

Нужно было возвращаться в лагерь. Спускаться решили с другой стороны каменной осыпи, чтобы исследовать и эту часть склона утёса.

Спускались осторожно, изучая всё на своём пути, но... ничего! Уставшие и раздосадованные, они уже подходили к лагерю,

когда неожиданно перед ними появился человек. Как будто проявился из ниоткуда! Человек был страшен. Он вращал глазами, что-то угрожающе кричал и размахивал топором. Одежда была местами изорвана и свисала лохмотьями, это создавало ещё более устрашающий вид.

От неожиданности Максимыч попятился, загородив собой Александру. Она отступила назад, потеряла равновесие и вдруг провалилась в какую-то яму.

Человек замахнулся топором и было метнул его, но в этот момент из кустов выскочил огромный белый волк, он в прыжке схватил неизвестного за руку, изменив движение руки. Топор попал в гнилой пень, на который опирался огромный камень, видимо, когда-то скатившийся с горы. И вся масса каменной осыпи вздрогнула, со страшным шумом зашевелилась и подвинулась на несколько десятков метров, похоронив под собой всё, что только что было живым и хрупким. Максимыч, услышав шум и движение, успел метнуться в сторону от каменной лавины, оглянувшись и не увидев Александры, он подумал, что она успела убежать с опасного места.

Волка уже не было. Человек лежал с придавленной камнем ногой и стонал.

Максимыч подошёл к нему, повернул голову и узнал... Гаврилыча!

– Ты?! Ты как здесь?

Гаврилыч застонал:

– Помоги-и...

Таёжник вытащил нож и стал лезвием копать землю под камнем, выгребая её руками.

Вскоре нога была освобождена. Взвалив его на плечи, Максимыч перенёс его к палатке. Гаврилыч стонал от боли и плакал. Тогда таёжник решил осмотреть его рану и перевязать, а затем заняться поисками Саши.



Александры нигде не было. Максимыч разволновался, искал её следы, но ничего не нашёл, в лагере её он тоже не обнаружил. Куда она могла пропасть? Уж не задавило ли её камнями?

Саша катилась вниз, яма оказалась глубокой и пологой, как пещера. Это было скорее не падение, а скольжение по мокрой глинистой земле и камням внутри норы. Наконец падение закончилось. Александра осторожно привстала, чтобы не удариться головой. Поводила руками и не задела ни стен, ни потолка. Вокруг было темно и пахло сыростью. Она достала спичку и зажгла.

Огонёк высветил не очень высокий свод пещеры и одну из стен с торчашими из неё камнями. Вдруг земля вздрогнула, и раздался гул, как будто началось землетрясение.

С потолка посыпался песок, несколько камней выкатилось из норы, по которой соскользнула Александра. Она от неожиданности присела, потом отошла от опасного места и решила осмотреть пещеру. Это был каменный ход, когда-то пробитый подземной рекой, создавшей своим течением гладкие стены и причудливые каменные фигуры.

Дальше пещера становилась выше и шире. Саша прошла несколько десятков метров, здесь ход раздваивался. Из одного ответвления раздавался шум водопада, она повернула на шум и вдруг за поворотом увидела свет. На сердце сразу стало радостно и легко.

Спички уже заканчивались, когда Саша дошла до выхода из пещеры. Отверстие в скале было в рост человека, она выглянула из него и увидела внизу бурлящий водоворот реки, а напротив выхода – знакомую скалу на другом берегу, которую они с Максимычем видели с вершины утёса.

Александра поняла, что выход был в отвесной стене утёса, прямо над грохочущим порогом.

Перевязав Гаврилычу ногу, Максимыч оставил его в лагере, а сам пошёл на поиски Саши. Он облазил камни, где Гаврилыч напал на него, осмотрел всё, но ни следов, ни признаков присутствия Саши он не нашёл. Уставший от переживаний и поисков, он забрался на вершину утёса и, задумавшись, сел на камень.

«Не может такого быть, чтобы Сашку засыпало камнями! Не верю! – думал таёжник. – Что-то тут не так, что-то мы недодумали с ней. А может, утёс с секретом? Ведь отметка на карте стояла именно на вершине?»

Максимыч вскочил с камня и стал осматривать его со всех сторон, потом взял нож и попытался лезвием процарапать под ним. Но ничего не нашёл, никакой зацепки...

Он снова сел, удручённо уставившись в одну точку. И вдруг... услышал крик!

Знакомый голос звал снизу, из-под скалы, со стороны реки! Максимыч откликнулся:

– Сашка! Сашка! Ты жива?!

– Жива, Максимыч! Бери верёвку и спускайся! Всё сам увидишь!

– Я сейчас, Сашка! Сейчас, только схожу за верёвкой!

Максимыч ушёл к лагерю. Возле палатки костылял Гаврилыч, разводя костёр и собираясь ставить чайник над огнём.

– Будь здесь, я скоро приду, – сказал Максимыч, взяв фонарик и на ходу схватив верёвку, заторопился на утёс.

Он окликнул Александру, удостоверившись, что она на месте, привязал верёвку к камню, сбросил её вниз и стал спускаться к пещере.

Вход он увидел немного в стороне, пришлось переместиться, чтобы попасть в пещеру.

Александра прыгала от радости как ребёнок, потом успокоилась и рассказала Максимычу, что с ней произошло.

Старый таёжник привязал верёвку, включил захваченный фонарик, и вместе с Сашей они двинулись вглубь пещеры. Дойдя до развилки, они остановились.

Максимыч пошёл первым, Саша чуть позади. Луч фонарика освещал серые своды пещеры, оживляя стены причудливыми тенями. На одной из стен они заметили какие-то знаки, пройдя ещё несколько поворотов, они неожиданно вышли в огромный высокий зал!

От неожиданности Максимыч остановился. Фонарик выхватывал из темноты сверкающие, переливающиеся всеми цветами камни и ярко-жёлтые, отсвечивающие золотом предметы. Путешественники опешили. Максимыч увидел стоящую на полу жаровню и зажёл спичку. Жаровня вспыхнула, как будто масло в неё было налито вчера.

Зал вдруг осветился и заиграл, заискрился гранями драгоценных камней. Чаши и золотые кубки, ножи в золочёных ножнах и топоры с серебряными рукоятками – всё блестело, отражая огонь жаровни.

Саша с любопытством нагнулась, чтобы подобрать золотую монету, лежавшую на земле. Максимыч схватил её за плечо:

– Не трогай! Ничего не трогай!

Саша вздрогнула:

– Хорошо, не буду.

Глубину зала жаровня освещала плохо, и Максимыч включил фонарь, навёл его на стену и остолбенел...

Они стояли с Александрой ошарашенные и обалдевшие от увиденного!

На стене, на высоте человеческого роста, висела огромная ка-
мея...

На круглом серебряном диске, в центре, из золота было сделано изображение знака, очень похожего на русскую букву Ж. Вокруг знака по кругу были вставлены драгоценные камни в форме солнца. Изображение светилось и переливалось, гипнотизируя своей красотой и каким-то особенным светом, как будто излучало мелодию. Александра стояла как парализованная, не сводя глаз с изображения. Её захватила звучащая от камен-
ной музыка и поглотила полностью, освобождая от человеческих

забот и желаний. В душе появилось чувство чистоты, свежести и новизны, как будто взяли драгоценный камень, почистили – и он загорелся, засверкал своей огранкой, как кристалл, отражающий солнечные лучи.

Наваждение длилось несколько минут, Александра вздрогнула и, взяв Максимыча под локоть, повела к выходу из зала. Она шла с очищенной и обновлённой Душой, твёрдо зная, что ей нужно делать.

Позже Гаврилыч рассказал, что его дед когда-то мыл на ручье золото. Недалеко от их лагеря стоял чум, в котором он и жил. Поэтому он следил за путешественниками и напал на них, думая, что они идут на его прииск. После всех событий Максимыч, Александра и Гаврилыч вернулись в деревню без приключений.

Отец Саши подружился с Максимычем и частенько прилетал к нему в деревню на рыбалку. Про тайну, которую раскрыли старый таёжник и Александра, знали только они и отец Саши.

Александра поступила в медицинский институт и, окончив его, стала одной из лучших врачей города Новосибирска.

Белый волк ещё раз спас Максимыча от гибели в тайге, но это будет уже другая история.



Валентина Душина

г. Набережные Челны, Татарстан

Бедные люди

Игуменя иначе как милостью божьей брак Аполлинарии с Лукой Федулычем не называла. Вот уж на диво подобралась славная пара.

Поленька открыла мужу всю свою душу, поверяя помыслы и желания, уповая на его мудрое и прозорливое усмотрение. Чему Лука Федулыч был несказанно рад.

Холод одиночества, бессилия, когда она чувствовала себя людям чужой, отступил. Она купалась в тепле и роскоши семейной жизни и, к стыду своему, совсем не думала о монастыре и монахинях. С раннего утра попив чай и проводив Луку Федулыча в лавку, она начинала думать о том, каким бы вкусным блюдом его попотчевать по возвращении. Лука Федулыч подарил жёнушке столько платьев и шалей, что многие висели в шкафу, ещё ни разу ей не надёванные. Поленька вязала ему из тонкой шерсти жилет по французской выкройке. Работа близилась к завершению.

Поленьке не обязательно было своими трудами добывать средства к существованию, знала, что здесь, под кровом родного дома, в крепких объятиях мужа, ей ничего не угрожает. Имея столь блистательные способности, молодая женщина считала своим долгом приносить пользу.

Весь распорядок учебного года и каникулы были связаны с церковными праздниками (смысл каждого праздника Поленька подробно объясняла детям на занятиях).

В программу обучения входили такие предметы: Закон Божий (краткий катехизис) и священная история; чтение по книгам гражданской и церковной печати; письмо; первые четыре действия арифметики; церковное пение.

Занятия начинались в девять и продолжались до двенадцати часов пополудни.

Кухарка приносила щи или суп, а также чай и пирожки. Дети обедали, одевались и шли с Поленькой на прогулку.

Погуляв час, все возвращались, и уроки продолжались до четырёх часов.

Детей забирали, и Поленька, поднимаясь по лестнице к себе наверх, замирала от счастья, как человек влюблённый и совсем мало ещё поживший, и не химера счастья, а самое что ни на есть настоящее наполняло её душу трепетом и восторгом, заставляя быстрее бежать по венам кровь.

Всякий заботится сам о себе, и только Господь радеет обо всех, думает Поленька. Настолько тихо, спокойно и созерцательно внутренне жилось ей, что слова молитвы сами сходили с уст.

Луч вечернего солнца подсвечивает пушок на щеке Поленьки, завиток волос, мочка маленького уха прозрачно розовеет на свету. Совсем недавно Поленька начала писать дневник, вот и сегодня после занятий молодая женщина сидит в мягком кресле у окна, придвинув к себе небольшой ломберный столик. На первый взгляд кажется: совсем просто проникнуть в окружающий мир через слово, связав воедино детали окружающего быта, предчувствий, снов... вот уже вечерняя тень ложится на лист, мысль, обретая осязаемую плоть, становится всё ярче и точнее. Картины жизни, как холсты, написанные твёрдой рукой художника, встают с неоспоримостью факта. На свежем, спокойном и красивом лице Поленьки ничего не прочесть, нужно подойти совсем близко, чтоб увидеть в её глазах пылающий огонь вдохновения. На днях приезжала матушка, и Поленька записывает слово в слово расследование запутанного дела об убиенной Глафире, которое настоятельница обсуждала с Лукой Федулычем в воскресенье за обедом. Поленька представляет юную девушку в расцвете лет, лежащую в мокрой траве на пустыре за оградой монастыря. Брошенный рядом окурочек. Нет ничего страшнее внезапной смерти. Краткое мгновение жизни, вырванное

из настоящего, так же будет вычеркнуто из записных книжек, визиток и прочего газетного хлама.

Живя в монастыре, Поленька просыпалась до свету и, дёрнув фрамугу маленькой форточки, вдыхала холодный, сырой воздух с улицы. Далее – там, за монастырскими стенами, – в это время стоял плотный белый туман. И хоть бы один звук ботала или колокольчика нарушил мёртвую тишину...

Рассказ игуменьи

Крест зависти, злобы, ненависти и людской глупости и жадности был спутник всей моей долгой жизни. Не каждый способен жить праведно, в простоте сердца идти путём, указанным Промыслом Божиим, не обращая внимания на хуление и наветы.

За сорок дней до случившейся трагедии было мне видение: старец, облачённый в монашескую мантию, её ещё называют палием, имеет сорок складок по числу дней поста Господня; вот-вот, думаю, стрясётся какая-либо беда, ведь, по русской пословице, «затишье перед бурей бывает».

Сию я, думаю, что Господь Своими непостижимыми судьбами Промышления о нас даёт мне это время для нравственного приготовления к предстоящим мне дням, исполненным многих скорбей. Так оно и вышло... предчувствие не обмануло меня.

Я уже упоминала, что вновь поступившую девочку поручила заботам и надзору старицы Анатолии, а также монахини Варсонофии. Перед этим я имела долгий разговор с матерью Глафиры. Материальное положение семьи было катастрофическое.

Поправить его могло только удачное замужество дочери, которой шёл пятнадцатый год. Высокая, с вполне сформировавшейся грудью, Глафира выглядела старше своего возраста. Русая коса, большие серые глаза и то, что она происходила из хорошего рода, давало надежду на устройство её судьбы.

Ольга Медынцева начала вывозить дочь в свет. На наряды и обувь юной красавицы было потрачено гораздо больше денег, чем могла позволить себе вдова.

Мать и дочь уже посетили несколько вечеров и домашних спектаклей, но Глафире не хватало образования, чтобы заинтересовать серьёзного жениха. Девушке мешали скованность и смущение, неумение вести себя в обществе, но, несмотря на это, мать не переменяла свои мысли и намерения. Она возлагала большие надежды на Святки, когда начнутся всякого рода увеселения.

В дом зачастила портниха, которая и посоветовала во время примерки и совещаний о платьях нанять дочери учителя, чтоб образовать её общими сведениями о всевозможных науках.

Учитель оказался на удивление молод и красив. Глафира, которая жила до этого в полном затворе и совершенно не знала жизни, потянулась к молодому человеку всей своей одинокой душой. Она ещё не столкнулась с супружеской жизнью лицом к лицу, о любви девица черпала сведения из старых романов, которые нашла в сундуке. Глаша воображала в лице мужа прекрасного любовника и благодетеля, готового потакать всем её капризам и желаниям, вовсе не понимая условий для супружеской жизни.

Ослеплённой любовью прелестнице казалось, что их чувства взаимны, она готовилась со своим избранником вступить на порог жизни самостоятельной, светской, свободной.

Не видя серьёзного основания для любви дочери к учителю, Ольга Медынцева сочла это за мечту экзальтированного воображения, увлечение юности и тому подобное и, разумеется, нашла нужным всеми силами противостоять ему в надежде рано или поздно разбить эти мечты.

– Мамочка дорогая, – плакала Глафира, – не гневайтесь на меня; но я не могу не чувствовать, что не в состоянии буду жить без него, бывать в свете, я люблю Петра Евгеньевича, не хочу вас оскорбить своим признанием... – Ольга М., поражённая такой неожиданной новостью, совсем смешалась, однако, овладев собой, строго произнесла:

– Ну, мы это ещё увидим, а пока, если ты не хочешь раньше времени меня уложить в гроб, не повторяй мне никогда этих слов.

– Я томлюсь, как птичка в клетке, и Бог один видит, как болит моё сердце. – Глаша задыхалась от давивших её слёз.

– Перестань, не говори больше ничего, – возразила мать. – Бог с тобой, поживи в монастыре, но крепко помни, о чём я тебе говорила, и обдумай всё хорошенько. Юноша этот небогат. Ни содержать тебя, ни защитить он не сможет. Да и ты никакого мастерства не знаешь. Вам не на что станет жить, – Ольга М. столь нежно и ласково посмотрела на свою дочь, что та смутилась. Уходя, на прощанье Ольга Медынцева обняла и поцеловала её. С тем домой и поехала, оставив дочь на моё попечение.

Знала бы она, какой скорби и отчаяния станет это дело и хватит ли сил её выдержать внезапно обрушившееся горе...

Мать надеялась, что часы уединения и молитвы подкрепят упавший дух и надежду на милосердие Божие, а вместе и общат дочери решимость не поддаваться никаким соблазнам. Но вышло всё по-другому. Опасаясь, что любимый её забудет, Глафира придумала следующий оборот своей жизни, для чего, впрочем, требовалась и маленькая хитрость, к которой она и прибегла, примерив на себя облик полной смиренницы, затворилась ото всех в выделенной ей келье. Её не неволили, на службы девушка ходила по желанию.

Мысль о Петре Евгеньевиче и воспоминание всего невозвратно прошедшего, дорогого сердцу, не давала Глаше покоя, часами она рыдала, уткнувшись лицом в подушку. Душевная боль вызывала ужасные страдания, облегчения не приходило.

Пётр Евгеньевич не давал о себе почему-то знать, а сама девушка написать ему не могла, таким образом, связь между ними прервалась.

В один из таких периодов тоски, вечером, Глафира закрыла глаза и мгновенно погрузилась в глубокий сон. Через десять минут Глаша проснулась с ответом на свою мысль: «Ты хочешь видеть любимого? Так беги к нему».



Девушка села на своей койке и мало-помалу начала сознавать действительность, в голове, как гвоздь, засел вопрос: где взять монашескую рясу и чёрный платок, чтоб выйти за ворота?

Её ум вернулся к обыденной земной жизни. Глафира потихоньку встала, оделась, умылась и, вышед осторожно, пошла в сторону кельи привратницы Параскевы. Подойдя, по заведённому обычаю Глаша сотворила молитву Иисусову, ответа не последовало; думая, что монахиня не слышит, девушка приотворила дверь чуть-чуть и повторила молитву уже довольно громко; ответа опять не получила.

В комнате никого не было. Глаша направилась к прикроватной тумбочке и, выдвинув ящик, обнаружила запасные ключи, она взяла ключ с деревянной биркой, на которой было написано слово «калитка», и стремглав выскочила вон. На пути к себе ей никто не встретился.

На следующий день Глафира встала к утрени, в 4 часа утра девица была уже на ногах; потихоньку сторожась и оглядываясь, вышла через калитку за пределы монастыря, надеясь незаметно вернуться к поздней Литургии.

Но кто-то, похоже, сторожил выход из калитки. Глафира получила прямой удар ножом в сердце.

Подозрение пало на Скобеева Петра Евгеньевича, бывшего учителя потерпевшей.

Но подкрепить подозрения уликами и свидетелями не удалось.

Выяснилось лишь то, что за три дня до происшествия он выехал за границу с дамой полусвета Бланк Ириной Ефимовной.

Дело приостановлено до выяснения новых обстоятельств преступления.

Поленька дописала последнее слово и закрыла дневник.

Продолжение следует...



Записка на проскомидию

Господь воцарися, в лепоту облечеса.

Пс. 92:1

Сущность православия в пути к Богу отдельных людей, стремящихся к нравственному абсолюту, «ибо высшая русская мысль есть всепримирение идей» (Достоевский). Образ Спаса – запечатлённая молитва народа. Откровение, вместившее не только русский пейзаж, но и мировой человеческий муравейник.

Принятие настоящего даётся современному человеку с трудом. Страшно раствориться в сиюминутном, мёртвом и чуждом душе. Потерять самость, идентификацию с Создателем.

Поэтому так тянет человека к безмолвию природы, подальше от людского суда.

Потребность ощутить в самом себе святой дух... как возможность сотворчества с Богом, умного делания.

Бывает, уходят к лжепастырям. А как ещё назвать отца Р.*... – человека, в своё время служившего в милиции, а потом совершившего убийство и 13 лет отсидевшего в тюрьме? Как он, несмотря на смертный грех, стал одним из самых известных и влиятельных священников России?

Отец Р. имитатор подвигов древних христиан. Ничем не обоснованная тяга примерить на себя венец божественной славы превращает его в опасного безумца. Жажда власти – вот вечный двигатель! Одна из его монахинь благословляла входящих в храмовые ворота такими словами:

– Дай Бох вам такую болезнь, как рак, да спасёт он вашу душу от греха!

Однако, когда Бог забирает старейшину РПЦ, плач и стон доходят до неба.

* Романов был извержен из сана (в который рукоположен вопреки церковным канонам, будучи отсидевшим срок убийцей) ещё в июле 2020-го. Не подчинившийся церковному суду и продолживший свою раскольническую деятельность мятежный экс-схиигумен отлучён от Церкви.

Люди забывают, что старейшины, а не бессмертные пребывали среди них.

Такова сила всеобщего оглупления, в конце концов перестаёшь видеть вершину мудрости и этический идеал в сказителях древних волшебных сказок, скотоводах-кочевниках Синайской пустыни, проживающих свою жизнь в заоблачной роскоши и небывалом комфорте.

Что такое так называемый мир церковный и околоцерковный? Кто только в нём не подвизается Христа ради.

Тех, кто скажет: «Здравствуй, моя душа!» – и распахнёт братские объятия, единицы. Большинство состоит из людей лицемерных и лживых, мошенников всех мастей, любящих сладко пить и есть, алкающих получить от жизни все мыслимые и немыслимые блага, используя связи, прикрываясь божественной чистотой Спасителя. Зрелище это гадкое и для психики тяжёлое.

Фома

Не успел Фома затянуть Лазаря, стоя у храмовых ворот: «Подайте, православные, Христа ради!» – как проходящая бабёнка протянула ему 500 рублей.

– Помяни сына моего, Евгения! – тихо промолвила.

– Помолись и о моём счастье! – и проходящий сунул в его чёрную, заскорузлую руку и свою лепту, 100 рублей.

Нынче вся его работа в этой жизни заключается в несении креста нищего. Этот спорбленный старик в потёртой одежде необычайно умён.

Неукротимость духа и особые боевые заслуги нынче не в чести. Старики плохо вписываются в демократию, одно их существование на земле мешает развитию рынка.

Это Фома понимал хорошо, потому и держался за православную веру, впитанную с молоком матери, намертво, как за последнюю в своей жизни высоту.

Про свои заслуги не распространялся. Вся жизнь коту под хвост. Мочи нет – доживай, одинокий старик, никого не тревожь

понапрасну, у таких, как ты, своё горе, а господам министрам не до тебя.

Фома постоял ещё минут пятнадцать на морозе и поспешил на службу. Грешен был, обижался на настоятеля и святых отцов, сытых, молодых, дорого одетых... Ругали порой и гнали его в шею за то, что кто-никто, проходя мимо, копеечку подаст болящему.

Но, как ни теснили его попы, как ни тыкали золотыми крестами Фоме прямо в лицо, спеша наложить епитимию и грозя чуть ли не отлучением от церкви, за спиной каждого из них видел он кривляющегося чёрта.

Ох, чесались руки у служащих дьячков сдать пришлого в милицию, ни капли стыда не имели. Да только Фома всегда трезв был, вроде как и не за что его забирать в каталажку. И ушёл бы старый куда глаза глядят, да только совестно ему перед Божьей Матерью.

Всем живущим на земле она мать, а он как бы смалодушничал, если б отступил от порога её дома, убоявшись долгогривых. Да и грехов никаких за собой Фома не чувствовал. Просил милостыню, чтоб с голоду не умереть.

Подослали милиционера документы проверить. Когда brave вояка, посмотрев паспорт, развернул наградной лист, лежащий в нём... то молча козырнул Фоме и отошёл. Больше не тревожили. Опасались то ли связей его прошлых, то ли огласки.

Много чего Фома ведал и знал о жалобах страстотерпцев, но снять благочинного так и не удалось, несмотря на письма помещному митрополиту и в Московскую епархию за подписью страждущих священников, прихожан, меценатов.

Фома вспомнил строки обращения.

«Владыко!

Простите, что мы, прихожане, беспокоим вас таким образом, но молчать мы больше не можем. Благочинный ведёт безрассудный образ жизни, и об этом прекрасно известно всем, его поведение заслуживает самых строгих мер. Мы вынуждены были обращаться в самые высокие инстанции, чтобы наконец-то прекратить его соблазнительное для многих поведение».

«Соблазнительное поведение» благочинного, не имеющего богословского образования, заключалось в его привычке к аморальному образу жизни, идущей вразрез с привычными представлениями о священнослужителях, также батюшка питал большую слабость к спиртным напиткам и не считал зазорным посещать увеселительные заведения.

Чего греха таить, настоятель любит погулять на широкую ногу и хорошенько выпить. Он и Фому как-то пригласил в свой «трактир». Для своих забав пастырь человеческих душ превратил подвал административного здания храма в цветущий оазис, где проводит славные застолья перед камином за широкими уставленными яствами столами.

Несмотря на то, что приход бедствовал и не развивался, сам святой отец отнюдь не страдал от недоедания и не берёг каждую копейку.

Поездки за границу влетали в немалую сумму денег. Увлекался он, как и многие другие богатые и власть имущие люди, коллекционированием картин и редких монет, дочь училась в Европе.

Не тот батюшка был человек, чтоб беседы душевные с ним вести. Не пошёл Фома. Дороги у них разные, у каждого своя.

Продажа водопроводной воды вместо крещенской, православное такси, разъезжающее по городу, подписные листы на постройку нового храма, продажа кустарного золота и серебра, дешёвых бумажных икон по завышенным ценам, пожертвования...

Да что перечислять. Храм Рождества Христова, построенный из старого чёрного сруба, сгорел, так был неугоден Богу. Вот как это было.

В один из жарких летних дней во время грозы в огромное деревянное сооружение ударила молния. Верхнюю часть храма мгновенно охватил огонь. Не прошло и получаса, как деревянная часть храма, обрушившись, выгорела полностью.

Всё пошло прахом.

Что же вменялось в вину настоятелю – благочинному по краю протоиерею (также являющемуся настоятелем шести храмов)?

Малое. Лишь то, что не распорядился поставить на здании громоотвод.

В строящуюся церковь были вложены немалые средства частных пожертвователей, городских предприятий – спонсоров.

Пастыри и овцы

Миропомазание. Батюшка быстро мажет лоб кисточкой и суёт руку для целования, отворачиваясь (боится заболеть). Прихожане целуют поручи. Кладут деньги. Смотрит, кто сколько жертвует.

Служба закончилась. Служащая: батюшка, вам там арбуз оставили. Батюшка манит техработника: «Отнеси в машину». Большой арбуз выносится. Батюшка на весь храм громко старушкам-свечницам: «...знаю я вас, съедите арбуз! За вами глаз и глаз нужен».

В связи с коронавирусом к нему никто не подходит, кроме меня.

Божьи одуванчики: «Да вы что, батюшка, как можно».

Батюшка так торопится, что почти бежит из церкви.

На улице его встречает молодая прихожанка, самодовольная и богатая. Ей лет тридцать, не больше. Открытая блузка, укороченная юбка. Батюшка лебезит.

Моё общение с ним не окончено. Я сажусь на лавку, снимаю с головы платочек, открываю сумочку, включаю телефон.

Курицу, несущую золотые яйца, упустить никак нельзя, батюшка идёт с ней к машине. Я выхожу неприметно, батюшка, стоя у дорогой машины, ищет меня, глазеет на центральный вход, где же я. Но я уже далеко, на другой стороне проспекта.

У меня непередаваемое ощущение меркантильности, себялюбия и порочности от столкновения со слугой Бога...

Чем старше становишься, тем больше понимаешь, что твоя роль – стороннего наблюдателя, и только. Каждому воздастся по его помыслам, желаниям и делам.



«А был в начале служения приличный человек», – думаю я.

Приличным по земным меркам, не упивался до положения риз, не убивал физически... разве что словом подталкивал мятущихся бросить всё нажитое: работу, родных, друзей и подруг... сменить круг общения на монастырское послушание.

Я не пытаюсь преодолеть полученную когда-то «прививку» рационального мышления и критического научного способа мышления, полученную при советском строе.

Квартиру продать, пожертвовав деньги на Храм, и с чистой совестью и облегчённым карманом смирать взыскующий человеческий ум и дух подальше от городских благ и цивилизации – именно такие советы, раздаваемые исповедниками всем прихожанам вокруг, как под гребёнку, я слышала не раз на исповеди в разных церквях и храмах.

– Батюшка, мне приятно, что вы отмечаете мои таланты и возможности, но я мирянин, который вносит в церковный котёл свою десятину. Я мать, которая ставит на ноги несовершеннолетних детей. К вышеперечисленному могу только добавить, что, невзирая на падающие тяготы, в гуще жизни среди моего народа я чувствую себя как рыба в воде.

Далее следует растерянность и долгое молчание наставника. Оболванивание не удалось. Вздыхая, священник кладёт на мою голову епитрахиль и произносит разрешительную молитву.

Кто-то скажет, что религия и наука дополняют друг друга, поскольку каждая удовлетворяет важнейшие потребности человека, соединяющего в себе два начала: духовное и природное.

Но всё-таки стоит добавить: спешите делать добро из-за любви к ближнему по Евангелию, ибо «Мы ходим верою, а не видением» – стих, приведённый Кураевым* по поводу сошествия с небес благодатного огня.

* А. Кураев – российский религиозный и общественный деятель, богослов, приговорённый к лишению сана на заседании московского городского епархиального суда 29 декабря 2020 года.



Рождение демона

Бог есть Пресвятая Троица, пребывающая в единой Сущности. Тайна этого единства человеку недоступна, Троица непрестанно пребывает в состоянии любви каждой Ипостаси друг к другу. Всякая характеристика относительно Бога понимается как абсолютная, человек, испытывая Любовь, в разной степени приближается к познанию главной Тайны.

Только эта высокая Любовь с обывательской точки зрения для всех подряд недоступна и непонятна, потому что она жертвенная. Быть хорошим отцом и мужем – это долг, а не добродетель; то же касается и жены. Современный человек – это потребитель. Который с непостижимой быстротой превращается в биологического робота, которому не свойственна живая отзывчивость, огонь, горящий в каждом человеке, его не согревает, он всегда холоден и расчётлив.

Участие во внешнем поглощает душу настолько, что в ней воцаряется демон празднолюбия и жестокости.

Только возрождение лучших моральных качеств может спасти народ.

И начать нужно с осознания личного преступления – подлости в отношении к своему ближнему.

Пастыри и овцы

История с арбузом имела продолжение. В четверг я поехала на дачу и в магазине садового общества встретила свою черноглазую приятельницу Любашу. Она помоложе меня будет. Ловкая, а уж хитрющая! Рядом с бабушкой живёт, по хозяйству помогает, когда зовут. Ну, как водится, отоварившись и выйдя на свежий воздух, поговорили о том о сём...

И тут Любаша похвасталась:

– Вчера бабушка приезжал с гостями, звонил перед этим мне, чтоб на стол постные блюда приготовила. Я испекла пироги с грибами и капустой. Два вида каш сварила, гречневую со слож-

ным гарниром из баклажанов и помидоров и рисовую с изюмом и кедровыми орешками. В конце трапезы после чаепития батюшка приказал разрезать и принести арбуз. И ты представляешь, откусил кусок, а он не сахарный оказался! Батюшка так расстроился, вот, говорит, люди – и выбрать как порядочные не смогли, по хвостику бы посмотрели, постукали ягоду... а ещё бы лучше – сказали продавцу, что, мол, в церковь, батюшке покупают. Без души за такое дело берутся. Выкинуть приказал арбуз, а всё остальное, что наготовила, очень собравшимся понравилось.

– Выкинула? – спросила я Любашку.

– Да нет. На соседней лавке детвора на улице сидела. Им отнесла. Съели за милую душу.

Я посмотрела на Любашку и спросила её:

– Горошку не хочешь? – И мы стали с ней хохотать как сумасшедшие и даже упали на стоящую перед правлением лавку.

А дело с горошком было так.

В начале лета после больницы священник приехал на дачу и, так как его печи были не протоплены, зашёл к Любе. Любаша в это время кормила своих двух внучек, старшей из которых было восемь лет, а младшей шесть. Девчонки почти доели, и Любаша усадила за стол в красный угол батюшку подкрепиться. Батюшка начал с салата, и ему показалось, что зелёного горошка маловато, – и он попросил открыть новую банку.

Любаша открыла, батюшка стал есть горошек большой ложкой из банки. Девочке помладше тоже захотелось горошка, и она попросила батюшку дать ей немного в тарелочку. Поп зачерпнул ложку с горкой и съел, а ложку облизал со всех сторон. И второй раз он проделал то же самое. А в третий раз набрал чуть-чуть горошка и протянул ложку малышке. И видит, что та не реагирует.

– Что, брезгуешь батюшкой? – спросил он ребёнка.

– Да нет, что-то расхотелось... – ответила девочка, вспоминая с ужасом язык священника, которым тот облизывал ложку. И столько в ней было растерянности и смущения, что взрослый человек мог так поступить, что Любаше её стало жалко.

Но, конечно, все промолчали.

Любаша побежала в батюшкин дом растапливать печи и включать обогреватели, а батюшка ещё долго объяснял, прихлёбывая чай, что тот, кто имеет веру в Бога, и от туберкулёзного не заразится. Сам батюшка состоял на учёте в туберкулёжном диспансере.

– А если человек чёрной чумой болен? – спросила старшая. Она уже ходила в школу и знала поболее младшей.

– И чумой тоже не заболевает. На всё воля Божья, – строго сказал священник.

Потом он очень долго объяснял сёстрам, что волосы нужно прятать под платок и носить длинные юбки... так как они христианки.

За хлопоты батюшка, вынимая из машины большие сумки, выбрал и дал Любаше самый невзрачный и маленький пакетик.

Когда Любаша его дома начала разбирать, кроме хлеба, печенья и пачки чая... на самом дне лежала маленькая баночка красной икры.

– Ура! Батюшка не заметил, сейчас будем кушать икру! – закричала Любаша.

А внучки захлопали в ладоши. Икру любили все, но только очень редко её пробовали. Было в этом пакете ещё большое письмо без конверта, адресованное батюшке с просьбой помолиться (четыре имени в списке), а дальше вся личная жизнь одинокой женщины в мельчайших подробностях описана.

– А ведь проверял батюшка, перед тем как мне дать. Заметил бы баночку – ни за что бы не дал, – сокрушённо сказала Любаша. – Бог попустил.

Письмо Любаша не отдала. Батюшка за всех молится, ответствовала мне она, а письма и записки он не читает, для этого, говорит, есть исповедь для прихожан.

Личность человека во всём многообразии её граней никому в церкви не интересна.

Важно, чтоб поступки, мысли, чувства и желания христианина соответствовали пожеланиям окормляющего священника. Идеалистам и романтикам в высшем составе РПЦ места нет.

Я испытываю смущение в таких ситуациях, как в истории с горошком. Мне становится стыдно за святого отца, на сердце тяжесть от недостойного поведения взрослого и трагикомичную неловкость момента.

Батюшка в очередной раз играет в святого. Он не так глуп, как можно было бы подумать. В советских школах учили на ять правилам поведения в обществе.

(Не грызть ногти. Не облизывать ложки и тарелки.)

Он стремился удивить и поразить воображение детей столь необычным поведением.

Из двух определений – юродивый или блаженный – я останавливаюсь на третьем: шут гороховый. Ибо столь недалёк и приземлён сей человек, подвигающийся на ниве пастыря.

Смысл частного и общего существования

Крест

На лицевой стороне креста канонические надписи на старославянском – свидетельство Страданий Христовых. Под нижней косою перекладиной восьмиконечного креста-распятия – символическое изображение головы Адама и надписи: «М.Л.Р.Б.» – «место лобное распят бысть», «Г.Г.» – «гора Голгофа», буквы «К» и «Т» означают «копие воина и трость с губкой». Над средней перекладиной «ІС», «ХС», под ней «НИКА» – «Победитель»; около «СНЪ БЖІЙ» – «Сын Божий», «І.Н.Ц.И.» – «Иисус Назорей Царь Иудейский»; выше «ЦРЬ СЛВЫ» – «Царь Славы», «Г.А.» – «глава Адамова».

Что прорастает вовне, а что внутри меня? Веровать надо до боли, до испуга. Всё, что во мне дышало со младенчества, – всё это вернулось.

Спасибо Богородице, что безверие не убило. В самом убогом и затёртом человеке – душа! А значит, и откровение слова, что продирает всё твоё нутро.

Чтобы быть счастливым, нужно жить с собой в согласии. Среди чудовищной реальности не замараться, сохранить творческое и человеческое начало.

В России народный обычай разговаривать с умершими родителями и родственниками так, как будто они живые и находятся рядом в пределах вытянутой руки. При этом неважно, где мы в этот момент времени – в кресле боинга, летящего над облаками в Америку, или на нарах в пересылочной тюрьме родного отечества.

Спрашивайте. И вы непременно получите ответ.

«Он мёртвый!» – рассмеётся иностранец и покрутит пальцем у виска.

А вы даже не посчитаете нужным ответить, ибо древние духовные практики обращения к родовому сознанию и сегодня работают безупречно.

В загробной жизни после каторжной работы на земле праведники обретают силу, беспамятные – память, неверующие – Бога, слепые прозревают. Такая у бывших советских выходцев карма. Там все здоровые. Ходят своими ногами.

Всевышний не любит костылей и подпорок. Человек возвращается к тому облику, которым при создании наделил его Всевышний.

Каноны, акафисты христианства, сутры буддизма... все тексты провозглашают величие и тайну небесного мира.

Не познав себя, как мы можем познать вселенную?

Только прямодушный и исполненный благодати несёт в дар чистое, нетленное сердце, как подношение Творцу.

Я не могу быть закостенелым материалистом, потому что, хоть родилась на то время в совершенно безбожном государстве, идущем чётким строем к коммунизму, на моём пути уже заранее были оставлены и обозначены вехи взросления души.

Пастыри и овцы

Вера-то у нас хорошая. А вот попы... Впрочем, сами знаете...

Все истории, происходящие с ними, намного круче связанных с бандитами, с чудесами... отмыванием денег. Как они активно венчают и крестят убийц в тюрьмах! Среди которых педофилы, каннибалы...

«Господи помилуй! Сохрани нас, Боже, твоей благодатью. Милости у тебя, блага просим, подай Боже!» – страшно? То-то же!

Один особо добрый и мудрый человек, работающий при храме, мне сказал: «Для того чтоб понять, что отцы, занимаясь словоблудием, и за свои же слова ни за что и никогда не ответят, не нужно быть ясновидящей. Таких простаков, как вы, у настоятеля – что у дурня фантиков.

Матушка, ни ваша яркая и талантливейшая индивидуальность, как и, несомненно, ваши оригинальные мысли, поданные в прекрасной стилистической форме, не обогатят этот рассадник дураков и фанатиков. Все ваши благие намерения напрасны и вредны.

Ибо тут, прекрасная женщина, служат и поклоняются не Богу, а золоту».

Фортель*

У меня отличное настроение. В глазах блеск, на губах дрожит мимолётная улыбка. Иду к Любушке. На удивление снежный декабрь. От холода розовеют щёки.

Воздух пахнет арбузной и ёлочной свежестью. Несмотря на пост, в сердце ликует радость. Небо притягивает взор своей прозрачностью.

Я даже кружусь на пустой дороге в вальсе.

– Опять зима...

На крылечке Любушкиной дачи обметаю веником замшевые сапожки от снега и открываю дверь в дом. Любушка меня встре-

* Фортель – ловкая проделка, обман.

чает одетая в чёрный костюм и чёрный платочек. Вязаное красное платьице на мне выглядит вызывающе ярко.

Хорошо, что мы знаем друг друга сто лет. Я достаю бутылку настоящего шампанского, открываю и лью в подставленные высокие фужеры. Закусываем шоколадом.

– Откуда такая обновка? – спрашивает подруга.

– Дочь связала! – победно отвечаю я.

В этом платье только глядеть до головокружения в глаза то-реадора, поднявшего после боя в приветствии руки... И кричать вместе со всей толпой:

– Вива!

Любашка постится, а я нет, но мы с ней, несмотря на различия, танцуем танго. Я представляю себя Коломбиной в маске и ещё бог весть кем... смуглой сицилианкой и голубоглазой немецкой фрау.

– Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка... – мы веселимся напропалую.

– Падам, падам, падам... – запыхались. Сто лет не танцевала.

Веселье прерывает звонок на сотовый телефон.

– Сейчас принесу! – отвечает по телефону Любушка кому-то.

– Я быстро, только батюшке вареники с картошкой и пирожки с горохом отнесу.

Люба накидывает куртку с капюшоном и убегает, я смотрю в окно на сидящих на ветках тёрна воробышков и слушаю Джо Дассена.

Если б не было тебя,

Скажи, ради кого бы я жил?

Ради случайных женщин,

Засыпающих в моих объятиях,

Которых я бы никогда не полюбил...

Прибегает Любаша. Мы садимся пить чай. Откусив и прожевав пирожок, я удивляюсь:



- Любаша, они у тебя с каким маслом, неужели с постным?
- Со сливочным. Батюшка сказал, что я могу класть всё, что следует, для вкуса блюд, лишь бы только он не знал.

Всех, кто отказывается помочь батюшке, – хоть редко, но бывают и такие люди, – он клеймит плохими словами: бес во плоти, безбожник, Каин...

Перечить ему себе дороже.

С возрастом батюшка становится всё более нетерпимым к инакомыслящим, более гордым, эгоистичным и равнодушным. Я помню, как старательно он подражал Серафиму Саровскому в начале своего служения. Ласковым обращением, участием...

Из дневника автора

Батюшка

Когда только батюшка начинал своё служение, то верил и старушкам, к которым по ночам покойники приходили, и молодушкам, которых нечистый искушал, и всех-то он вразумлял и на путь истинный православный наставлял. Большое рвение имел к этому делу.

Придём мы, бывало, к нему, стоим у порожка, удивляемся. А батюшка окно на кухне открыл, зерно пшеничное на пол бросил, и голуби его клюют.

Но не очень долго это длилось, окно пластиковое поставил, занавесочки задёрнул и голубей больше не прикармливал. Всё больше молился.

Теперь от бывшего обхождения и следа не осталось.

В его характере всегда преобладал не ум, а крестьянское лукавство.

Извлечь выгоду из всего и сейчас.

Для земного много, а для небесного мало.

Как-то я собралась поехать в глухую глубинку – снять комнату и писать картины.

Спросила, стоит ли мне взять основное из продовольствия с собой в сумке.

На что батюшка мне ответил:

– Ну придумала. Там всё купишь.

Как человек практичный, я задумалась над его советом. Из-за сложившихся обстоятельств мне не довелось исполнить мою задумку. Как же я удивилась рассказу дочери о поездке с батюшкой на его родину.

Рассказ Марии

Выехали мы ранним утром. За рулём сидела страстная поклонница и воцерковлённая прихожанка батюшки, Лариса. Машина была набита до отказа мешками с чаем, всевозможными крупами, печеньем, конфетами, консервами и прочими припасами.

Свечи, елей, миро, ладан... чего только батюшка не вёз.

Маше досталось крохотное место, потому что батюшке надо было вытянуть ноги и он откинул своё кресло до предела назад. Всю поездку их сопровождали православные псалмы и акафисты, льющиеся из магнитофона.

Под конец поездки дочери стало так плохо, что она едва не теряла сознание.

Стояла летняя пора, и жара была страшная. Машина раскалилась от солнца.

По дороге батюшка выбежал за пирожком, и его чуть не сбила встречная машина.

Хотя батюшка говорит, что такая смерть только у безбожников бывает.

Когда Машенька вернулась, у неё долгое время болел позвоночник. Что называется, батюшка сэкономил.

Любушка стала замешивать опару, я попрощалась с ней и вышла на улицу.

Меня окликнул священник, он с чем-то возился во дворе. Его гости мылись в бане.

Дорожка к бане была освещена, и перед самой баней горел яркий фонарь.

Было холодно. Время клонилось к позднему вечеру.

– Что волосы не убираешь? – спросил он, выходя ко мне из калитки. – Распущенные волосы от слова «распущенная», – и он не больно дёрнул длинную прядь.

Я наклонила голову под благословение. Батюшка пригласил зайти во двор посмотреть деревянную скамейку (намного изящней и лучше тех, что в парках стоят) и уличный иконостас, сам сделал. Немного поговорили, я о детях рассказала, спросила об общих знакомых. Батюшка внезапно расчувствовался.

– Подожди, – сказал он. Зашёл в дом и вынес мне большую коробку дорогих конфет.

Поцеловал в макушку и сказал:

– Иди с Богом! Мои приезжие сейчас выйдут, помылись. Ужинать будем.

Я шла и думала, как в одном человеке уживается всё это... несовместимое, с какой стороны ни погляди.

Или все люди в своём нутре юродивые? За три рубля бьётся насмерть, чтоб выторговать. Старую ветошь не выбросит. Не то что керосиновую лампу, гвоздь ржавый в укладку спрячет. Как с такими идти в Царство Божие?

Христианская вера и мздоимство – вещи несовместимые; двойные нормы и мораль – вещи несовместимые; когда чин затмеваает Бога и выступает так, что Бог при нём, а не он при Боге, – это кощунство.

Мне не хотелось вспоминать историю с квартирой, которую оставила батюшке со всем нажитым и доставшимся по наследству добром. О купленной мной на свои деньги даче, которую он столь рьяно старался отобрать, не брезгуя наветами и обманом.

Увидела себя и его в церкви, где, ссылаясь на слабое здоровье, просил пустить пожить его на свежем воздухе в доме у леса, стоя под иконами, давал обет, что не имеет умысла отобрать. И, как всегда, солгал.



Из дневника автора

Праведницы

Встречались в моей жизни женщины, которых батюшка называл праведницами.

Приехала я с мужем в Брянскую область, в лесной посёлок с небольшим количеством жителей, где основная масса народа исповедует православие и поклоняется Христу. Так как церкви в посёлке не было, верующие собирались на общую службу в одном из больших домов, принадлежавшем радушным и добрым хозяевам, это были родители моего мужа.

В толпе особенно выделялась одна женщина в чёрном платочке и тёмном одеянии, кто бы о чём её ни спросил, она отвечала не поднимая глаз.

Особой красотой она не отличалась, жила одна, без детей, большой загруженности по хозяйству не имела. Лет ей было около сорока, а может, и чуть больше.

И так она всех очаровала, что мои новые многочисленные родственники приводили её образ жизни друг другу в пример. Не прошло и года, как она переметнулась к баптистам. Все только развели руками.

Следующую праведницу я услышала в городе. Пришла я с дочерьми в гости к батюшке, напоил он нас чаем, а потом усадил на диван в зале и включил магнитофон, присовокупив: вот как люди каются, я даже записал для вразумления неразумных.

Лента зашуршала, и бодрый звонкий голос начал рассказывать о видениях и снах хозяйки. И всё получалось так, что, куда бы она ни шла, все её изнасиловать пытались, да Господь не попустил, потому что шла она по доброй воле и к бандитам, и на непотребные собрания сектантов.

Что искала она там, в этих жутких местах, из рассказа было непонятно. Но вот перед посещением злчных мест всегда ей было видение.

И так она безыскусно врала, что и по воздуху летала, и бес её искушал и приходил к ней по ночам домой, что бабушка ей полностью поверил.

Слушать было неудобно и уйти было нельзя. Сказали «Слава Богу», когда эта галиматья кончилась, и пошли домой.

Чуть позднее довелось мне увидеть эту молодую женщину у себя в квартире.

Поговорить за чашкой чая.

Бабушка послал с тайной миссией: всё высмотреть и доложить ему. Он и план составил, направив её ко мне с моим старшим братом. Зная, что его-то я точно впускаю.

Высокая, статная, она одна воспитывала сынишку. Красивая. Но вот с логикой явные проблемы, как с адаптацией к реальной жизни. Сына она ни в садик не водила, ни в школу отдавать не хотела. Думала, что хватит и воскресной школы при храме для полноценной жизни в обществе. Такая грустная житейская история.

История третьей праведницы самая трагичная. Жила-была Надя, муж у неё повесился, воспитывала она троих деток, двое постарше, а третий, младенец, лежал в колыбели. Молилась и плакала, ходила к бабушке на исповедь, и всё он жизнь её приводил всем остальным прихожанам в пример, а мне наособицу в разговоре... не к месту. И смиренная, и работающая, и в доме её полно людей всегда, Надежда шитьём подрабатывала.

Ишла бы жизнь этой доброй женщины как по маслу, да только у младенца обнаружили больное сердце. Это Наденька ребёнка вытравить вначале по-тихому хотела, да не смогла до конца. Вот и начала она потом на протяжении всей своей жизни по больницам с малышом ходить, в Казань к врачам возить.

На склоне лет обнаружили у Нади рак, так люди говорят, а дети выросли.

Правда, не всё у них гладко в жизни получилось. Три дочери Бог Наде дал.

Пастыри и овцы

Народу много, но в церкви прохладно. Сижу среди городских самоуверенных матрон, девиц неопределённого возраста, деревенских тётенек, доживающих последние дни бабушек на низенькой скамеечке у стеночки, жду своей очереди на исповедь. Собираюсь завтра с утра причаститься. Наш исповедник ещё не вышел из алтаря правого бокового придела.

В левом приделе исповедь уже вовсю идёт.

Кумушки сидят, открыто обсуждая священника, который прошёл от входа в центральный алтарь.

Крашенная блондинка с рысьими бегающими по сторонам глазками произносит:

– Ах, сегодня отец Ф. будет службу вести, радость-то какая! Вот уж кто истинно божий человек.

– Святой! Как есть святой! – вторит вторая прихожанка, сухая, как жердь.

– Может, кому известно, есть ли у него жена... – шепелявит девица с длинными лошадиными зубами.

– Так он вдовец. Жена-то его давно померла, – произносит, шамкая, старушка.

– Да, да! Давно умерла! – уверяет блондинка.

– Сын у него есть. Священник молодой, волосы на голове собраны резинкой в хвостик. Вон тот, что исповедует! – дама тычет пальцем в пространство перед собой.

Меня шокирует, что меня заживо похоронили, но сиротам больше подают.

«Это я-то умерла? – мне хочется встать и сказать: – Я живая! Как видите, дорогие сёстры во Христе», – но я молчу. Худенький, низкорослый священник с хвостиком явно относится к монголоидной расе, о чём неоспоримо свидетельствуют чёрные раскосые глаза и жёлтый цвет кожи. Что общего у него с дородным высоким иереем с голубыми глазами на круглом белом лице, для меня загадка. Ещё чего, открыться только не хватало.

То-то радости у дур будет. У этих фанатично верующих баб большое желание родить от священника чадо. Приобщиться к благодати путём личного контакта.

Каковы они, современные пастыри и прихожане?

Батюшки со стриженными бородами и выщипанными бровями, пожилые женщины в брюках и без платков, с открытыми декольте. Несмотря на то, что к святыням прикасаются, благоговения у людей нет от слова совсем.

Сколько их перед моими глазами прошло. Надя, Мария, София... несть числа желающим.

Что такое попадья? Прожив с человеком много лет, станет ли понимающий класть персты в язвы? Его мать до последнего своего смертного часа называла меня дочкой.

Платье дорогое на свадьбу нашей дочери купил. Много хорошего меж нами было. Из одной чашки ели, из одной кружки пили. Как медаль носил на шее, как-никак венчанная жена.

Святые среди ангелов на небесах пребывают. На земле их нет.

Иерея, смертного человека, в идола превратили и молятся на него, как на Бога.

Можно процитировать святых отцов, например, святителя Игнатия (Брянчанинова): «Если же руководитель начинает искать послушания себе, а не Богу, – недостойн он быть руководителем ближнего. Он не слуга Божий, а слуга дьявола. Его орудие есть сеть. "Не делайтесь рабами человеков", – завещает Апостол».

Святитель Феофан (Говоров) говорит так: «Всякий духовный наставник должен приводить души к Нему (Христу), а не к себе... Наставник пусть, подобно великому и смиренному Крестителю, стоит в стороне, признаёт себя за ничто, радуется своему умалению пред учениками, которое служит признаком их духовного преуспеяния... Охранитесь от пристрастия к наставникам. Многие не остереглись и впали вместе с наставниками в сеть дьяволу... Пристрастие делает любимого человека кумиром: от приносимых этому кумиру жертв с гневом отвращается Бог... И теряется напрасно жизнь, погибают добрые дела. И ты,

наставник, охранись от начинания греховного! Не замени для души, к тебе прибегшей, собою Бога. Последуй примеру святого Предтечи!»

Ибо сказано: *Бог не в брёвнах, а в рёбрах.*

Пояснение.

В Библии написано: вы храм Духа Святого. В освящённого Словом Божиим человека вселяется внутрь Дух Святой. Ранее Господь был в храме святая святых. После жертвы и воскресения Христа человек избран храмом Бога. Поэтому поклоняемся Богу в духе и истине.

«Помни последняя твоя – и вовек не согрешишь» (Сир. 7:39), – говорит Слово Божие.

Память смертная – это ограничение допустимости (лакмусовая бумажка) поведения человека, проверка его разума и души.

У Серафима Саровского в сенях стоял дубовый гроб, изготовленный самим преподобным... Он останавливался около него и молился, готовясь к часу смертному. Из этого можно заключить, что даже изобилие благодати Божией не позволяло «расслабляться».

А ведь это мгновение – мгновение умирания – так важно для нас, что ни с чем его больше и не сравнишь. Это момент истины, когда суммируется всё, что собирал в себе человек, *«ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше»*. (Мф. 6:21).

Смерть – это венец жизни, завершение земных мытарств, возвращение блудного сына к своему небесному отцу.

Найдутся ли сегодня духовные пастыри, способные отдать свою жизнь за Христа, исцелить гниющие раны общества? Или они способны только клеймить несчастных, доведённых до скотской жизни...

Катится колесо памяти, ведомое детской рукой, через молдавские холмы и долины, полыхающие алыми маками, мимо голубой реки и зелёного плёса, мимо садов, виноградников и чередующихся зелёных полей.

– Прости меня, Филюшка!

– Я тебя уже давно простил, – доносится с ветром глуховатый голос.

Чувствую вину за окружающую его пустоту, нестабильность политики государства, заставляющую приспособляться, лгать и юлить, чтобы выжить.

Так жить – это всё равно что лежать под механическим прессом. Пресс опускается, вот-вот раздавит и сплющит тело до меса. Только высокий дух может противостоять власти силы.

Дети выросли, поднимаются внуки, отождествлять себя с той юной и нежной восемнадцатилетней девушкой, которую любимый вёз впереди себя через весь город на велосипеде, непросто. Что же заставляет меня ворошить пласты времени и вытаскивать на поверхность мою героическую любовь, полную самопожертвования и желания построить совместное счастье, лучи которой освещают мою жизнь до сих пор? Лето, которое никогда не закончится. Яркие подробности всплывают сами, как расходящиеся круги на воде от брошенного в воду камня. Соприкосновение рук, первый поцелуй – ради чего эта правда? Абсурдное стремление вытащить из небытия и вспомнить всю свою прошлую жизнь до мелочей.

Перебираю же я время от времени старые фотографии. Вот здесь я стою в свадебном платье с венком на голове, окутанная белой фатой, расписываюсь в книге регистрации браков, а на этой муж несёт меня на руках...

Откуда бы и через какое время он ни возвращался, входя в дом, он подхватывал меня на руки и кружил в центре зала. Из распахнутой двери балкона в комнату врвался весенний или летний ветер, трепал занавески, и солнечные зайчики метались по стенам и потолку. Моё сердце то жаворонком в небеса поднималось, то вниз камнем падало.

Как он обрадовался и потянулся во время службы, увидел меня с внуком (первенцем) на руках, стоящую перед алтарём. Не удержался и погладил, проходя, нас по голове.



А вскоре – крещение и птичий лепет херувимчика:

– Боженька! – и крохотная ручка, желающая ухватить уже седую бороду, наперсный крест на широкой груди и золотое облачение.

Трудно выходить из мира родной души, ставшего твоим. И только выдохнутое из груди – Бох – свидетельствует о том, что вся наша жизнь метание... вечный поиск ускользающей истины и нескончаемое покаяние.

Мой друг Леви

*Вокруг меня цветёт махровым цветом бездарность,
вздёргивается как флаг космическая глупость и бесполая
несостоятельность...*

Из письма к Леви Мутерперель.

С Леви я познакомилась осенью, в то время я зависала в странном сообществе. По пути в это общество я постоянно попадала под «запорожец» старушки Аси Запор.

Леви написал мне письмо. Я ответила. Он не писал мне о звёздах. Он пишет о том, что его окружает.

Трудно жить в стране победившего непотизма из-за проблем, связанных с безопасностью, – многие боятся жить и растить детей в условиях арабо-израильского конфликта.

Не сумею привыкнуть к климату и освоить язык, бегут в Канаду и другие страны, забывая о том, что там их никто не ждёт. Хочешь чего-то добиться – приложи усилие.

Я вспомнила поэта-графомана из литературной тусовки. Он работал по ночам сторожем и охранником в одном лице и обдирал наследие умерших русских поэтов-классиков, как липку. Уж он-то точно не был последователем двенадцати колен Израилевых... Жить так, как жили древние израильтяне, поэт-одинокочка явно не хотел. Даже женщина приходила на время и ничего ему не стоила. На скудном материале неполноценной любви поэт Ш. сочинял поэмы.

Леви мне советует повнимательней отнестись к живописи. Сам он прекрасно разбирается в искусстве, имея достаточно средств для путешествий, довольно часто открывает двери лучших музеев, чтоб полюбоваться подлинниками, а не копиями картин.

Леви обратил моё внимание на Джеймса Тиссо (англ. James Tissot, собственное имя Жак-Жозеф Тиссо, 15 октября 1836–8 августа 1902) – французский художник, работал в Англии.

Родился в Нанте. Учился в парижской Школе изящных искусств, а также у Энгра и Фландрена.

В первый раз выставился в Салоне в возрасте 23 лет. В 1861 г. выставил «Встречу Фауста и Маргариты», которая была приобретена государством для Люксембургской галереи.

Леви собирается жить долго, как библейский Мафусаил, а именно 969 лет.

Я рада, так как не люблю терять друзей, а уж тем более оплакивать.

Иногда человек быстро вырастает из коротких штанишек добропорядочного ханжества. Я ещё напишу о литературном сообществе, уход из рядов которого, обеими руками за, одобрил Леви.

Леви следит за тем, что я читаю. По его совету я читаю один из многочисленных романов Нормана Мейлера.

Свобода – это деньги и желание жить. Вот и живи без оглядки! Мне остаётся только согласиться с ним.

Каждый думающий индивидуум стоит перед выбором: довольствоваться настоящим или идти вперёд и иметь будущее.

Я смотрю на себя в зеркало и понимаю, что двадцать пять лет жизни провела в тюрьме. На память приходит случай: как-то, выйдя с работы из торгового центра, я попала под ливень. Вскочив на близлежащее крыльцо задника магазина, я смотрела на дождь, вдыхая свежий весенний воздух.

Со стороны прилегающих домов нарисовался мужчина, который любезно попросил разрешения постоять рядом. Чёртик из табакерки меня не очень обрадовал. Многочасовая работа менеджера по продажам забирает много сил, психологический портрет и материальный достаток людей я безошибочно определяю навскидку. Это мои деньги, за много лет работы я ни разу не ошиблась. Чем бы я ни занималась, я погружаюсь в работу полностью, быть профессионалом – это значит уважать себя. Дождь лил как из ведра. На мне был дорогой кожаный плащ, но не было зонта, вынужденное соседство.

Я привыкла, что ко мне обращаются женщины и мужчины, но всегда принимаю это внимание настороженно, ибо современные люди непредсказуемы, а иногда психически больны. Как правило, навязчивое внимание говорит о том, что вашей доверчивостью хотят воспользоваться.

Моё личное пространство – полтора метра – нарушено не было, ещё достаточно светло, послушаю, что мне будет втюхивать дядечка.

Дядя оказался такой говорун, что моему удивлению не было предела. Никакие высшие литературные курсы этого не дают. Мало того, что выглядел он замечательно: сухощавый, худой... без следов усталости и в приличной одежде.

Мы оказались ровесники. Я веду здоровый образ жизни, поинтересовалась: как ему удалось так хорошо сохраниться? Мужчина выделялся из толпы.

Оказалось, сидел в тюрьме за убийство соседа. Через короткое время я знала, где он живёт, был показан дом напротив, балкон, последовало приглашение в гости. Я отказалась. Сказал, что был на рыбалке, наловил рыбы, поджарил котлеты и идёт в гости... вновь последовало приглашение. Я опять отказалась. Вся его жизнь была перед моими глазами, рассказанная чудесным русским языком.

Как только дождь немного затих, я сошла с крыльца, собеседник попросил разрешения проводить. Я отказала. Какое-то

время мы шли рядом, я почувствовала облегчение, расставшись.

Моё владение русским языком помогало людям приобрести лучшее при выборе товара, учитывая состояние их кошелька. А этот человек был опасен. Он мог перевернуть мир, ибо высок был дар его слова.

Нечто похожее я встретила в Турции ранним утром на берегу Средиземного моря – такое же хорошее владение русским языком, но слабее, без вживания в образ... не было такой пластичности соединения человека и слова. Но это уже совсем другая история.

Пьета

*Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят
(Мф. 5 : 8).*

Вчера забыла в магазине журналы. Сегодня забыла в том же магазине корм для кота. О чём я думаю? Конечно, о живописи.

Наверное, вы подумали, что я помешанная на религии, каких много в современном обществе. Слабая и невежественная женщина, душа которой нуждается в подпорке.

Сегодня, набросав на холсте три домика, стог и рыбацкую лодку у реки (обилие белизны-белил), поймала себя на мысли, что вся моя жизнь – «Пьета» Микеланджело.

«Как так?» – спросите вы, мои мысленные собеседники. Дело в том, что всё, что написано на белом холсте, растворено в пространстве. Я не очертила линию реки, не наметила туманную линию горизонта. Всё это ещё в будущем.

Так же, как река подо льдом, моя жизнь к старости замедляет свой ход. Оставляя всё нажитое на берегу, устремляясь к истокам – возможно, в Израиль или Палестину, по пути шествия Христа.



«Оплакивание Христа» – первая и наиболее выдающаяся пьета, созданная Микеланджело Буонарроти. (Когда я пишу эти строки, я вижу живого скульптора во плоти. Это не тот спокойный Буонарроти, изображённый на картинах в более зрелом возрасте. Это двадцатичетырёхлетний мужчина, полный силы и гнева, исступлённый в своём пристрастии к творчеству. Я вздрагиваю от испуга. Такая в нём чувствуется мощь.)

Лучше, чем написано в Википедии, сказать трудно.

«Ватиканская "Пьета" – одно из произведений, в которых историки искусства видят водораздел между кватроченто и Высоким Возрождением. Итальянский мастер переосмыслил в духе высокого гуманизма традиционное для северной готики скульптурное изображение безжизненного Христа на руках матери. Мадонна представлена им как совсем юная и прекрасная женщина, которая скорбит об утрате самого близкого ей человека.

Несмотря на сложность соединения в одном изваянии двух столь крупных фигур, композиция "Пьеты" безупречна. Фигуры трактованы как единое целое, их соединение поражает слитностью. Вместе с тем скульптор тонко противопоставляет мужское и женское, живое и мёртвое, нагое и прикрытое, чем вносит в композицию элемент напряжения. "Пьета" послужила образцом для последующих трактовок этого иконографического сюжета.

Ряд исследователей придерживается предположения, высказанного известным искусствоведом Димитрио Мартинелли, что в композиции противопоставляется также горизонтальное вертикальному, образуя образ креста. Однако в январе 2017 г. группа историков искусства Возрождения во главе с Джованни Кисселино, изучив архивы Ватикана, полностью опровергла это утверждение. Более того, учёные обнаружили косвенные свидетельства того, что одна из задумок скульптора – отражение в композиции канонического треугольника (Бог-Отец, Бог-Сын

и Бог – Святой Дух), что крайне нетипично для католической культуры.

Крупные, ломающиеся складки одеяния Мадонны не только намеренно усиливают драматический излом лежащего на её коленях тела, но и служат своеобразным пьедесталом для всей пирамидальной композиции. В этих изошрённых складках угадывается скрытая мощь, как духовная, так и физическая, контрастирующая с мягкими чертами лица Богоматери. По степени законченности и проработки деталей "Пьета" превосходит почти все прочие скульптурные произведения Микеланджело.

Чтобы осознать величие и трагизм человеческой жизни, достаточно взглянуть на «Пьету» Буонарроти. В вас не останется ни малейшего сомнения в собственной значимости. Перед вашими глазами будут проходить апостолы и святые. И каждого из них вы будете узнавать по разрезу и цвету глаз, волосам, губам, очертаниям носа. Как и было написано в апокрифах.

Бог и человек находятся по разные стороны бытия, Бог – это Творец, а человек – всего лишь тварь, ограниченная рамками пространства и времени. Но, с другой стороны, христианство настаивает, что та пропасть, которая действительно существует между Творцом и тварью, – преодолима и что человек может реально участвовать в божественном бытии Святой Троицы, оставаясь при этом личностью и не растворяясь всецело во всепоглощающих пучинах Божества. Говоря иными словами, в христианстве человек призван, оставаясь самим собой и не теряя своей личностной уникальности, соединиться со своим Творцом и стать богом по благодати.

Именно для достижения этой цели две тысячи лет назад в наш мир пришёл Христос.

Чем быстрее движется прогресс, тем ближе и явственнее преломление хлеба Христом и моё личное присутствие на тайной вечере.

Причастие

Июньский вечер тих и по-летнему жарок. Ветер доносит тонкий аромат алых роз, расцветших на церковном дворе. Вздрыгнул и загудел колокол. Прихожане поспешили в Храм на всенощную. Войдя, я встала среди других людей на исповедь.

Отец Иоанн молод и аскетически худ. У него тёмные вьющиеся волосы, собранные на затылке в хвост. В выражении лица много доброты и смирения.

Вся моя неловкость рядом с ним пропадает. Легко рассказать ему то, что я чувствую и чем живу. Немного времени погода священник читает над моей головой разрешительную молитву.

В этом городе я живу давно. Он провинциален и неинтересен, а вот сам Храм прекрасен, он старинной постройки*.

Первый раз я вступила на его порог в начале марта одна тысяча девятьсот семьдесят восьмого года, на тот момент мне было восемнадцать лет. Массивные кованые двери бокового придела были растворены, холодный ветер стучал правой створкой, то открывая, то закрывая её вновь и вновь.

Одета я была в лёгкое пальто, шитое явно не для северных широт, где зимой морозы стоят за пятьдесят градусов. Я мёрзла, перепрыгивая с камешка на камешек, как воробышек.

Потемневшее от времени, открытое всем ветрам здание, когда-то в нём хранили зерно и удобрения, а потом бросили за ненадобностью. Голые стены без росписи, вместо полов – земля, на месте алтаря груда разрушенного кирпича.

Трагические последствия перемен в умах.

Но и среди этого великого разора мой дух обновляется и влечётся ко Христу на Кресте. К тому сверхвременному смыс-

* Трехпрестольная Вознесенская церковь начала строиться в 1872 году. В 1882 был освящен левый придел во имя Великомученика Дмитрия Солунского, в 1885 году – правый придел в честь Воздвижения Креста Господня, а в 1889 – главный престол в честь Вознесения Господня. Основную часть средств на постройку нового храма выделил Дмитрий Иванович Стахеев (1840–1918) – представитель знаменитой елабужской купеческой династии, известный в конце XIX века писатель.

лу человеческого существования, ибо всё вокруг, живое и неживое, на него указывало тогда, как и сейчас. Горят и отражаются в иконах языки сотни свечей. Сверкают золотые ризы и оклады.

Жизнь в Набережных Челнах для простого обывателя тяжела своей непредсказуемостью. Официальной работы нет, из этого все вытекающие обстоятельства. Приводящие, как правило, к унынию и падению души в полное отчаяние.

То, как молится православный народ, – это редкое чудо.

– Миром Господу помолимся! – провозглашает дьякон. Всю меня как пожаром охватывает радость, я ощущаю счастье сопричастности к великому таинству вечной жизни.

Любовь заполняет меня всю. У больших и маленьких я вижу в глазах ту же веру, что и у меня. Веру и стремление к чистой, справедливой и нравственной жизни. В которой не будет фальши и безразличия, всё будет по совести. Появится достаток, желание жить и работать, молодые будут рожать детей, старики нянчиться и любить без памяти внуков.

Невозможно годами жить и томиться без надежды на перемены в стране к лучшему.

Всё образуется, думаю я, и Бог даст каждому, кто просит, сил и здоровья. И Россия выздоровеет. Во всех церквях служат о её здравии молебны. Люди получают наконец достойные пенсии и пособия, работающие – зарплату. Будут не выживать, а жить, радуясь каждому мгновению. Личное счастье гражданина и достойная жизнь будут не просто слова, а главная забота нашего государства. Чтобы никто больше из этих людей не испытывал стыд и унижение от бесправности своего положения.

Нужно стоять равным среди обыкновенных людей. Разделять и понимать ту жизнь, которой они живут. Немыслимый комфорт и сытость родят предателей Родины, совершающих сделки с иноземной тьмой. Деньги, хранящиеся в офшорах на счетах заморских банков, создают иллюзию свободы и собственной значимости, заражая безумием и потерей веры их владельцев. Сребролюбие, как паук, ткёт свою паутину, проверяя каждого



из живущих на прочность. Современный мир состоит из людских слабостей и нечистоплотных комбинаций политиков. Люди оторваны от реального пульса жизни и пребывают на задворках имперских дворцов. Хотелось обрести равновесие. Не надо громкоголосых побед, но и поражения русскому духу пусть не будет... 90-е годы – разверзлась пропасть, хватит, будет уже. Перешагнули. Навидались великолепий с экранов телевизоров.

Рядом со мной стоит мальчик с горбом, Андрюша.

Его хрустальный голосок возносится к куполу. По моим щекам текут слёзы. Сердце сжимается от жалости. Господи, дай Андрюше счастливую жизнь, призри с небес на его земные тяготы.

Господи, спаси и сохрани всех православных христиан!

Этих лёгких и сухих, как осенние листья, бабушек-свечниц. Эту полную мамашу с её тремя непослушными детьми, крепко держащимися за её широкую цветастую юбку; этого хромого старика, подпевающего певчим невпопад хриплым голосом, эту наивную девчущуку... Всех, всех сохрани припавших к твоим стопам, чтоб в их душах никогда не погас свет.

Всенощная отошла. Иду, стараясь не расплескать в душе благодать.

Бог как иллюзия. Из раннего

Дождик кроткий, полусонный,
У крыльца стоит качаясь.
Как крупинки каши пшённой,
Бьются капли, разлетаясь.

Заоконное сиянье
Осеньет цвет осенний,
Краски жарки, блёклы тени,
Дивных астр очарованье.

Сердце глухо бьётся,
голова болит,
Отчего, как с горки,
жизнь моя летит?
Мне бы помолиться,
о грехах вздохнуть,
Юность не вернётся,
всё короче путь.
Вьюга в поле пляшет,
хоровод ведёт.
Как на землю ляжет,
так весна придёт.
А за нею лето,
осень и зима,
И опять на землю
упадут снега.

Ни плача, ни поцелуя,
Лишь ветер гудит, бушуя.
Ни света в окне, ни луга,
Ревёт, как белуга, вьюга.

Всё свистела зима ошалело,
И мела, и мела, и мела.
Стынет сердце, которое пело,
Неужели любовь умерла?

Заносила до неба тропинки,
Обжигая глаза белизной.
И сияли светила, как льдинки,
Над великой, как смерть, тишиной.

Вы не верьте, не верьте, не верьте,
Без любви не прожить и в раю!
Ведь любовь – отрицание смерти,
И спасенье на самом краю.

Ведь любовь – откровенье Илая*,
Лишь о ней я как птица пою.
Ведь любовь – это радость большая,
А иначе зачем я живу?

Оплавают свечи и сны,
Прорастает корнями ёлка.
Солнце падает со стены,
Золотая летит соломка.

Лето, пропахшее грушей и мёдом,
Вдруг затерялось в толпе на перроне.
Поезд, раздвинув небесные своды,
С визгом помчался с туманного склона.

Я с проводницей в последнем вагоне,
Стыну над кружкой горячего чая.
Осень, кривляясь в азарте погони,
Крупные слёзы на стёкла бросает.

Ветра холодного ширятся стоны,
Эхо троится в дощатом вагоне.
Город, прощай! Расплываются лица,
Дым паровозный туманом клубится.

* Илай – Илай (превосходный) (1Пар.11:29) – Ахохиянин, один из главных воинов Давида (во 2Цар. 23:28 назван Цалмон Ахохитянин).

Кажется, всё нипочём,
Сняты запреты, открыты границы.
К югу летят запоздалые птицы,
Небо качая крылом.

Март

И день переливаясь льётся,
Его цифирь не удержать.
Душа в нём плачет и смеётся –
И ничего не хочет знать.

И солнца, и тепла не слишком,
И снег завесой, как всегда.
Но где-то рядышком, чуть слышно,
Шумит весенняя вода.

Облака-шатуны по небесному движутся краю,
И мгновенье «курлы» рассекает,
как вспышка, углами.
Исчезающий клин средь уснувших полей
окликаю,
И тянусь в вышину, и крещу след остывший
перстами.

Словно огненный шар на холме разгорается
солнце,
И навстречу теплу напоследок душа улыбнётся.

Не побиваемые градом
и не горящие в огне,
Стоят дома у автострады,
довольны жители вполне.
Быт нерушим и не случаен,
едва затеплится заря,
Бегут с ватрушками и чаем
к спешащим в дальние края.
Живут от встречи до разлуки,
в пару картошки и котлет,
Тем живы. Выросшие дети
российской славы и побед.

Очнуться под крылом весны
Средь бурных вод слепой стихии,
В садах, где снег прозрачно-синий
Лежит в объятьях тишины,
Чтоб бледным ртом коснуться тьмы
В воздушной чаше первоцвета
Сиянья будущего лета,
В котором будем только мы.

Осень набросит сеть,
Строем пойдут дожди.
Будет айва желтеть.
Сердце болеть в груди.

Плоский куриный бог
Ниточкой перевит.
Где-то у трёх дорог
Лето моё звенит.

У Фантины двенадцать кошек в углу,
 На окне герань, на крылечке снег.
 Мандельштам прилип, как смола, к столу,
 Мотыльком порхает неслышный смех.
 Расцветает, как солнце, в ночи абажур,
 Тут тебе и мон шер, тут тебе и тужур.
 И глядят небеса на таких глупцов,
 Как воришка смотрит в пустой карман.
 На мечтателей праздных в оковах снов,
 Где двенадцать месяцев – что океан,
 По которому плыть на последний маяк,
 Заглушая тоску среди пены и волн.
 Тихо чёрная бездна качает каяк,
 Дико вскрикнула скрипка,
 ей вторит валторн.
 Но пока оптимизмом полны голоса,
 Мяу, мяу, мур, мур... – отвратительно
 пошло.
 Где-то рядом вгрызается в тело фреза,
 И коростой грехов покрывается кожа.

Боже, как тихо, помнишь лишь это,
 Руки, что держат, качая, младенца.
 Гукнет... заплачет бедное сердце,
 Катится с горки молдавское лето.

Дней шевеленье в пластах позолоты,
 Бьётся, под небо летя, полотенце.
 Улочек пыльных мелькают пролёты,
 Речки бурливой скупое коленце.

Только слезу набежавшую вытру,
Скорой весне посылая молитву.
Солнце садится за колокольню,
Всех я вас знаю, всех я вас помню.

Мир, полный скорби
и печали,
Вдруг озарил рассвет.
Как тихо астры угасали,
Жнивье ушло под снег.

Монашек с резвостью
сорочьей
Качнул колокола...
И звук ожёг в тиши
овечьей –
И выжег ночь дотла.

Евхаристии прибор,
Изумлённая невеста.
Донеси меня до места,
Брат мой, чёрный махаон.
Ты связующая нить,
Запоздалая открытка,
Свиток с юностью... времён,
Серым пеплом не покрытых.
Дом сусальный, что алтарь,
Пламенеет красной крышей.
Над могильным рвом повыше
Подними меня, как встарь!
Над бездонным Вавилоном,
Над сансарой и Содомом,



Чтоб припасть к рукам знакомым,
Мама, папа! В горле ком...
Нету лучшего приюта,
Нет надёжнее ночлега.
Столько радости и света,
Сколько не было вовеки!
Как ушла понуро в мир...
Средь чужих пустот равнин
Обтрепался кашемир,
В волосах клеймом седины.
Нынче горя нет в помине,
Обретя пенаты детства,
Как монах из Шаолиня,
Гулистан лелею в сердце.

Зреют новые миры
В красном яблоке луны.
А мне б проскочить
и остаться...
Пыльцой золотою
на пальцах.
Как царский елей
на челе у отца,
Как капли росы
на хитоне Творца.

Карл и Грета сидят на краю и болтают ногами.
Осень, пора урожая и революций,
Нежных взглядов и вздохов
В роскошных палаццо, окружённых садами.
Что такое смерть, спрашивает Грета
И тянется к Карлу губами.

Они чувствуют себя пеликанами,
Сталкиваются лбами... ища в интернете
Рок и улетают под этот грохот.
Чёрные пряжи вразброс, кожаные ботинки,
Нежный запах витает, шестнадцать навскидку.
Дома её ждёт мама, живущая по старинке,
Лёгкий ужин... ничего из того, что в новинку,
Кроме привычных слов.
Не знаю, отвечает Карл, ветер вздувает юбку,
Разверзается бездна, в которой всё исчезает.
Новая жизнь рождается, выжимая тела их, как губку,
Где жизнь, там и смерть,
Тень с косой на пуантах порхает,
Выкорчёвывая лес басов,
И кажется, всему этому не будет ни конца, ни начала.

Кувшин

Спит на дне реки кувшин,
Через толщу смотрит в небо.
Лепит Бог из белых глин
Церковь, бабочку и лето.

Лепит вёдра, коромысло,
Хлеб кладёт на стол, и масло.
Дух витает повсеместно,
Тает в небе месяц красный.

К окошку птицы утром прилетали –
Синички, снегири и воробьи.
Пронизанные солнцем, трепетали
Их крылышки над лакомством любви.

В последний раз текло зерно в кормушку,
И дольки яблок слал Эдемский сад.
Повесив сало, раскрошив горбушку,
Махнув рукой, ушёл сквозь листопад.

Каким он был, вы спросите... не помню.
Лишь поцелуев солнечных жарки,
Когда касался тёплой ладонью,
Роняя из охапки васильки.

И не жил получается, тлел,
Иллюзорная ниточка дыма.
От пол-литра под утро хмелел
И кивал в зеркалах нелюдиму.

Одурманен тоской, опоён,
Как зимы отгулявшей бессилье,
Расстилается сон простынёй,
Запах свежести, бабочек крылья.

Смерть – никому не сестра,
Смерть – никому не подруга.
Смерть – это белая вьюга,
Крест и распятие Христа.
Ветра январский разбег,
Пышные белые пряди.
Чёрный заснеженный плат
Средь ослепительной глади.
Солнца прощальный парад.



Пока ты снишься, слышу шум травы,
В ней белые, как снег, гарцуют кони.
Пока ты снишься, что мне до молвы,
Мы говорим, а это значит – живы.

Ещё один сумрачный день,
Околица спит беспробудно.
Дороги печальная тень,
Безглазое мёртвое утро.

И снега вокруг острова,
Рукою махнёшь, захоlustье!
И движется тихо вода
В реки обмелевшее устье,

Небесные слёзы вобрав.
И сердце, как будто от ран,
Сожмётся в тоске неприютной.
Так тихо на лодочке утлой...

От широт и от щедрот
Перееду в город тесный,
Где без устали народ
Суетится повсеместно.
Крикну в бездну: ого-го!
Отзовётся: вам кого?



Где Малайзия, где я?
Снег и праздное окно.
Мажь, мазилка, полотно
И ныряй туда, обратно.

Взмах, мазок дрожит,
 как рыбка.
Отступает темнота,
И поёт волнуясь скрипка
Тру-ля-ля и тра-та-та.

Кровь – вода, сиди в пальто.
Дует, это ничего.
Жизнь проходит поэтапно
У Толстого и Гюго.

Страстно, дерзко, непонятно... –
Не ищи на солнце пятна.
Не раскатывай губу,
Сокруши свою тюрьму.

Призрак, лёгкий мотылёк
В отражении зеркал.
Рай бы кто наколдовал?
Запорошен колким снегом,
Грезит лес весенним бредом.
Кану в мартовскую степь
Волю праздновать и петь.
Ёлка, белочка и дятел,
Этот мир немного спятил, –
Как огонь горит ушко.
Отчего-то мне смешно.

Коли ждёт кончины – плаха,
Пой гармонь и рвись рубаха,
Бью в ладони на ветру...
Разгоню тоску, беду.

Вздымаясь, пенится волна,
Стоят в плену берёзки белые.
По грудь холодная вода,
Кричат сороки оголтелые.
Залиты схроны и мосты,
Река вдруг встала на дыбы.
Ломает лёд с весенней силой,
И рвётся прочь душой строптивой
Из плена узких берегов.
И молодые небеса, и перья лёгких
облаков,
Летящих тихо надо мной, –
Во всём тоска любви земной.

Средь нас всё Иовы да Каины,
А кто есть кто, не распознать.
Отмыты добела окраины,
Дымит труба, хлопочет мать.

«Ах, нам сейчас бы снова Сталина,
Чтоб образумился народ». –
Тускнеет на печи окалина,
И спину гнёт дугою кот.

И голо, просто всё... и праведно,
На стенке в рамочке портрет.
В ней чистой веры... даже завидно,
Несокрушимой столько лет.

Замерзают в алмазы слова,
Холодеет в густеющей ночи.
Убелённая снегом трава
Да и смерть «не на выход»,
короче.
И берёза – пристанище гнёзд,
И дорога метелью внахлёт –
Перетянуты с зимнею злобой.
И гремит заскорузлую робой
По оврагам мороз: «перемать», –
Всласть медведю январскому
спать.
Вырастает до неба сугроб,
До небесных, божественных
стоп.
Как дорога прямая от сердца,
До отца моего громовержца.
Сухостоины липы скрипят,
Вслед кресты на могилах
аккордом.
Божьи очи на землю глядят,
Бдит поэт в одиночестве
гордом.

Кисть декабря хрустальные цветы
Рисует на заснеженном окне.
Плут ветер гонит вихри по стерне
Средь сельской неказистой красоты.

Старинный уху слышится напев:
Под колокольный звон слова обета.

Пространство чистых сфер преодолев,
Поёт с волнением сноп тугого света.

Светила шар сияет над долиной
И странницей закутанной с корзиной,
Над сном и стоном сердца моего,
Как в первый день рожденья своего.

Придёт тихонько старость,
заглянет молча в дверь,
Посмотрит, что осталось
от юности моей.
От красоты и силы, от щедрости души,
Шуршат в подполье мыши,
звенят в руке гроши.
Но где твои обеты и где твоя
любовь?
Ушла бродить по свету, сбивая ноги
в кровь.
Смеётся в роще осень, платочек теребя,
Горят огнём мони́ста средь красок
сентября.
Придёт тихонько старость,
заглянет молча в дверь,
Посмотрит, что осталось
от радости моей.
Вздохнёт, суровой станет,
подтянется ко мне,
А вдруг её дурачу,
коль песня о весне.
О ландышах лилейных,
о лебеде в пруду,

Днях солнечных, бессмертных,
весь сад гудит в чаду.
Копая споро грядки,
как гимн пою судьбе,
И ни единой складки
в лазурной синеве.

Прилип к стакану листик мяты,
Сквозь время поезд мчит куда-то
Всех безрассудных, виноватых,
Меня и тех, с колонной пятой.

Без слёз и причитаний бабьих
Стучит, пыхтя, везёт сквозь тьму.
Но не услышат одиноких,
И Бог не ахнет: почему?

Как зайцы – серые ушанки,
Запнись – кулак летит в лицо,
В руках кайло. Бока голландки.
Конвоя чёрное кольцо.

Собачий лай и пересылки,
И нету этому конца.
И жизнь, что зиждется в затылке,
Дрожит, почуя хлад свинца.

Здесь не до блеска и парада,
Здесь не поднимешься с колен,
Пройдя круги земного ада,
Умри без почести знамен.

Зачем Олега голос вещий
Воззвал ко мне средь мерзлоты?
А у ээка какие вещи,
Вкруг снега белого холсты.

И я пошёл, влекомый болью
За свой измученный народ.
А он глядел как сокол вольный
И предрекал стране восход.

Не сутуль обнажённые плечи,
Не сиди на манер воробья.
Отгорели лампы и свечи,
Всё прими, никого не коря.

Видно, свыше даётся по вере,
Как дыханье и стук каблуков.
Дабы, горечь потери измеря,
Доживать налегке мотыльком.

И дышать кардамоном и мятой,
Забывая простые слова.
И, касаясь подушки несмятой,
Удивляться, что нынче жива.

Долгой зимы замыкается круг,
Ткнётся собака в изгиб милых рук.
В тёмном окне разгорается свечка,
А во дворе разливается речка,

Лунная речка, берёз серебро.
 Детка напишет в тетради: «добро»,
 «Буки» и «веди»... глаза распахнёт,
 Ангел на лодочке птицу везёт,
 Синие перья, золотые волосы.
 Очи прозрачны, и тонки черты.
 Жаром пылают на шейке цветы.
 Тихо. Лишь лодка, качаясь, скрипит.
 Звёздочка с неба на землю летит.
 Словно кто тронул сердечко смычком,
 Детка к стеклу прижимается лбом.

Полночь бьёт на часах,
 Дирижабль плывёт в облаках.
 В дирижабле Бог –
 космонавт,
 эстет –
 Машет рукой, светит звездой,
 Над объектом Земля загорается свет.
 Яблоко держит дитя,
 Бог говорит: друзья,
 Я всё начну с нуля,
 что мне Иуды петля?
 Деревни, леса, поля будут стоять,
 пока целы стены Кремля.
 В общем, в глазах старикашки
 полно огня.

Спит у камина отчаянный кот,
Рыжие лапки, мохнатый живот.
Белые мышки плывут в облаках,
Серые мышки гуляют в лугах.

Чёрные мышки выходят в манто,
Дружно садятся в пустое авто.
Как ангелочки все мышки на свете,
Стоит сердиться на глупости эти?

Котик так ловок, так добр
и безгрешен,
Птичек гоняет с высоких черешен.
Это подобно кульбитам гимнастки,
Если поймает, не съест – для
острастки.

Вербное

Плыл звон над лесом и над плёсом,
Крутой излукой и берёзой.
И в тёплом воздухе белёсом
Во мне глагол сидел занозой.
Сочился дождик обложной,
И ветки в сереньких комочках
Уже в моих качались строчках,
Я их втыкала по одной.
Им предстояло освященье,
Мне – покаянье и томленье.

Январь, ох этот месяц громогласный,
Сияет дева кожей атласной...
И я забыл про все свои дела.
Она как роза майская бела,
И тайна в лепестках такая скрыта,
Что кажется: вся жизнь моя разбита
И для других сияют небеса!

Доносились сетованья
До распахнутых небес.
Деревенька, смурый лес...
И Христос сошёл отвес,
Пыхнул золотой искрою.
Глянул: речка бьёт волною,
Тут её норы и власть,
Жизнь с селом переплелась.
Всё цветёт, произрастая,
Баба, глядь, идёт простая.
Здравствуй, жинка! Как житьё?
Ничего. А вам кого?
На просторе вековом
Деревень и сёл мильон.
Как едина древа ствол,
В небеса несут глагол.
Мне чайку бы, голубица!
Видишь двор? Живёт вдовица.
В тишине избы крестьянской –
Скорбной девы лик славянский.
Как цветочек во бору,
долу очи голубые.

ВДОВИЦА.

От своей судьбы бегу я.

А нынче, глядите:

 шиповник цветёт,

И к сердцу любви подступают

 приливы.

И дух распчатый сладимо

 плывёт,

Как будто бы радость

 принёс ты, родимый.

ХРИСТОС.

А всё оттого, что живёшь по Завету,

Ко всем проходящим

 выходишь с поклоном.

И нету в тебе озорства разбитного,

И с робостью просишь, качнувшись

 к иконам.

Кто в Бога не верит, –

 в душе пустыри.

Ты молишься, детка,

 гляжу, до зари.

И сон не берёт тебя

 сладкий и дивный

В ночи со склонённой спиной,

Со всеми святыми в молитве единой

Ты бодрствуешь вместе со Мной.

Вдовица упала почти бездыханна,

Христа омрачилось чело.

Чтоб бледным ртом коснуться тьмы
В воздушной чаше первоцвета
Сиянья будущего лета,
В котором будем только мы.

Погром

Камни, пламя... библейский дождь,
Истекающий серной взвесью.
Он шипит под гнездом подошв
Чёрным гневом и адской мезтью.

По дворам сытый жар разлит,
Скачет пламя в глазницах окон.
А в проёме двери Лилит
Громоздится паучий кокон.

Как гнилую, сухую ветвь,
Тянет руку в немом проклятье.
Заклиная слезами смерть,
Призывая к сраженью братьев.

Живу, где ёлки выше крыши,
С сиренью дикою в саду.
Здесь роют норы в грядках мыши
И гуси плавают в пруду.

И ни беды, ни злого лиха,
И дни подобны образам.
Листва струится с яблонь тихо
Подобно прожитым годам.

А тишина, бог мой, какая!
Над грядкой вскопанной парок.
Лишь ветер носится, играя,
И от костра несёт дымок.

Не побиваемые градом
и не горящие в огне,
Стоят дома у автострады,
довольны жители вполне.
Быт нерушим и не случаен,
едва затеплится заря,
Бегут с ватрушками и чаем
к спешащим в дальние края.
Живут от встречи до разлуки,
в пару картошки и котлет,
Тем живы. Выросшие дети
российской славы и побед.

Облака-шатуны по небесному движутся краю,
И мгновенье «курлы» рассекает,
как вспышка, углами.
Исчезающий клин среди уснувших полей
окликаю,
И тянусь в вышину, и крещу след остывший
перстами.

Словно огненный шар на холме разгорается
солнце,
И навстречу теплу напоследок душа улыбнётся.

Тяжело лежать в больнице,
Каждый день всегда одно.
Сёстры колют в ягодицы,
И вставать запрещено.

Не скрывает худобу
В складки собранный халат.
Сын приносит голубцы,
Пирожки и виноград.

Шутит, руку жмёт по-свойски,
Улыбнётся дед порой.
Боль в глазах по-стариковски...
Кроткий, седенький, живой.

Прохожий

*С нами Бог, разумеете, языци, и покарайтесь:
яко с нами Бог.*

Вошёл Христос в Лександровку с рассветом,
Волной струились чахлые хлеба.
Всходило солнце, зыбким силуэтом
Чернела дранкой крайняя изба.

Горюн-старик на низенькой скамейке
Курил взатыг сигарку не спеша.
Один как перст, в дырявой кацавейке,
Под спудом лет чуть теплится душа.

– Ох, мать моя, царица всеблагая,
А кто ж ты есть... ответствуй мне сперва,
Ох, ах ты, доля горькая, земная,
Конец с концом в сей год сведу едва.

Куда бредёшь, болезный, лик печальный,
В тюрьме, монастыре, стране ли дальней

Томился дух, во тьме тону без глаз я,
Лишь силуэт колыхнется неясный, –

Промолвил дед, рукой нашарив палку. –
Едва хожу, любой разор внакладку.
Аль антерес какой имеешь здесь,
Али принёс кому нежданну весть?

А мы живём, как видишь, по старинке,
Ан свадеб нет, а больше всё поминки.
И смерть в дворах вовсю пирует всласть,
Кому нужны... видать, такая власть.

А может, енто мы от ней далёко...
Остались бабки, Марья да Федорка.
Наталия с Егором да Савелий,
Помёрло много, уж не до веселья.

Коль посчитать – семей, наверно, пять,
Кто может сеять в поле и сажать.
Да три семьи ещё живут приبلуды,
Баптисты. Слышь, гуторят, ждите чуда.

С Америки самой им шлют посылки,
А у меня, бывает, ни росинки
Во рту неделями, такие нынче дни
Послал Господь, проходят и они.

Старик умолк. Откуда браться силе?
Всю жизнь работал, надрывая жилы.
С трудом поднялся и в сторонку сплюнул,
И словно дух небесный тихо дунул.

Обмякло сердце, распрямились плечи,
Горит лампадка, и сияют свечи.
Сидят Архип и странник за столом
С хлебами, мясом, рыбою, вином.

И вкруговую, на краю страны...
За тех, что уходили без вины.
Безвременно и страшно, безвозвратно...
И правда сжала зубы, костеняя.

Салат из горьких трав и сельдерея,
Вот чечевица с яйцами вкрутую.
А также мёд, корица и инжир,
Орехи, курага... дрожит потир.

Места глухие, топь кругом да ельник,
А всё родное – не сказать словами.
На малой речке мельница и мельник,
Молоть муку съезжались возами.

Мешков – до неба, не упомнить сколько...
Пот вытрешь, отряхнёшься, серый пыльник...
Коровы, кони, овцы, козы, свиньи...
Как сдуло всё, ни в чём не стало толку.

– Поднимутся колосья в поле, –
Изрёк Христос, – исчезнут боли.
Во здравии дни летят беспечно,
Россия же пребудет вечно.

Деревня возродится вновь,
Как ни был этот край суров.
И здесь, над этим пепелищем,
Возникнет Храм, что сердцем ищешь.

Слетит под купол голубица
И осенит народ, как встарь...
Добела вспыхнет огневица*,
И Божья Мать войдёт в алтарь...

Утро начинается с камасутры,
чашечки кофе и проливного дождя,
ни морщин под глазами,
ни боли в коленке,
танцуй чарльстон, стрекоза!

Поражай изысканным видом,
прозрачностью взгляда
и красотой лица,
весна опоила дурманом,
в кошель собирая сердца.

Такой, как она, пьянящей,
не ведающей времён,
лети над судьбой пустяшной
во сне, что запечатлён
(Все сны твои я лайкаю...
тату под белой майкою),

* Молебен «Огневица» не проводится в православной церкви, поскольку имеет никонианские корни, и провести таинство можно только в языческих храмах. Но в служебнике священнослужителя имеется раздел «Службы на различные потребности. Служба о недужных многих или о едином», который включают в молебен. ... Огневица – это свастический символ, изображение которого отличается простотой. Условно – это обычный крест, вертикальная перекаладина которого выполнена в свастическом исполнении. Её лучи завернуты в левую сторону. ... Такое лаконичное изображение символизировало свет добра.



разгадывай головоломку
бессмысленности добра
в пространствах
потерь напрасных,
рождённая из ребра.

Покуда горят ромашки
и труб громыхает медь,
играй с тишиной в пятнашки,
чтоб в счастье не онеметь.
(Целую ладони...
ты победила.)

Подобно сладкой дремоте
цикутою пахнет смерть.
Танцуй при любой погоде,
забуди, что такое смерть.
(Заряжай на любовь,
зависли без слов.)

Что мы ищем, что обрящем, слово завтрашнего дня?
Ничего оно не значит ни для вас, ни для меня.
Из телесной оболочки, тихо крыльями шурша,
Улетала к синей тучке обнажённая душа.
Тройка судей-тараканов, проститутка и бандит
Выползают из туманов, коронуя скорбный быт.
Так склоняйся же над строчкой, обличай, кричи, умри!
Зачерпнув воды проточной из вскипающей зари.



Белый день

Белый день,
среди сплошной тишины
мы ослепли.
И забыли про крылья,
не видя пути.
Отпусти меня в небо,
хотя б на мгновенье,
чтоб от счастья найти
золотые ключи.

Ветер ветки весенние
в небо макает,
белокрылая птица
над домом кружит.
Отчего моё сердце
так тяжело страдает,
отчего даже ночью
мой разум не спит?

Белый день,
среди сплошной тишины
мы ослепли.
И забыли про крылья,
не видя пути.
Отпусти меня в небо,
хотя б на мгновенье,
чтоб от счастья найти
золотые ключи.



Танец Марса

За плечами ветров
Сушь. Сладкий запах винограда
и хлеба.
Долгое эхо летит, откликаясь
на зов,
С приднестровских холмов,
Разбиваясь на слоги о небо.
Нет ни бури, ни шторма,
ни войны.
Марс расправил густую бровь.
На молдавской земле
под мелодию дойны
Прорастает маками кровь.
Алые маки не гаснут вдруг,
В глиняной кринке полощутся.
Смерть вознесёт к Илие на струг,
За пазухой голубь хоронится.
Что за нравы и времена,
Голубь машет
поломанным крылышком.
Как же убога моя страна,
Коль разбросала по зёрнышку?
Как же сурова моя страна,
Ни мудрости и ни милости,
Только извечная простота,
Глупость сродни наивности.
Горе в канат лепестки завьёт,
Дом – скорлупой пустой обернёт.

Ворвался в небо пёстрый зонтик,
Парил... под ним сквозил лесок.
Свобода – это как наркотик,
Зонт уплывал наискосок.
 Как птица, таял в небе мгlistом,
 Вмиг удалился за версту.
 Дул ветер, рвал мой плащ со свистом
 И душу пригвождал к холсту.
Гляжу, Илья изрыгнул пламень,
Мои опали кандалы.
Ведь даже зонт мой уникален,
Гуляет, где живут орлы.
 Так не живи без флор и фаун,
 Отдай всему земному дань!
 И прыгал дождь, рыча, как фавн,
 И ширился, как Иордань.
А холст промок, а солнце в Понте,
Всё это, верно, неспроста...
А зонт завис на горизонте,
Одна сплошная красота!

Как ребёнок спит в материнском чреве,
Так и юный стих спит в волшебном древе.
Спят в гортани сна помыслы и буквы,
Спят в садах Христа звёзды алой клюквы.
Спит луны овал,
 голубые травы,
Церковь спит, вокзал,
 башни и канавы...
В шелесте листвы звуки всех наречий,
Спит на языке сладость древней речи.

Василий Зиновьев

г. Великие Луки, Псковская область,
п. Сазоново, Вологодская область

Сказание о Свете

Повесть

Нами движут не независимые силы, но универсальные энергии, имеющие общий источник, и это так же верно, как то, что всё то, что наверху, подобно тому, что внизу.

Из Скрижалей Гермеса

Глава 1. Приоткрытые глаза

Жил в некоторой неизвестной стране противоречивый народ. Каждый по-своему постигал и исследовал свою землю и страну. В этом государстве земля была щедра и каждый год дарила жителям огромное количество фруктов и овощей. Не просила земля ничего взамен, просто любила своих жителей. Почти никто из людей этой прекрасной страны не думал о том, что одним из главных олицетворений добра являлась сама земля. Люди были заняты своими очень важными, как они думали, делами. Не обращали внимания на красоту окружающего мира.

Погода в стране отличалась своим непредсказуемым характером. Настроение её зависело от действий человека: если жители пребывали в гармонии друг с другом, что случалось крайне редко, то не было стихийных бедствий, но стоило только жителям развернуть конфликт, сразу случались пожары, наводнения или ураганы. В стране протекало много рек, было достаточно чистых озёр. В лесах водилось огромное количество животных, летали разнообразные птицы. Жить бы и радоваться людям, но не могли жить люди в гармонии. Всё им чего-то не хватало и мешало. Казалось, где-то места более прекрасные, жизнь изумительная и лёгкая, проживать там намного проще, чем у себя на родине.

Жители страны любили много говорить – возможно, больше, чем что-то делать. Люди понемногу забыли, как радоваться весне и солнцу. Не мог человек принимать всю красоту и гармонию того места, где находился.

Однажды произошёл интересный случай в жизни этой удивительной прекрасной страны. Решил известный художник, что мало всем красок на этой планете, необходимо жить на другой, где более яркие и насыщенные цвета и краски. Необходимо уговорить жителей страны изобрести и построить ракету для полёта в другие миры, – решил художник. И, может быть, уговорил бы...

Чуть позднее снится художнику сон.

Приходит к нему Свет и говорит:

– Я бы не советовал тебе лететь на другую планету.

– Почему?

– Понимаешь, у любого человека своё восприятие мира. Каждый видит мир по-своему. Некоторые, например, многих цветов не видят. Кто-то вообще яркости цветов не ощущает. Мы все разные.

– Следовательно?..

– Отсюда следует, что на другой планете с более яркими красками, куда ты стремишься улететь, будет лучше только тебе. Даже не буду тебе рассказывать про спектр электромагнитных излучений. Необходимо запомнить: планета приспособлена для жизни всех её обитателей. Каждый житель с его особенным восприятием мира может жить только на этой планете. На другой жить невозможно.

– Что тогда делать?

– Развивайся сам у себя дома.

– Каким образом?

– Давай я сообщу тебе немного информации, а ты над ней поразмышляешь.

– Согласен.

– Слушай. Итак, лишь немногие знают, что географическое подразделение на широту и долготу было придумано, чтобы определить границы зон обитания разрядов цветов. Цвет, который доминирует в данной цветовой зоне, оказывает особое воздействие на людей. Главное условие – люди должны принадлежать к данному конкретному цветовому лучу, гармонизировать с ним.

Сильное воздействие цвета испытывают глаза, волосы, кожа. Зона цвета – естественное местонахождение для тех, кто принадлежит к этому цветовому лучу. Вне этой зоны раса людей будет вырождаться. Для каждого живого организма существует особая зона цвета, где весь его потенциал достигнет наивысшей точки развития. Знак, указывающий на доминирующий цвет, можно обнаружить в глазах по их цвету, хотя он становится виден при наблюдении вблизи. Цвет лица является вторым признаком, а волос – третьим, глаза – единственный достоверный показатель.

Люди, чьи глаза, волосы и цвет кожи не гармонируют между собой, непредсказуемы, ветрены и ненадёжны. Наклонности их могут быть изменены только благодаря близкому общению с другими, обладающими противоположными главными характеристиками. Вы мало времени уделяете культивированию правильных цветовых вибраций внутри и вокруг своих тел и домов.

– Как найти свою зону и цвет?

– Вот ответ на твой предыдущий вопрос. Ищи и находи цвета.

– Значит, это и есть моя задача?

– Твоя задача развиваться в творчестве, я только дал тебе направление.

На следующее утро художник не участвовал ни в каких спорах и конфликтах. Долго размышлял и думал.

Только перестал художник агитировать всех жителей лететь на другую планету, сразу появился новый инициатор полёта. Это был музыкант.

– Необходимо покинуть эту планету, на которой мало хорошей музыки, и улететь на другую! – кричал он.

– Зачем? – спрашивали у него жители страны.

– Но как же? На другой планете лучше и красивей музыка, – отвечал музыкант. – Необходимо слушать более качественную музыку. Посмотрите, сколько у вас в речи нецензурных выражений! Зачем вы, многие жители, губите себя? Давайте я расскажу вам, что такое музыка и как с ней надо аккуратно обращаться? – спросил музыкант.

– Хорошо, слушаем, – ответили жители страны.

– Итак, слушайте. Каждая молекула материи обладает собственной тональностью. Если бы можно было определить тональность тела в его нормальном состоянии, то обнаружилось бы, что и тональности всех прочих тел, находящихся в согласии или общности с ним, принадлежат той же октаве. Музыкальная гамма содержит бесконечное разнообразие нот и звуков. Каждая сотворённая вещь издаёт свой звук – так называемую ключевую ноту. Владея этой нотой, можно управлять данным телом. Существует семь полных тонов и бесчисленное количество меньших возможных полутонов звука между двумя полными нотами. Одна-единственная неверная нота может привести в действие разрушительную силу вместо гармонической, созидательной силы.

– Как интересно! – крикнули жители страны.

– Замечательно, слушайте дальше, – ответил музыкант. – В мозгу есть центр, называемый колоколом; как резонатор, он собирает симфонию мира и самую глубокую тишину способен превратить в грозный аккорд. Сказано: «Имеющий уши да слышит».

Следует ваших детей с малых лет приучать усваивать красоту звука. Музыкальность нуждается в образовании и воспитании. В каждом человеке склонность к звуку заложена, но без воспитания и образования она спит. Человек должен слушать прекрасную музыку и пение. Часто одна гармония уже навсегда может пробудить чувство и видение прекрасного. Но велико

невежество в ваших семьях, когда в них забыты гармония и воспитание. Особенно сейчас, когда мир содрогается от ненависти людей друг к другу. Нам всем необходимо спешить открыть ухо молодого поколения. Без осознания значения музыки невозможно понять и звучание Природы. Нельзя мыслить о музыке сфер – только шум будет доступен невежде. Песня водопада или океана будет лишь рёвом. Ветер не принесёт мелодии и не зазвенит в лесах торжественной песней. Лучшие гармонии пропадают для уха неоткрытого и необразованного. Может ли народ совершать своё восхождение без песни?

В природе звучит всё: растения, камни, лучи и грома раскаты, звучит северное сияние. Алмазы, кристаллы, металлы тоже звучат...

Самый совершенный звуковой аппарат – это аппарат человеческий, ибо голос его свободно несёт в своих звуках то, что хочет вложить в него говорящий. Голос завораживает... Он обладает очень большой силой, или силой магнитного воздействия. В голос вдобавок можно вложить чувство и мысль. По содержанию нет ничего в природе богаче звуков голоса человека. Потенциально в нём заключаются все семь элементов со всеми своими подразделениями. Но сознательно человек овладел только очень немногими из них. Голоса разных людей различаются между собою числом элементов, которыми овладел говорящий и которые он применяет в огромном большинстве случаев бессознательно.

Давайте научимся вкладывать в речь смысл, и значение, и силу. Голос – могучее оружие того, что мы говорим. Голос может нести в себе и передавать другим заряды света. Можно разговаривать с вещами, деревьями, растениями, камнями. Необходимо беседовать с природой, с пространством. А вы чему учите детей? Что они говорят, думают, какую слушают музыку? Ведь встречаются и живут люди вместе, если у них звучат мысли и тела примерно на одной ноте. Это принцип резонанса. Вы в себе генерируете определённые частоты, а какие они, к чему ведут?



Многие жители опустили голову.

– Хорошо, а разрешите я вам задам вопрос? – спросил один из жителей страны.

– Задавайте, – разрешил музыкант.

– Допустим, мы полетим на другую планету, там, возможно, более сильные частоты. Они могут разрушать наши негармоничные колебания, что приведёт к смерти многих из нас. Правильно я понимаю? – спросил он у музыканта.

– Правильно, – ответил музыкант.

– Тогда нельзя нам лететь на другую планету, а необходимо на этой избавиться от дисгармоничных мелодий и звуков. Воспитать в наших детях и в себе культуру общения и слушать и изучать прекрасную музыку и пение, – подытожил житель страны.

– Я полностью согласен с вами, – ответил музыкант.

17.07.2020

Продолжение следует...





Юрий Иванников

г. Семилуки, Воронежская область

Лес

1

В моём детстве он был кусочком нашего мира и при этом совершенно отдельным миром, не похожим ни на что другое. Вспоминаю себя бредущим по просеке с высоченным ковром трав, наполненным цветущими и благоухающими растениями. Не помню, кто был тогда со мной, наверно, кто-то из взрослых, но вот кто именно – не осталось в памяти.

Думаю, мне тогда было лет около шести. Горячее июльское лето. Трава по пояс, а вокруг огромные сказочные деревья, которые как будто с удивлением смотрят на тебя: «Кто это появился здесь, в мире покоя и тишины?» Молча провожают тебя взглядами. Возникает необъяснимое ощущение знакомства души с чем-то новым, неизведанным доселе, совершенно иным, чем привычный тебе мир с его домом, деревенскими улицами, садами и огородами.

Это всё немножко пугает мою маленькую душу, я настогаживаюсь, тревожусь и восхищаюсь. Я крепко держу за руку своего провожатого и думаю: «Так вот он какой, лес! Может, он и есть дремучий из услышанных мною сказок в раннем детстве от моей сестры Наташи? А вдруг он тоже населён сказочными персонажами, вдруг из кустов выскочит огромный серый волк?» Но ничего не происходит, и только горячее ласковое июльское солнце гладит нас своими тёплыми ладошками по головке, и мир кажется радостным и счастливым.

Какое обилие цветов, я не знал тогда ещё их названий, но хочется остановиться и смотреть на них долго-долго и вдыхать их медовые запахи. Взгляд удивлённо перемещается с окраинных деревьев в чащу, а в душе сомнение: «Разве так бывает, разве

бывает такой мир, полный сказочного молчания, красоты и таинственности?» Ноги мои заплетаются в траве, и тюбетеечка падает с головы, да и сам я падаю в траву и не могу надышаться. Это детское ощущение остаётся на всю жизнь как что-то неповторимое, удивительное. Словно эта царственная природа вокруг имеет свою душу, и твоя душа тихонько говорит с душой этого леса и от этого наполняется восхитительной гармонией.

А вот уже через пару-тройку лет, когда мы ощущаем себя совершенно повзрослевшими школьниками, как-никак закончили 2-й класс, приходим сюда с нашими школьными вожатыми, приходим «в поход». Их зовут Саша и Наташа, они наши кумиры, закончили, страшно сказать, 7-й класс и кажутся нам совершенно взрослыми парнем и девушкой. Мы постоянно крутимся перед ними, у нас тысяча вопросов, и хочется, чтобы вожатые обратили внимание на каждого из нас.

Мы получаем первые, самые простые знания о лесе. «Вот это дуб, а это ясень, осина, берёза. А это куст лещины, на нём и растут очень вкусные орешки, с которыми уже знакомы».

– Наташа, а как называются эти цветы?

– Красные – это клевер, а синие – цикорий. Про ромашку мы уже знаем, она растёт у каждого дома.

Наташа срывает цветок, отрывает лепестки и рассказывает, что по нему можно гадать о любимом: любит или не любит. Медленно, галдящей толпой, мы передвигаемся от опушки в гущу, и теперь кажется, что деревья провожают нас тёплыми улыбками. И вдруг они расступаются, и мы видим совсем маленький водоём, небольшое озерцо. Саша объясняет, что в народе его зовут Озеречка. Игорёк, самый из нас храбрый, спрашивает:

– А можно ли искупаться?

Нам, конечно, не разрешают, для вожатых мы совсем маленькие и не умеем плавать. В гуще леса прохладно, воздух необыкновенный, дышится легко, полной грудью.

Невдалеке слышим птичье стрекотание, но птицы не видим.

– Это сорока, – объясняет Саша, – она всегда тревожится из-за незваных гостей и оповещает о них своим стрекотанием всех обитателей леса.

– Разве мы незваные? – удивляется Нина.

– Она беспокоится о своих малышах в гнезде, чтобы никто их не потревожил. А вот, кстати, и гнездо.

Нашим удивлённым, по 5 копеек, глазам открывается что-то круглое на вершине дерева, состоящее из маленьких наломанных веточек. Приходит первое понимание: мир леса обитаем, в нём живут птицы.

– А что, в этом лесу есть и звери? – спрашивает кто-то.

– Конечно, есть. И зайчики, и лисички, и еноты, и маленькие лесные белочки и мышки.

– А медведи? Тут водятся медведи? – спрашивает Игорёк.

– Нет, медведей в нашем лесу нет. Из самых крупных животных можно встретить лося и кабана.

– Вот бы их увидеть, может, мы поищем их? – не унимается Игорёк.

– Нет, дикие звери очень опасны. С ними лучше не встречаться. Да и живут они далеко, в чаще леса.

«Значит, лес может быть опасным», – я настораживаюсь от этих мыслей и успокаиваюсь: мы же с вожатыми.

Удивительно, в этом лесу словно всё создано специально для нас: мы проходим ещё метров двести, и перед нами открывается сказочная поляна, залитая солнцем, с цветами, порхающими бабочками и гудящими пчёлами.

– Здесь объявляю привал. Тут у нас будет пикник, – объявляет Саша. Что может быть лучше пикника на травке в лесу! Всё, что мы запасли с собой, что дали нам родители, достаётся из сумочек, свёрточков, пакетиков, и начинается пир. Ничего не кушал никогда вкуснее! Привал вызывает у нас безудержное веселье. Мы начинаем носиться по поляне, и нашим вожатым с трудом удаётся нас успокоить.

– А теперь каждый собирает с собой весь мусор, обёртки, бутылки, всё, что каждый из вас принёс с собой, – говорит Наташа.

– А зачем, ведь всё зарастёт травой, – спрашивает Серёжа.

Мы получаем первый урок экологии.

– Конечно, надо всё убирать, а иначе можно замусорить весь лес, – говорит Наташа.

Я представляю вдруг, как весь лес заполняется мусором, и встряхиваю головой от наваждения. Нет, лес, конечно, нравится мне таким, какой он теперь, с красивыми деревьями, с мягкой шёлковой травой на опушке, с освежающей прохладой внутри.

– Ну вот, на этом наш поход заканчивается, – объявляет Саша. Мы дружно топаем всем нашим отрядом до опушки леса.

И тут Игорька осеняет мысль: «У нас же есть удочки. А давайте все вместе пойдём на речку рыбачить!»

– Нет, нет, все должны идти по домам, рыбалка будет в следующий раз, – произносит Наташа строгим голосом. Уже 2 часа дня.

Так не хотелось, чтобы такой прекрасный поход так быстро закончился. Тем более – удочка у меня была.

– Наташа, я пойду с Игорем и Толиком к бабушке, мы так условились с мамой, – придумываю я на ходу.

И вот мы уже все трое на речке. Удочки закинута в воду. Быстрое течение утаскивает поплавки в сторону, и приходится всё время перебрасывать.

– Поймал! Поймал! – громко кричит Толик и вытаскивает из воды маленькую щучку.

В наших глазах страшная зависть. Впрочем, просидев ещё с час, ни одной рыбки мы больше не поймали. Это нас совершенно не огорчило, смотали удочки и вот уже бодро топаем домой мимо Ардакова бугра, поднимаясь в гору.

Нет, это был всё-таки грандиозный поход! По дороге нам встретился песчаный карьер.

– Чур, я Чингачгук Большой Змей, – первым подал голос Игорёк.

– А я тогда Оцеола, – продолжил Толик.

– Ну а я Виннету, сын Инчу-Чуна. Это значит Верная Рука.

Мы с восторгом стали носиться под отвесными скалами из песска, представляя себя в американских каньонах. Каждый хотел быть одним из героев, которых талантливо играл тогда югославский актёр Гойко Митич. В наши маленькие детские головёнки не приходила мысль, что эти игры очень опасны, что нас может засыпать песком. Но в тот раз бог миловал, всё обошлось благополучно. Наигравшись, полные впечатлений, мы поднялись наконец по большой горе в Коненоков уголок. И тут вдруг я увидел мою маму. Она шла с велосипедом и хворостиной в руке. Глаза её были полны слёз.

– Мама, ты чего?

– Все дети уже давно дома, где ты шляешься?

Ну, думаю, сейчас мне влетит на полную катушку.

Но мама только махала прутиком, и слёзы катились по её бледным щекам. От стыда и жалости у меня сжималось сердце. Потом она вдруг отбросила своё оружие и порывисто обняла меня.

– Ну разве так можно?

Она подняла меня и посадила на багажник. Через минуту мы всюю уже катили в сторону дома.

2

Бывает, если ехать долго-долго, темнеет, и вдалеке загораются первые огни, вдруг захочется выйти из автобуса и добраться к этим огонькам. Посмотреть: что там? Какое там место, какая природа, какие живут люди?

Или проезжаешь мимо леса, и вдруг придут мысли: «А что там, в самой глубине, за 10 километров? А как там зимой, где не ступает нога человека? Или как там ночью, в самой гуще?»

Нас всегда манит далёкое, несбывшееся. И вдруг однажды это несбывшееся начинает сбываться самым непостижимым образом.

Когда тебе лет 10–12, уже не хочется сидеть возле дома, в своём дворе, уже переиграны все дворовые игры. Нам хочется простора, путешествий, дальних расстояний. А если за окном зима, мороз под 15 градусов, вьюжит? Да разве это когда-нибудь останавливало сельских мальчишек? И вот в одно из зимних воскресений мы втроём на лыжах подходим к ближайшему к нам лесу. Со мной мой двоюродный брат Саша. Он старше меня на год и наш вожак в походе. Третий – Юра, Сашин сосед, двумя годами моложе, чем я, черноволосый десятилетний крепыш. Наш поход абсолютно дерзкий, мы задумали пройти в соседнее село Гольское прямо через лес. Сколько до него? Километров пять, а может, восемь, а может, даже десять? Зимой, когда сугробы по пояс, а день короткий, – дело рискованное. А раз рискованное, родителям не было сказано ни слова.

Сегодня тихо. Вчера была оттепель, а сегодня подморозило. Мы подъезжаем к опушке, и у нас захватывает дух от невероятной красоты. Деревья покрылись белым инеем, и мы заходим в настоящую белую сказку. Иней такой пушистый, что не видно ни одной тёмной веточки. Абсолютная восхитительная белоснежная тишина. Воздух такой свежий и чистый, что кажется, его можно пить, как чистую воду из родника! Мы приближаемся к деревьям, снимаем варежки, мы тогда ещё не носили перчаток, и наши пальцы ощущают одновременно мягкость и холод инея. Снег шуршит под лыжами. У снега в лесу невероятный запах свежести. Кажется, пахнет мороженым. Сквозь белоснежные ветви проглядывает абсолютно чистое голубое небо – космический пейзаж! Хочется ликовать.

Мы так залюбовались, что совсем забыли о цели нашего путешествия, а ещё о том, что время дорого. Первым в себя приходит Саша.



– Ну хватит любоваться. Становитесь в цепочку. Я первый.

Впереди – ни лыжни, ни следа, только мягкий полуметровый снежный ковёр. Продираемся сквозь торчащие во все стороны ветви. Лес здесь очень густой, труднопроходимый. Чаща. Ветка задевает мою голову, и шапка валится в снег. Голове свежо и радостно. Обматываю потуже шарфик вокруг шеи и водружаю шапку на положенное ей место. Чуть гуще замечаем чьи-то следы, словно кто-то прочертил рыхлый снег ровными штрихами. Мы не охотники и не можем понять – что за зверь. Медленно продолжаем движение, чувствуя себя героями фильма «Земля Санникова».

Позади два часа, мы изрядно устаём. Саша достаёт из карманов по куску хлеба и каждому по конфете. Делаем привал на ногах. Перекус здорово подбадривает нас, добавляет сил. Деревья вокруг уже привыкли к нам. Есть теория, что они могут общаться между собой с помощью электромагнитных колебаний. Интересно, что они думают о нас? Рады таким гостям или встревожены? Рельеф местности неожиданно резко меняется. Впереди снежное покрытие резко уходит вниз. Но страхи и трудности не про нас, обратного пути нет. Где на лыжах, а где и на животе мы медленно сползаем вниз. Этот процесс кажется бесконечно долгим, и солнце в зените провожает нас тревожным взглядом. Но всё когда-нибудь заканчивается, и круча неожиданно упирется в неширокую просеку. Она, как длинная белая лента, рассекает лес. Саша, наш проводник, знает дорогу по каким-то своим, непонятным нам приметам.

Делаем ещё один привал, правда, теперь уже без перекуса. Ноги начинают уставать и слегка подрагивать в коленях. Впрочем, наш дальнейший путь протекает легче, приходится идти по ровной безлесной дороге. Наша скорость увеличивается, мы проходим бодрым шагом ещё километра три. Просеку пересекают крупные следы.

– Здесь прошёл лось, – говорит Саша. Вообще-то говорим мы мало, все силы тратятся на поход. Наш неизменный проводник солнце склоняется к кронам деревьев. И вдруг мы видим какие-то необыкновенные деревья с гладкими стволами. Они словно приветствуют нас, вытянувшись в струну.

– Это лиственницы, – говорит Саша.

– А разве в нашем лесу могут расти лиственницы? Ведь они растут на севере, в тайге? – в один голос воскликнули мы с Юрой.

– Совсем мало, но есть, – отвечает всезнающий Саша. – Здесь уже недалеко опушка леса.

И действительно, где-то через час деревья расступаются и не-далеке становятся видны силуэты сельских домиков. Мы оста-навливаемся передохнуть. Вдруг вблизи нашей группы из-под снежного кома срывается белый заяц, задаёт стремительную дугу и исчезает за деревьями.

– Это заяц-русак, – говорит Саша. – Они зимой всегда белые.

Нас разрывает охотничий азарт – вот бы поймать!

Ну вот мы уже и прощаемся с лесом.

– До свидания, старый друг. Не поминай лихом!

Через десять минут мы уже сидим у Юриной бабушки, на сто-ле дымится чугунок со щами. Но сперва забираемся все на печку, греем ноги – пристыли. Потом бабушка поит нас ещё и вкусным коровьим молоком. Испытываем блаженство.

– Как же вы будете добираться-то, ночь на дворе?

Она надевает тёплый полушубок и исчезает из дома.

Домой мы добираемся на тракторе, нас везёт сосед дядя Миша. Ветерок овеивает наши лица, на душе сладко – такого ещё в нашей жизни не выпадало. Спасибо тебе, добрый милый лес, что приютил и проводил нас, что напоил наши души настоящим мальчишеским счастьем! До новой встречи.

Ирина Киттина

г. Москва

Пути-дороги

У нас какое-то ненастье –
Его диктует календарь,
Асфальт чернеет, как распятые:
«То расстань!» – говорили встарь.

То расстань или перепутье –
Какая в слове скрыта суть:
Дорога, скорость, даль, распутье,
А ключевое слово – путь.

Путь – это жизненная сила,
Движенье, компас, ориентир:
Вперёд – и чтоб не заносило,
Путь – горизонт, стремленье, мир.

Слова какие! Смыслов сколько!
Какой синонимов поток!
От расстани – в дорогу! Только!
Чтоб дул попутный ветерок!

Идти вперёд, чтоб не штормило,
Не заносило никуда,
В пути тогда приятно, мило...
Так не бывает... Никогда...



Со стихами

Шкорбатовой Е. В.

Учит внук: «Зима недаром злится...» –
Я под сей рефрен своё пишу...
К нам весна тихонечко стучится –
С ней вольнее мыслю и дышу.

Внук опять: «Зима ещё хлопочет...» –
Как же точно Тютчев написал!
Сердце так весны прихода хочет –
Классик зиму «ведьмой злой» назвал.

Я так не смогу – как ни пытайся!
Деткам мои вирши – не учить!
Ах, весна! Скорее начинайся!
Надоело мёрзнуть и хандрить!

Вторит внук: «Весне и горя мало...» –
Тютчева он знает назубок!
Жду весну – скорее бы настала!
Подберу я к ней немало строк!

Феи дорог

Спасибо, что читаете старушку –
С иронией извечно о себе! –
Я чёрным чаем наполняю кружку
И вновь пишу – о жизни, о судьбе.

Но о себе – всё ж с долей оптимизма:
Во-первых, приближается весна,
А во-вторых, не поддаюсь цинизму,
И после книг хороших – не до сна.

Бессонница – и после сериалов,
И после телефонных визави:
Как прежде, ненавижу шум вокзалов,
Но – встречу! Точно встречу – позови!

Я прибегу – и буду ждать состава,
И в окна буду жёлтые смотреть,
Расстроюсь, коль не встречу: «Вот подстава!» –
И побегу в зал общий пальцы греть.

Потом опять – на чёрную платформу,
Опять – встречать, опять – вагоны ждать:
На проводницах так уныла форма –
Лишь Слава Зайцев сможет их понять.

Он сочинит крылатые погоны,
Жемчужный, как созвездья, палантин,
Лилово-серебристые шевроны
И аромат – шлейф розы и жасмин.

Такая фея свой флажок поднимет –
С разбега остановится вагон,
Жемчужно-серый палантин накинёт –
И выйдут пассажиры на перрон.

Увижу я того, кто ищет встречи,
Пойму, что не готова к чудесам:
Неискренни, пусты слова и речи –
Надеюсь, он уловит это сам.

Пойдёт куда-то вдоль вагонов сонных
И мимо элегантных проводниц:
В руках – какие-то дорожные эскизы,
Как оттиски порогов и границ.

Подражание зимней песне

«Такого снегопада, такого снегопада...» –
Уже писали сорок лет назад:
Вновь зимняя прохлада, прохлада, прохлада,
И белые сугробы, и нам не до баллад.

И не до песен зимних: мы снова, снова, снова
Под белую метелью – вперёд, вперёд, вперёд,
А я – к весне готова, готова, готова:
Настроена на встречу! Когда она придёт?

«Такого снегопада, такого снегопада...» –
Я снегопад вчерашний не знаю с чем сравнить!
Не напевай – не надо, не надо, не надо,
И лучше в белый вечер – о лете говорить!

Вальс цветов

Заманивать умеешь в сети –
В свой сладостный словесный плен:
Какое чудо звуки эти –
Впрямь слаще пения сирен!

И слаще вальса из балета:
О, мой любимый «Вальс цветов»,
О, на «Щелкунчик» два билета –
И флёр рождественский готов!

Заманивать умеешь в сети –
И вот меня ты заманил:
«Щелкунчик», вальс, снежинки эти –
Сей зимний сон заморозил!

Сладчайших звуков упоенье!
Балет любимый! Новый год!
И снег! И ночь! И вдохновенье!
Как дорог сей круговорот!

По кругу

Увы, друзья, я – исписалась,
Я повторяюсь день за днём:
Ну надо же, какая жалость...
Стихами с вами мы живём!

Я стала повторяться в темах –
Любовь, и вера, и зима:
На тех зациклилась проблемах,
Что сводят – иль свели? – с ума.

Но мне до сути не добраться –
То ль не хочу, то ль не могу:
В стихи мне всё не наиграться –
По кругу всё бегу, бегу.

Бегу, как белая лошадка,
Что по арене цирковой
Бежит – то не конкур, не схватка,
Не поединок мировой.

А просто бег, и бег по кругу, –
На радость зрителей бежит:
И это не её заслуга –
А тех, кому принадлежит.

Натренирована красotka –
Султанчик белый, как свеча:



Какая статья, поклон, походка –
И кнут взлетает сгоряча.

Да это – я! Бегу по кругу
И повторяюсь в сотый раз!
И кнут, и стремя, и подпруга!
И все движенья – напоказ!

С птицами

Какая ровная дорога –
Летит бетонка, как стрела:
И от порога до порога –
К тебе за вечер привела.

Автобус мой беззвучно мчится,
Хоть спи, хоть думай, хоть мечтай,
А рядом – в небе синем – птицы,
Что просят: «С нами улетай!»

Как им ответить? Не услышат!
Уже взлетели высоко!
Летите, птицы, выше, выше!
Туда, где лето! Далеко!

О, вас мне не догнать в полёте!
Хоть и парит моя душа!
Вот если бы на самолёте?!
Но – нет! Бетонка – хороша!





Марина Красавина

г. Коломна, Московская область

У нас была великая страна...

У нас была великая страна.
Над ней пушистые рассветы проплывали.
Созвездий голубые покрывала
Ночной порой дарила тишина.

Идиллия для одиноких дев –
Реалии окрашивались кровью,
И войны брали в плен без предисловий
Удачи, мысли, книги, озверев.

Страны великой в мире ныне нет.
Мы пращуров заветы оболгали.
Чего-то тихо, молча ожидали,
Дипломатически уткнув лицо в планшет.

Да разве можно думать против всех?
Мы просто «винтики» в уставшем механизме,
Срезаем второпях величья след,
Чтоб вскоре пьяно каяться на тризне.

Коварный вирус совесть поразил,
Законы Памяти разрушив мимоходом.
Над одиночеством отеческих могил
Лишь бабочки шуршат с поклоном.

Закрывать лицо от серого стыда
И спрятать слёз неистовую роскошь,
Оставив Истину распятого Христа
Для нового доноса и допроса...

Понять, куда идём, – нам не дано.
Покорное и жертвенное племя,
Мы были некогда великою страной,
А ныне... стали на колени.

2020

*От высокой горы,
чьё название мне неизвестно...*

От высокой горы, чьё название мне неизвестно,
От лесных ручейков, где таинственна тень,
Принимаю дары, как слова ненаписанной песни,
Принимаю в себя каждый новый трепещущий день...

От далёкой Стены, чей торжественен дух несмиренья,
От нетленных камней, по которым Он шёл на закат,
Получаю толику причастности к миру движенья,
Получаю энергии Памяти мощный заряд...

И над башней изящной, где хмурятся очи-бойницы,
И в рассветных лучах на округлой груди куполов
Вижу страстный полёт неприкаянной пепельной птицы,
Рвущей крыльями розовый плат облаков...

От незримых границ между Временем и Расстояньем,
Где от крови и слёз увядает до срока трава,
Тихо тени бредут от изгнания до величанья...
И колеблются лики Бессмертного ныне полка.

2019



Дозвольте мне бесшумно заглянуть...

Дозвольте мне бесшумно заглянуть
В Истории тревожные анналы,
Преодолев подчас сомнений трудный путь,
Понять ошибки предков запоздало.

Принять их убеждённость не за страх,
Поверить в чудо исцеленья верой.
И омовень Истиной не на словах
Почувствовать в толпе безлико-серой.

Прорваться сквозь мерцающий портал,
Не нарушая древний ритуал.

Когда же зоркость обретёт душа,
Чтоб, над ошибками работу исполняя,
Страдать и трепетать в преддверье рая,
Взмывать у Вечности на виражах.

2020



***Взмывать на виражах
бездонной Вечности...***

Взмывать на виражах бездонной Вечности –
Серьёзное на прочность испытанье.
Живущим оставляя факт признанья,
Как исповедь, чья тайна рассекречена.

Но, даже приподнявшись над орбитой,
Встречайте Истину с главою непокрытою.

Что б ни кричали те, в ком души мёртвые,
Как дружно бы в грехах ни каялись,
Непостижимы боль и стыд отчаянья,
Звучащие фальшивыми аккордами.

Когда ж во тьме веков устанут воевать
И одичалый люд, и голиафы зданий,
Не должен эпигон глумиться, словно тать,
Над отпечатками её сандалий.

2020



*Людмила
Микушина-Половодова*

г. Котово, Волгоградская область

Озарение!

Сморчки на Севере в мае – первые грибы. И вкусные!

Мы строили дом на краю посёлка, в сосновом бору. Жили в нём и достраивали.

И вот внизу участка – выросли, крепенькие, бурые, влажно-коричневые! Собрала.

Промыла, отварила, слила. Поджарила с картошкой.

Все победили. Сын в автошколу, благоверный на работу. Я дома с дочей, ей только 2 годика исполнилось.

Занимаюсь делами.

И вдруг понимаю, что мир изменился.

Я вижу его структуру, его грани. Основа мироздания – кристаллическая! Вижу силовые поля, они просто стали зримыми, похоже на... стекло? – нет... скорее тончайшая прозрачная плёнка. Которая и не плёнка вовсе, а именно силовое поле, на гранях кристаллов поля пересекаются, они и так-то звучат, а на стыках – напряжённость полей, это усиливает звучание.

Я слышала «музыку сфер»! Но для человеческого организма эти вибрации слишком сильны. И мой организм не выдержал, он извергнул из себя катализатор. То бишь грибы.

Я выбралась на улицу. Постелила на край ямы (выкопали ссыпать строительный мусор) тулупчик, рядом ведро воды с раствором марганца и кружку. Лежу и промываю желудок. Почему лежу? Так удобнее, вообще-то))).

У дочи послеобеденный сон-час.

А я страдаю от высоких знаний...

Ветерок обдувает, волосы ерошит.

Всё не так уж плохо.

И вдруг я слышу голос:

– Ты, что ли, с грибов? Ма-а-ам... как ты?

Машу рукой: всё норм!

– Пойду. Доем. – Это сын вернулся с занятий.

Хех.

Ни он, ни муж музыки сфер не слышали, кристаллическую кубатуру Мироздания не видели.

Они просто доели жареную со сморчками картошку. Приземлённые натуры...))



Петр Панасейко

г. Тольятти, Самарская область

Потерялась из виду

Рассказ

Два сержанта патрульно-постовой службы утром обходили свои «владения»: набережную и лесополосу в черте города.

– Слушай, Дима, давай дальше не пойдём, – предложил напарник.

– Нет, Егор, давай зайдём в лесок, посмотрим, всё ли там в порядке. Ты же видел, час назад с набережной возвращались домой выпускники школ.

– Так они все уже дома отсыпаются после ночи.

– А если не все? Участок-то наш, тогда что?

– Ладно, пошли.

В течение часа они исходили все возможные тропинки, по которым «ступала нога человека», собрались выходить из лесополосы.

– Пстой, Егор, давай проверим вон те кусты, – предложил Дмитрий.

– Дима, ну ты даёшь, разве что ёжиков напугаем? Там уж точно никого нет!

– Тогда... стой здесь, а я сам проверю.

Напарник направился к кустам, Егор остался на месте. Через некоторое время он услышал громкое: «Беги на дорогу, останавливай машину, девчонку надо везти срочно в больницу».

Когда сержант вышел на дорогу с девчонкой, Егор ждал его с автомобилем.

– Что с ней, ребята? – поинтересовался водитель.

– Непонятно, то ли спит, то ли перепила немножко, есть запах спиртного?

При выпускнице оказался мобильный телефон. Пока ехали, Дмитрий позвонил её маме, услышав в ответ: «Ты где сейчас находишься, Алла, почему раньше не позвонила? Я за тебя переживаю, всех одноклассников обзвонила».

– Простите, это не Алла. Она сейчас едет в больницу.

– Это ты, Юра? Что с Аллой? Ты что с ней сделал? Не подайся мне больше.

– Успокойтесь, это не Юра, а сержант милиции Липатов. Мы обнаружили вашу дочь в лесопосадке у набережной. Пока непонятно, что с ней. То ли спит, то ли алкоголем отравилась.

– Какой алкоголь? Аллочка его на дух не переносит. В какую больницу вы её везёте? Я сейчас подъеду.

Когда мама приехала, дочка лежала в палате. Рядом сидел Дмитрий, дожидаясь приезда мамы и инспектора по делам несовершеннолетних.

Приехавшая вскоре сотрудник милиции переговорила с врачами, обещала вернуться вечером. Покинул палату и сержант. Ему стало ясно, что алкогольного отравления нет. Девчонка уснула от сильнодействующего снотворного.

Как только дочь пришла в себя, мама забрала её домой. Утром к ним на квартиру приехала инспектор ИДН. Переговорив с Аллой, она отправилась разговаривать с одноклассниками. Установить, кто подсыпал снотворное, так и не удалось. Выпускники заявили, что они просто потеряли Аллу из виду. Не надо было, мол, отрываться от группы. К тому же мама потерпевшей просила дело закрыть и не травмировать дочь. Она уверена: это дело рук жениха-одноклассника Аллы, Юрия. На порог его она больше не пускала. Дочка сомневалась в логике мамы, но спорить не стала, а начала готовиться к поступлению в юридический институт, избрав заочное отделение.

Время пролетело незаметно.

Вначале пришлось ей писать сочинение. Тему выбрала свободную, быстро исписала одну страницу, решила минуту передохнуть и продолжить. Сделать это, однако, ей помешал один

молодой абитуриент слева за соседним столом. Вместо того чтобы начать самому писать, он очень долго смотрел на неё своим любопытным взглядом. Абитуриентом, как догадался читатель, оказался в гражданской одежде сержант милиции Липатов, решивший получить высшее образование. Девушка же этого не знала. Ей сказали тогда, в больнице, что её нашёл сержант и, по сути, спас. Кто знает, что с ней случилось бы? Своего спасителя в лицо Алла не видела, потому и удивилась, что тот влюблёнными глазами внимательно смотрел на неё.

Не выдержав пристального взгляда неизвестного ей молодого человека, она пишет записку: «Прошу меня не отвлекать от написания сочинения, если хотите на меня и дальше смотреть, я Вам такую возможность предоставлю после экзамена». Ответ состоял всего из одного слова: «Согласен».

– Едва успел закончить последнее предложение, – сообщил Дмитрий Алле, когда они вдвоём оказались на улице.

– Сам виноват, нечего было меня рассматривать. Я же не модель. Между прочим, меня Аллой зовут.

– Я знаю. А я – Дмитрий. Можно просто Дима.

– Откуда, Дима, ты меня знаешь?

– Длинная история. Я что-то проголодался. Здесь за углом есть кафе, пойдём перекусим и поговорим. Согласна?

– Не с голода же нам помирать?

Пока обедали, соблюдали известное изречение: «Когда я ем, я глух и нем». Разговаривать после в кафе из-за духоты тоже не стали, вышли на улицу и сели на скамейку в сквере.

– Так кто ты, Дима? – первой задала вопрос подруга.

– Алла, ты действительно не догадываешься, кто я и откуда тебя знаю?

– Пока нет.

Тогда слушай. Обходили мы как-то со своим напарником, тоже сержантом милиции, лесопосадку у набережной. Всё проверили, оставались кусты...

Алла всё поняла, неожиданно обняла Дмитрия и поцеловала.

– Всё же догадалась, кто я? – только и смог спросить сержант.

– Спасибо, Дима, за спасение. Накануне там изнасиловали одну девушку. Я могла бы повторить её печальную судьбу. Если бы не ты.

Она ещё раз его поцеловала. Смущённый спаситель ответил:

– Знал бы я, сколько заслужу поцелуев, то донёс бы тебя до самой больницы.

– Не переживай, Дима, я тебе обещаю, что понести меня ты ещё сможешь.

– Что ты имеешь в виду?

– Из ЗАГСа понесёшь, когда я стану совершеннолетней. Пока мне только семнадцать.

– Договорились, Алла. Теперь расскажи мне, что тогда случилось, как ты оказалась одна в кустах? Инспектор по делам несовершеннолетних разобраться не смогла, я же постараюсь докопаться до истины.

– Может, не надо, Дима? Дело прошлое.

– Надо, Алла. Кто знает, не угрожает ли тебе ещё опасность? Ведь кто-то снотворное тебе подсыпал? Зачем? С какой целью?

Алла стала вспоминать, что тогда произошло.

...До пятого класса её соседкой по парте была Таня. Так получилось, что объектом внимания у двух подруг оказался Юра, сидевший за партой с Ваней. Спорили, гадали, но Юра перебрался за парту к Алле, а Таня – к Ване. На том вопрос исчерпали. Дружили попарно, вчетвером их видели мало, за исключением школы.

С самого начала Татьяна поставила цель: вернуть к себе Юрия. Уж больно он нравился им обоим своей застенчивостью.

Шли годы, одноклассники переходили по очереди из класса в класс. Пока не стали без пяти минут выпускниками средней школы.

К выпускному балу готовились чуть ли не с начала учебного года. И он наступил. К одиннадцатому классу родители Вани сменили место жительства, увезли с собой сына. Татьяна осталась на выпускном балу без пары. Белый танец танцевала с Юрой, у которого не нашлось мужества отказать.

Потанцевала Таня, понравилось. Именно в этот момент она решила отвоевать у одноклассницы её друга. Когда белый танец повторили, последний танцевал с Аллой. Татьяна, сославшись на головную боль, ушла домой за таблеткой. Вскоре вернулась обратно. Как только в свои права начал вступать рассвет-чародей, отодвигая ночь на задний план, выпускники пошли на набережную его встречать. Возвращались обратно через лесополосу, вошли в неё все, вышли не все. Алла начала отставать незаметно, её потянуло в сон. Про себя подумала, что это из-за шампанского, выпитого на набережной. Возле кустов лежало сломанное дерево, присела на него. Но сонная упала на сырую землю.

Будущий следователь Дмитрий Липатов внимательно слушал подругу, а сам в голове разрабатывал версии случившегося.

– Спасибо, Алла, за рассказ, – поблагодарил он, – дай мне пару деньков, и я тебе расскажу, как всё случилось.

– Ты что, Дима, ясновидец?

– Разберёмся.

В ходе разбирательства Дмитрия насторожило, что в материалах дела, которым занималась инспектор, не оказалось эпизода о том, что Татьяна покидала на короткое время школу. Как и о том, что мама работала в аптеке, а дочка не хуже её разбиралась в лекарствах, собираясь поступать в медицинститут.

Спустя два дня Липатов рассказал Алле свою версию случившегося в то утро: Татьяна сходила домой, взяла снотворное и незаметно подсыпала в фужер с шампанским на набережной, когда очередь дошла до Аллы. Наливала шампанское всем Татьяна. Когда Юра при уходе домой стал искать Аллу, та сообщила, что девчонка ушла домой одна, обидевшись на него. Юрий поверил. Сыграл свою роль его доверчивый характер.

Версия явилась правдоподобной, Алла в неё поверила. Однако попросила:

– Из тебя, Дима, получится настоящий следователь. Но закрой это дело, пожалуйста, Бог ей судья.

Вступительные экзамены в институт закончились. Наши герои стали студентами-заочниками, а получив по окончании обучения дипломы, попали в следственный отдел. Когда поженились, Дмитрий ушёл работать в прокуратуру, жена осталась на прежнем месте работы.

В один из дней ей пришлось выехать по вызову. В одной из квартир ночью во сне умер гражданин Бабкин. Ещё в машине Алла подумала: «Надо же, знакомая фамилия. У нас в классе был Бабкин Юрий».

Взглянув на умершего, следователь почувствовала себя плохо: перед ней лежал её одноклассник в трусах и майке в своей постели. Рядом сидела и лила слёзы знакомая ей Татьяна. Экспертиза потом установила: смерть наступила от большой дозы снотворного. Вдова заявила, что покойный муж страдал бессонницей, каждый раз перед сном принимал снотворное. Пил накануне и другие лекарства, в том числе от повышенного давления. Будь на месте Липатовой другой следователь, возможно, эта версия и оказалась бы единственной: несчастный случай.

Она же решила ещё раз всё проверить. Опросив соседей, установила, что в ту ночь в квартире супруги Бабкины оставались не одни. Но детей дома не было.

...Летом Татьяна Бабкина ездила по горячей путёвке отдыхать в Крым. Муж из-за большой загруженности на работе поехать не смог. Редко когда поездки на юг одного мужчины или одной женщины не заканчиваются курортным романом. Не была исключением и поездка Татьяны. Другое дело, что многие, уехав с курорта, забывают напрочь своё мимолётное увлечение. Многие, но не все. Не забыл его и молодой учёный из другого



города Вавилон. Направляясь в очередную командировку, он всего на одну ночь остановился в городе, где проживала его курортная любовь. Позвонил, предлагал снять гостиницу на ночь, но это, по словам любовницы, могло вызвать подозрение у мужа. Она придумала другое: дала мужу вместо обычного сильнодействующее снотворное. Хотя оно ему противопоказано. Ночь любовники провели весело, утром учёного и след простыл. Но к тому времени и муж остыл...

Бог, как и предсказывала в своё время Алла, оказался для Татьяны весьма строгим судьёй: она надолго отправилась в места не столь отдалённые.

Последний звонок

Рассказ

Учебный год в сельской восьмилетней школе заканчивался. Наступало время «Последнего звонка». Первоклассницу со звонком нашли быстро. Проблема состояла в том, кто понесёт её на плечах на школьной линейке. Среди восьмиклассников нашлось всего три мальчика. Однако никто из них не хотел участвовать в этом мероприятии. Тогда по совету директора школы учительница первого класса пошла на хитрость. Утром взяла свою Киру и пошла в восьмой класс.

– Кира, посмотри внимательно на мальчиков, кого бы ты хотела выбрать, чтобы он тебя с этим звонком пронёс по кругу? – попросила Валерия Олеговна.

Та пошла между парт по классу, внимательно вглядываясь в лица незнакомых и казавшихся великанами ребят. Затем подошла к Коле.

– Нет, Валерия Олеговна, этот меня не поднимет, – сообщила она, – уж больно щупленький.

Несколько раз первоклассница подходила то к Серёже, то к Паше.

- Я не хочу, – не выдержал Серёжа.
- А я с тобой и не пойду, ты меня уронишь ненароком, – с этими словами она направилась к парте, за которой сидел Паша.
- Молодой человек, будьте так добры, понесите меня сегодня на «Последнем звонке». Я сильно звонить не буду, ваши уши не пострадают. Понесёте?

В классе наступила тишина. Смеха, которого так боялась учительница, не последовало. Девочка с серьёзным видом смотрела в глаза восьмикласснику. Тот, не выдержав взгляда, ответил, улыбаясь: «Я согласен».

Время «Последнего звонка» приближалось, классы выстроились квадратом во дворе школы. Мероприятие началось. Кира стояла рядом с Павлом и так крепко держала в руках звонок, что со стороны казалось: она боится его потерять. Когда поступила соответствующая команда, девочка, забравшись на плечо школьника, начала звонить. Как и обещала, звонок звенел слабо. Понадобилось вмешательство Павла, и только после этого эхо понеслось по округе.

– Валерия Олеговна, – спрашивал учительницу в конце учебного дня директор, – как тебе удалось подобрать такую замечательную пару?

– Так получилось, Аркадий Егорович!

– Не знаю, как получилось, но ведь я не исключаю, что, когда вырастут, он её так же может понести из ЗАГСа. Вы этого не допускаете? Разница в возрасте всего семь лет! Сейчас она у них равна расстоянию от Земли до Луны, но с годами резко сократится. У меня жена на десять лет моложе, и ничего. Живём в любви и согласии столько уж лет.

Данный разговор состоялся в кабинете директора. Он встал и подошёл к окну. Затем позвал учительницу:

– Ну что я вам говорил, Валерия Олеговна! Я прав?

Со школьного двора уходили двое: Павел и Кира, которая хорошо сидела на знакомом плече. Спускаясь по школьной лестнице, девочка прыгнула с неё, но неудачно.

Прошло восемь лет, Кира успешно окончила восьмилетку, обучение продолжила в средней школе соседнего села. По окончании её поступила в университет на исторический факультет.

В конце первого семестра её пригласил в свой кабинет декан факультета:

– Вы из села Георгиевского?

– Да, а что?

– У нас тут один преподаватель готовит кандидатскую диссертацию. Я, как его руководитель, советовал ему взять тему истории родного села. Он давно там не появлялся, подзабыл маленько. Не могли бы вы помочь ему в этом благородном деле? Увы, в нашем университете вы одна его землячка.

– А он приставать ко мне не будет?

– Исключено, у него есть невеста, время свадьбы он отложил до защиты диссертации. Хочет жениться кандидатом исторических наук. Ну так что, Кира, договорились, поможете будущему, возможно, ректору университета? А вам бояться нечего, я вижу, вас постоянно сопровождает однокурсник. Правда, ростом не вышел. Но замуж за него по окончании обучения, наверное, пойдёте? Или я ошибаюсь?

– Всё может быть в наше время. Но хочу уточнить, это он за мной бегаёт, а никак не наоборот. Время всё расставит по своим местам.

Когда декан сообщил Кузнецову, что ему будет помогать землячка, тот начал голову ломать: кто это может быть? Он, конечно, не знал, что мама Киры с её папой развелась и в шестой класс дочь пошла учиться уже с девичьей фамилией мамы. Зачем она это сделала, та не объяснила.

– Это я вам должна помогать в написании диссертации? – спросила Кира, подойдя на кафедре отечественной истории к преподавателю Кузнецову.

– Вы Кира?

– Я самая.

– Присаживайтесь и расскажите мне историю своего села. А для начала немного о себе: родились, крестились, учились, вышли замуж.

Выполняя просьбу преподавателя, девушка кратко пробежала по своей биографии, по её словам, ещё несовершенно.

– Из всей «несовершенной» биографии у вас же может найтись один эпизод, запомнившийся надолго? – спросил «будущий ректор».

Тут уж студентка не просто кратко, а более подробно остановилась на участии в мероприятии «Последний звонок» в качестве первоклассницы. Преподаватель слушал, всё больше глядя в её глаза. Они ему показались знакомыми. Где-то он их видел. Уточнить не успел. В это время к нему подошла его коллега с кафедры и увела с собой. «Невеста, наверное?» – подумала Кира.

После первого семестра она поехала домой проведать родителей.

– Дочка, ты бы порядок навела со своими школьными фотографиями, – предложила мама. – Я тебе купила новенький фотоальбом, но сама не решилась. Я же не знаю, какие у тебя любимые фотографии.

– Спасибо, мама, разберусь.

Пересмотрев фотографии, она наклеила в альбом первой ту, на которой она с «последним звонком». Когда фотоальбом принял необходимый вид, стала его листать. Но остановилась вновь на первой странице. Уж больно глаза восьмиклассника, на плече которого она сидела, оказались знакомыми. Долго в них всматривалась, подмигивая периодически, ответа не последовало. «Неужели преподаватель Павел Кузнецов и Паша-восьмиклассник одно и то же лицо? Не может быть!» – этот вопрос вынудил её покинуть родительский дом раньше времени. Зыкова вернулась в университет. Разыскала декана.

– Простите меня, Вячеслав Васильевич, – слёзно попросила студентка, – но освободите меня от положения помощника Кузнецова.

– А в чём дело?

Вместо ответа она положила на стол известное фото.

– Ну и что из этого? Это же школьная пора, а сейчас у вас она студенческая. Вы что, влюбились в него тогда?

– Не тогда, а сейчас.

– Ах, вот в чём дело, понимаю, понимаю. А разве это плохо? Поженитесь.

– Шутите, я видела его невесту. Это настоящая тигрица.

Результатом беседы явилось то, что декан освободил студентку Зыкову от оказания помощи в написании кандидатской диссертации преподавателю Кузнецову. Во избежание проблем она в тот же день вернулась к родителям. На следующий день декан уже вёл непринуждённый разговор со своим преподавателем. Только теперь тот понял, кто сидел с ним недавно на кафедре рядом.

Он не знал о том, что об этой истории декан успел уже рассказать «невесте» преподавателя. Та, увидев «жениха» в библиотеке с молоденькой студенткой, приревновала его и пошла разбираться в деканат. Она работала там методистом. Поэтому так легко декан и освободил Киру.

Кузнецов жил в городе на квартире у одной бабушки, внучка которой до того в гости к ней приходила редко. С появлением у неё симпатичного квартиранта стала появляться чаще. К внучке тот тоже был не совсем равнодушен. И не знал, на ком из двух девушек остановить свой выбор. А тут появилась третья кандидатура.

С первой из них Павел расстался быстро. Возвратившись домой, он нашёл в своей комнате «тигрицу». Через несколько минут та оправдала своё прозвище. Достав из фотоальбома Кузнецова фотографию со школьного «Последнего звонка», она демонстративно её разорвала на мелкие кусочки и выбросила в открытую

форточку. Следом из комнаты вылетела, правда, не в форточку, а в дверь, она сама, чтобы больше здесь не появиться.

Вторая, внучка хозяйки квартиры Тоня, отпала сама собой. Из армии вернулся её одноклассник, и посещения бабушки прекратились.

Оставалась третья. Но Павел не знал, как к ней «подъехать» на этот раз. Да и тот раз «подъехала» к нему первой первоклассница Кира, а не он сам. Вспомнив невольно её слова: «Молодой человек, будьте так добры, понесите меня сегодня на "Последнем звонке"», – он заулыбался. «А что, если перефразировать её слова?» – подумалось ему. Ещё большая улыбка появилась на лице. Впереди светило два выходных дня. Преподаватель поехал в своё родное село.

Утром в субботу, проснувшись, Кира в окно увидела подъехавшее такси. Сначала подумала, что к соседям напротив. Но когда увидела знакомого преподавателя, с букетом в руке направлявшегося в их двор, то всё поняла.

В доме она находилась одна, родители трудились в колхозе. Выходить на крыльцо принципиально не стала. Включив телевизор, осталась сидеть в зале. Сначала послышался стук во входную дверь, затем очередь дошла до залы.

– Девушка, будьте так любезны, помогите мне написать диссертацию об истории нашего села, – услышала она знакомый голос за спиной.

На мгновение представила, с какой нежностью Паша нёс её тогда на плечах на виду всей школы. Прошло столько лет, но это не забыто, а сохранилось в её добром сердце. Не отдавая себе отчёта в своих действиях, девушка, поднявшись со стула, бросилась в объятия преподавателя. Долгий поцелуй поставил всё на свои места.

Прошло пять лет. Кира окончила с красным дипломом университет, вышла замуж за Павла Кузнецова, который к тому времени являлся уже кандидатом исторических наук, потихоньку



подбирался и к докторской диссертации. В написании которой ему также стала помогать законная жена. Писали они её в стенах родной школы, директором которой назначили бывшего её выпускника Павла Кузнецова. Да и школа стала средней. А в кабинете директора на стене вместо картины «Ленин на субботнике» появилась увеличенная фотография с названием «Последний звонок». Никто много лет назад не предполагал, за исключением предыдущего директора школы, чем явится для Киры и Паши школьный последний звонок. Судьба распорядилась именно так.

Кувалда

Рассказ

В механический цех завода приняли нового токаря Хныкина Васю, отметившего накануне свой двадцатилетний юбилей. Откуда он взялся, никто в бригаде не знал. Слышали только где-то одним ухом, что на завод его направил райисполком местного Совета и что отказывать в приёме нельзя. Кадры свои, возможно, знали, но молчали. Им-то какое дело? Надо человека принять, они и приняли. А что за человек, выяснять не стали. Однако с первого дня он вызвал подозрение.

У распределителя работ Екатерины муж работал в милиции, её-то и попросила бригада выяснить личность новенького. Через три дня та доложила о выполнении особо важного задания: на учёте в органах внутренних дел Хныкин не состоял и не состоит, судимостей нет.

Следом аналогичное задание бригада дала Константину, чья жена работала в местном военкомате. Выяснил – доложил: Вася в армии не служил по болезни. Диагноз разглашать не положено.

Все эти тайные проверки осуществлялись, как говорится, не от хорошей жизни: с каждым днём Хныкин вёл себя всё бо-

лее странно: включает токарный станок на полную «космическую» скорость, так что работающие рядом токари быстренько выключают свои станки и бегут чуть ли не в бомбоубежище. Когда в конце смены надо делать уборку своего рабочего места, Вася сначала с метлой побегает вокруг станка, потом начинает стружку этой самой метлой мести направо и налево, вынуждая токарей-соседей спасаться бегством.

Мастер такое странное поведение терпел до тех пор, пока Хныкин не загнал в брак одну важную деталь. Пришлось проводить с токарем профилактическую работу, разумеется, на повышенных тонах. Что в данном случае было абсолютно противопоказано. Вася минут пять слушал монолог мастера, затем, недолго думая, хватает находящуюся под рукой кувалду и замахивается на мастера. Тот думал сначала: это шутка, – но когда кувалда пролетела мимо его ушей (так как успел увернуться), понял: подчинённый не шутит. Сразу же перешёл на язык, не требующий перевода на русский. Это ещё больше разозлило Васю. Он поднял с пола кувалду и пытался снова бросить её в обидчика, но тот уже находился в беге на длинную дистанцию. Токарь с кувалдой в руках побежал за ним. Зрелище было жуткое. Крик мастера был такой, что дрожали стёкла в заводских окнах.

Неизвестно, чем бы закончилась эта странная погоня по заводской территории, если бы два станочника из соседнего цеха, ранее служивших в воздушно-десантных войсках, не стали на пути преследователя. Им удалось Васю обезоружить и связать. Только после этого выяснилось, что хулиган с детства не совсем дружит с головой, что медицинская справка выдана знакомыми врачами, что в райисполкоме работает его мать. Вот поэтому он и попал на завод. После этого случая его уволили. В тот же вечер мастер повёл бывших десантников в ресторан отмечать свой «второй день рождения».



Дырокол

Рассказ

Инженер отдела материально-технического снабжения Лев Иванович Пройдаков был очень дотошным работником: подшивал к себе в скоросшиватель все бумаги, проходящие через его, как он считал, «золотые» руки. Компьютеры тогда на рабочем месте отсутствовали. Доверяли только бумаге. Как сказал один герой известного фильма: «Без бумажки ты букашка, а с бумажкой – человек». Но чтобы подшить бумагу, надо прежде сделать две маленькие дырочки в ней. Не ручкой же их прокалывать. Для этого в канцтоварах предназначен дырокол. Но вот беда: как ни выдадут ему раз в месяц новый дырокол, хватает максимум недели на две. Он решил купить себе дырокол для работы.

Побежал по магазинам и нашёл самый дорогой, но зато самый надёжный, хотя и тяжёлый дырокол. Тут нагрязнул к нему очередной отпуск, и Лев Иванович уехал на юг отдыхать. Вернувшись, не обнаружил в своём рабочем столе любимого своего дырокола. Как ни искал, найти не мог. Куда он пропал, знал только... сам дырокол. После работы его хозяин поехал в магазин покупать новый.

Принёс его на работу, не расставался с ним весь день. Как и по пути до проходной, где был задержан охраной, которая без лишних вопросов предмет у Льва Ивановича забрала и составила акт о хищении.

На следующее утро Пройдаков принёс на работу купленный новый дырокол с именованным товарным чеком. Но после работы вновь его задержала суровая охрана, состоящая в основном из бывших милиционеров. Дырокол отобрали, на его владельца составили акт о нарушении правил прохода через проходную. Ну не хотел никак инженер утром регистрировать на проходной свой дырокол.

Неизвестно, сколько бы эта «детективная» история длилась, если бы инженер-снабженец Пройдаков, отметивший свой

семидесятилетний юбилей, на следующий день не умер от сердечной недостаточности. А если бы находился на заслуженном отдыхе, выращивал на даче огурчики и помидорчики, то, без сомнения, отметил бы и следующий, восьмидесятилетний, юбилей.

Родной брат моей бабушки

Мемуары

У моего прадедушки Саввы и прабабушки Марины было пятеро детей: четыре дочки и один сын. Назвали родители его Иваном. В семье он считался третьим ребёнком, после моей любимой бабушки Дуни. О последней мной написано много, сейчас речь пойдёт о её брате Ване.

Родился он, как и все дети Тарасенко, в селе Туркеновка Гуляйпольского района Запорожской области Украинской ССР. Когда вырос, женился и обосновался на хуторе жены Марии – Вишнёвый. У них родились две прекрасные дочки, Галя и Катя. Казалось, живи и радуйся семейной жизни. Но на то она и жизнь, чтобы делать иногда зигзаги.

В середине 1930-х годов в Новозлатопольской (село находилось в семи километрах от Туркеновки) сельской больнице умирает от болезни Мария. Иван остаётся с двумя маленькими детьми. На выручку ему приходят родители. Оставив Донецк, они переезжают в Новозлатополь, забрав на воспитание одну из дочерей – Галю. Катя воспитывалась у близких родственников.

Вскоре Иван знакомится и женится на местной девушке Лиде. От брака родится сын Юлий. Сейчас я каюсь, что в детстве не расспросил у бабушки Дуни, а также у проживающей с нами её мамы, моей прабабушки, Марины, почему мальчик получил такое необычное имя. Видимо, кто-то из родителей хорошо знал историю Древнего мира. Поэтому и назвали сына в честь Юлия Цезаря.

Кто знает, может, в семье со временем появилась бы и дочь Юлия, если бы не война. Иван Саввич ушёл на фронт, как и все военнообязанные. Вернуться обратно в родные места после Победы ему было не суждено.

Боль утраты немного снижает тот факт, что Иван Саввич Тарасенко погиб (по другим источникам, умер в госпитале) 6 февраля 1942 года, а не пропал без вести, как отец двоюродной сестры моей мамы Валентины – Михаил. Поехать и поклониться могиле отца она не может. Ехать некуда. В отличие от дочери Ивана – Галины (по мужу Лелюк). Девятнадцатого мая 2018 года моей любимой тёти Гали не стало (годы берут своё), но в бытность СССР она с мужем ездила в Россию, в Калининскую (ныне – Тверская) область, город Бологое. Там на кладбище, в братской могиле № 1, похоронен её отец – рядовой Иван Тарасенко. Печально, конечно, что свой последний приют солдат получил вдалеке от родной ему Запорожской области Украины. Как не вспомнить замечательные, но весьма грустные строки песни из фильма «На войне как на войне»:

Поля изрытые лежат,
Осиротело смотрят в небо.
Уже который год подряд
Дома хозяин не был.
А где-то ждёт его весна,
Птичьи разговоры.
Да увела его война
За леса, за горы.

Благодаря подвигу таких советских солдат, как Иван Саввич Тарасенко, живём нынче мы в свободной стране, говорим на родном языке. Что было бы в противном случае, страшно думать. Поэтому мы и склоняем ежегодно в День Победы головы перед светлой памятью павших солдат и офицеров Советской Армии, разгромивших фашизм в жестоких боях.

В наше время никто не обращает особого внимания, кто куда из сограждан перебрался на постоянное место жительства. Но было время, когда этих самых соотечественников соответствующие органы трясали как грушу за то, что их родственник оказался по разным причинам после войны за границей Отечества и не возвратился на свою Родину.

Когда я сегодня вспоминаю рассказ покойной бабушки Евдокии на эту тему, у меня появляются слёзы на глазах: так мне было жаль её за перенесённые, по сути, издевательства над ней.

Точно год я не запомнил, но случилось это ещё при жизни Сталина. Бабушка со своей мамой и моей мамой проживали там же, где родились. Только Туркеновка стала уже Новосёловкой. Малиновкой она станет позже. С утра бабушку вызвали срочно в Сельсовет. Он имел такое же значение, как Верховный Совет в стране. На месте её уже ждал сотрудник госбезопасности.

Бабушка хорошо помнила 1937 год, хотя в её семье тогда никто от сталинских репрессий не пострадал. Поэтому подумала, что «всё возвращается на круги своя».

Оказалось, что по американскому русскоязычному радио, вещавшему на Советский Союз, накануне выступил некто Тарасенко Иван. После немецкого плена и освобождения американскими войсками не захотел возвращаться в родную Туркеновку, а уехал жить в США. Своё выступление он посвятил райской жизни в Америке, сравнивая её с довоенной жизнью в СССР. Понятно, что такая антисоветская пропаганда не могла понравиться компетентным советским органам. Поэтому бабушку, как сестру Тарасенко Ивана, и вызвали в Сельсовет. Остальные три сестры проживали в других населённых пунктах Украины.

Спасло её только то, что после проверки было установлено: речь шла о бывшем жителе Туркеновки Тарасенко Иване Васильевиче, а не Саввиче. Сыграло печальную роль и то, что Иван Саввич похоронен был в России на братском кладбище в самом начале войны (февраль сорок второго года), а Украина в это время находилась под немецкой оккупацией. Похоронка, если

и существовала, просто не могла прийти до адресата, его вдовы Лидии. О судьбе Ивана Саввича последняя, как и его сестры, узнали позже. После смерти Сталина.

Прошли годы, десятилетия, давно нет в живых моей бабушки Дуни, но я до сих пор помню, как тепло и сердечно она отзывалась о своём единственном брате, которого у неё навсегда забрала война. Но он будет жить в наших сердцах, пока о нём помнят. В первую очередь это относится к моему троюродному брату и родному внуку Тарасенко Ивана – Валере Лелюку, родившемуся и до сих пор проживающему в городе Запорожье. Не сомневаюсь, что часто смотрит на фото прадедушки Денис Лелюк, как и на фото прапрадедушки смотрит Маргарита Лелюк. Связь поколений восстановлена.

Храню память о своём троюродном дедушке Тарасенко Иване Саввиче и я, проживая вот уже почти полвека в России. Как и моя 85-летняя мама Лена, его родная племянница. Так получилось, что мы с ней живём на российской земле, в котором «спит вечным сном» наш дорогой родственник – Защитник Отечества.

Дядя Юлий

Рассказ

Как было сказано выше, похоронив в предвоенные грозные годы свою первую жену, Иван Саввич Тарасенко женился во второй раз на Лидии Дробот. У них двадцать восьмого сентября 1936 года родился сын Юлий. Войну, таким образом, он встретил в пятилетнем возрасте, как и моя мама.

Как и у многих детей войны, у Юлия появился после войны отчим, что значительно облегчило его дальнейшую жизнь. Однако мальчик не забывал и своего погибшего отца. Память о нём хранил всю жизнь.

В школе учился хорошо, что дало ему возможность после службы в армии поступить и успешно окончить Мелитопольский

институт сельскохозяйственного машиностроения, получить диплом инженера. Армейская служба проходила в прекрасном приморском городе Одессе. Город, видимо, ему настолько понравился, что он избрал его постоянным местом жительства, работая до пенсии инженером на одном из одесских заводов.

Женился (кажется, до Одессы), в семье родились дети. Вот только я жалею, что не поинтересовался у него в своё время, кто из родителей любил сказки Пушкина. Сына они назвали Русланом, дочь – Людмилой. Что это чистое совпадение, сомневаюсь.

В сентябре 1989 года я находился по туристической двухнедельной путёвке на отдыхе в Одессе. Не посетить дядю не мог. Он несколько раз приезжал к нам в село Малиновку, когда я ещё ходил пешком под стол. Поэтому мне захотелось его увидеть уже взрослым. Увидел.

Как не хотелось мне покидать очень тёплый по сентябрьским меркам черноморский песочек, где рядом волны так и манили в свои объятия, но желание проведать дядю взяло верх. В воскресенье, после завтрака в ресторане, я вместо пляжа отправился к трамвайной остановке. Как известно, это мой любимый вид общественного транспорта.

Дядя жил на противоположной стороне города, и мне пришлось ехать долго, заодно любуясь «жемчужиной у моря», как поётся в одной из песен об Одессе. К тому времени я уже успел оставить свои следы на Дерibasовской улице – местном «Арбате», как и на Потёмкинской лестнице. Аж не верится, что по городу в разное время пронесли войны.

Если в центре города жилые дома ещё как-то отличались один от другого, то на окраине, куда я прибыл, они выглядели близнецами. Блочные дома, пришедшие на смену хрущёвским кирпичным пятиэтажкам, тогда вырастали во всех городах, как грибы после дождя. Вот и я, находясь в другом городе, заходил в «знакомый» дом, хотя в нём ранее не бывал. Зашёл в «знакомый» лифт. Поднявшись на нужный этаж, позвонил в дверь.

Выбирая для посещения воскресный день, я исходил из того, что, в отличие от обычного рабочего дня, с утра в воскресенье дядя будет дома. И не ошибся.

Открыл мне дверь сам Юлий Иванович, которого я узнал с первого взгляда. А вот ему пришлось «потрудиться», услышав, что я из Тольятти. Он знал, что в этом волжском городе у него проживали две двоюродные сестры, вырастившие по два сына. Но кто из четверых сейчас стоял перед ним – вопрос. Только услышав имя моей мамы, дядя понял, кто его навестил.

Мы зашли в квартиру, где он представил меня своей жене и дочери Людмиле. К сожалению, сына Руслана в городе не оказалось. И вот тут я лишний раз убедился, что он не забыл того гостеприимства, с которым принимали его моя мама, бабушка и прабабушка у себя. Увидев голые стены и старые обои на полу, я предложил свою помощь в проведении ремонта в квартире. Но не тут-то было: в один миг все ремонтные работы остановились, а мы оказались за непонятно откуда взявшимся праздничным по случаю моего приезда столом. Сидели до вечера, вспомнили всё, что сохранила наша память.

Уезжая, я приглашал дядю к себе в гости на Волгу, а также обещал по возможности навестить его ещё раз. На следующий год, в июле, я отдыхал две недели в Тирасполе. Во второе воскресенье нас повезли на экскурсию в Одессу. Я этим обстоятельством решил воспользоваться (Одессу-то я уже видел) и съездить к дяде в гости на денёк. Увы! На этот раз мне не повезло: на звонок в дверь мне никто не ответил. Оно и неудивительно: на дворе стоял июль. Находиться при такой жаре в душной квартире, проживая у моря, было бы не очень разумным. Соседей спрашивать не стал, чтобы не расстраивать потом дядю. Он так и не узнал о моём не совсем запланированном визите. Что касается его, то, к сожалению, он к нам на Волгу так и не приехал. Хотя у нас тоже море. Жигулёвское – правда, рукотворное.



К моему огорчению, последние годы жизни дядя Юлий болел. Умер в начале двадцать первого века. Для меня он останется живым и таким же жизнерадостным. Увы, нет в живых и сына Руслана. Однако два его сына (внуки дяди) носят фамилию Тарасенко.

Однокурсник Володя Скрьльников

Мемуары

Года четыре назад встретился я в родном городе Тольятти с бывшим нашим старостой группы на юридическом факультете Куйбышевского государственного университета Фроловым. После 1985 года встретились впервые. Разговорились. Стали вспоминать наших преподавателей, однокурсников.

– Ты слышал, Петя? – спросил меня староста. – Нет уж твоего соседа по гостиничным номерам в Куйбышеве, похоронили его.

Мне стало как-то не по себе, ибо речь шла о нашем общем однокурснике Володе Скрьльникове, на два года всего старше меня. Не верить этой печальной информации я не мог. Из всей группы на первом курсе из Тольятти у нас было только два работника милиции: Скрьльников и Фролов. Они, конечно же, встречались по работе и по окончании обучения в университете.

– Когда это случилось? – переспросил я.

– Не помню, Петя, знаю только, что 50-летний юбилей он отметить успел.

В то время я уже был зарегистрирован на литературном портале «Проза.ру» и писал как рассказы, так и мемуары. Несколько раз начинал писать и о Скрьльникове, но ведь необходима была более точная информация, без которой закончить воспоминание об однокурснике я не мог.

За время совместного обучения в университете (это целых шесть лет) я бывал несколько раз у однокурсника дома, видел его маленькую дочку Женю и любимую жену Надю. Их страницы

в «Одноклассниках» я нашёл быстро. Фамилия Скрыльников в городе не распространена. Но всё не решался потревожить их память о дорогом Человеке. Поняв, что по-другому не получится, вышел на страницу теперь уже Евгении Соловьёвой. Ей моя благодарность, что она в скобках указала свою девичью фамилию.

Женя подтвердила смерть папы, уточнив дату: 16 августа 2006 года. Теперь мне ничего не мешало написать воспоминание о нашей совместной с Володей Скрыльниковым учёбе на юриста.

Первого сентября 1979 года более двухсот абитуриентов Куйбышевского госуниверситета сидели в здании университета на ул. Академика Павлова (зданий два, ещё есть и на улице Потапова) и писали вступительное сочинение по русскому языку и литературе. На второй экзамен (устный по истории СССР) народу пришло поменьше, на третий (устный экзамен по русскому языку и литературе) и четвёртый (по иностранному языку) – ещё меньше. А в приказе от 13 (?) сентября о зачислении на юрфак вообще оказалось всего пятьдесят бывших абитуриентов. Друг друга мы, понятно, не знали. За редким исключением. Я, по крайней мере, познакомился со Скрыльниковым только на первой зимней сессии, оказавшись за «одной партой», хотя в сентябре у нас и состоялась кратковременная установочная сессия.

На перемене стали выяснять, кто где остановился в областном центре на время сессии.

– Богато живёшь, Петя, – ответил, улыбаясь, Володя, услышав, что я остановился в гостинице «Волга».

– А куда ещё податься бедному студенту, – отвечал я, – мест в других, более дешёвых, гостиницах нет.

– Можно обойтись и без официальных гостиниц.

– Как это? Не понял.

– Этот вопрос может решить вот он, – при этом он показал на подошедшего к нам одноклассника.

Оказалось, что последний каким-то образом (возможно,

по работе) договорился с комендантом одного из заводских общежитий и поселился там с однокурсником. На летнюю сессию они вдвоём пригласили меня к ним пожить.

Сказано – сделано. Летнюю сессию мы жили втроём в общежитии, расположенном не так уж и далеко, в отличие от гостиницы «Волга», от университета. Однако на этой, второй в нашей жизни, сессии случилось ЧП.

При поступлении в университет наш однокурсник Лёша, кажется, чуть ли не единственный написал сочинение на 5. Зимнюю сессию сдал тоже отлично. Поэтому мы с Володей сильно удивились, когда наш друг завалил первый же экзамен. Если не ошибаюсь, политэкономии. А когда он не сдал и второй экзамен, поняли: что-то тут нечисто. В итоге на зимнюю сессию на втором курсе мы со Скрыльниковым поехали вдвоём, заняв в «гостинице» при общежитии двухместный номер.

Жили дружно, однокурсник оказался прекрасным Человеком с большой буквы. Такой в трудную минуту обязательно придёт на помощь, и с таким, как говорят, можно идти в разведку. В этом я убедился после его рассказа об исключённом летом однокурснике.

Оказалось дело очень серьёзным по тем советским временам. Лёша в буквальном смысле слова поплатился за ребячью шалость. Как-то в один из праздничных дней – кажется, ноябрьских – они с ребятами повесили на видном месте какой-то то ли антисоветский, то ли антипартийный лозунг. Их вычислили и... испортили им дальнейшую карьеру, правда, не сразу. Однокурсника нашего, например, просто отчислили по политическим мотивам из университета спустя время. Разумеется, негласно. А гласно – за неуспеваемость.

Володю, естественно (они жили с «хулиганом» в одном Центральном районе города), после этого пригласили «куда следует». По идее, должны и меня были пригласить, но он так сумел им объяснить ситуацию, что моё объяснение не понадобилось. От него отстали. Как и от меня. А мог бы отвязаться от них

только сам. Но не стал этого делать, проявив одно из прекрасных человеческих качеств: товарищество и порядочность. В чём я убеждался не раз на протяжении долгих студенческих лет и зим. Порядочность была на первом месте.

Летом после первого курса с целью уточнения тем контрольных работ на зимнюю сессию я посетил Скрыльникова по месту его работы. Им оказалась дежурная часть Управления внутренних дел города. Звонили телефоны, работал телеграф. На некоторые звонки он отвечал чётко: «Простите, вы обратились не по адресу», «Простите, я женат». Меня это заинтересовало, я не мог не спросить:

– Володя, насколько я понял, это тебя достают жрицы любви?

– Да, и не только меня. Эти любвеобильные женщины, видимо, путают дежурную часть милиции с притоном.

– А почему ты их не пошлешь куда подальше? На понятном для них языке?

– Нельзя, Петя, один у нас послал, так его чуть не уволили за оскорбление «честной и порядочной» женщины. В любой ситуации надо нервы держать при себе. Хотя, честно скажу, звонки этих потаскушек мне неприятны. У меня любимая жена, лапочка-дочка.

В том, что Володя был отличным семьянином, любящим мужем и отцом, я однажды окончательно убедился во время одной из сессий. В начале каждой из них преподаватели собирали весь курс в актовом зале и два-три дня читали нам установочные лекции. Явка считалась строго обязательной.

Первый день прошёл. Однокурсник по пути в гостиницу заехал на почтамт и позвонил, как обычно, домой. Я тоже часто звонил. Как-никак от дома отрывались на три недели.

– Петя, ты меня завтра должен на первой лекции выручить, запиши меня как присутствующего, – услышал я просьбу товарища.

– Да никаких проблем, конечно, запишу.

– Спасибо, а я сейчас поеду домой, надо решить один вопрос. Постараюсь завтра утром приехать, но на первую лекцию не успею.

– Не волнуйся, поезжай, – отвечал я, не предполагая, чем закончится моя «доброта». К счастью, и в данной ситуации Володя проявил свои лучшие качества.

Наступило утро следующего дня. Актальный зал был полон. Как всегда на лекциях, по аудитории стала гулять бумага, на которую студенты заносили свои фамилии собственноручно. Я записал себя и, как обещал, фамилию друга-однокурсника. Обычно преподаватели брали заполненный листок бумаги, не читая, но потом на экзамене раскрывали его. Отсутствие студента в списке отражалось, понятное дело, на его оценке в зачётной книжке. На этот раз случилось непредвиденное. Преподавательница по окончании лекции, взяв в руки заветный листок, устроила перекличку присутствующих студентов-заочников.

«Ну всё, приехали мы с Володей», – пронеслось у меня в голове. И я не ошибся.

После моей фамилии из уст преподавателя прозвучала фамилия «Скрыльников». Наступила тишина, которая через несколько секунд была нарушена командирским голосом: «А добрый человек Панасейко его записал». Все повернулись в мою сторону. Я же никому ничего не ответил, руководствуясь поговоркой «Будь что будет».

На второй лекции прогульщик сидел со мной рядом. Я ему рассказал шёпотом о случившемся ЧП.

– Ничего страшного, не сдам с первого раза экзамен – сдам со второго, – услышал я в ответ. – Мне просто необходимо было съездить домой к семье.

Хотя мы с ним и разговаривали шёпотом, но соседи слева и справа услышали.

– Хочу вас огорчить, ребята, – вмешался в разговор сосед слева, – эта преподавательница отличается от других.

– Внешностью, что ли? – пошутил я.

– Смех смехом, – отвечал мне студент, – но пересдавать экзамен придётся именно тебе, а не моему другу. Она считает, в отличие от других, личным оскорблением не то, что кто-то отсутствует на её лекции, она считает оскорблением обман. Возможно, она и права.

– Конечно, права, но кто же мог подумать, что она устроит переключку?

На третью лекцию Володя опоздал немного, извинившись перед новым преподавателем. В отличие от меня на перерыве он покидал актовъ зал, видимо, выходил на улицу дышать свежим воздухом. Я не придавал его опозданию никакого значения. Ибо узнал о причине его опоздания уже после экзамена, который принимала преподаватель, перед которой мы провинились.

Ни одного экзамена я так не боялся, как этого, ибо не хотелось после оценок в зачётной книжке «отлично» и «хорошо» получить «неуд». Да и то со второго раза. Коленки дрожали. Каково же было моё удивление, что во время экзамена мне преподаватель не задала дополнительных вопросов. Но это ещё не всё. Выйдя в коридор и открыв зачётку, я увидел в ней оценку «отлично». Не поверив своим глазам, я показал зачётку однокурснику. «А я в этом и не сомневался», – улыбаясь, произнёс Володя.

Всё оказалось просто: тот раз на перемене он сходил к преподавателю и извинился за нас двоих, взяв вину полностью на себя. Более того, он просил не наказывать меня, а только его, объяснив причину отсутствия на её лекции. И суровое сердце женщины дрогнуло: мы оба сдали у неё экзамен с первого раза без проблем. Чувство товарищества у однокурсника взяло верх над опасностью не сдать с первого раза экзамен.

Кстати, об экзаменах. На первом, чисто университетском, курсе мы не знали, что такое шпаргалки. Ими ни я, ни Скрыльников за все шесть лет обучения не пользовались. Но услышали о них на втором курсе. Когда к нам присоединились сотни две, если не больше, бывших студентов ВЮЗИ (Всесоюзный юридический заочный институт с одним из филиалов в Куйбышеве).

Сам филиал передали в соседний Ульяновск, а студентов – к нам в университет. Многие из них никогда бы не поступили в университет, а так им повезло. Хотя при получении дипломов мы с Володи́ей слышали, как они обижались, что у нас было записано: поступил и окончил госуниверситет, – а у них записано, что поступил во ВЮЗИ, а окончил госуниверситет. Для работодателей это имело принципиальное значение.

На сессию со мной Скрыльников всегда ездил в гражданской одежде, хотя милицеевская форма на нём смотрелась классно. «Не хочу ею злоупотреблять», – объяснял он. Однажды ему надо было по работе съездить в областной центр. Позвонил мне, предложив заехать тоже в университет по пути. «Поедем на попутках», – уточнил он, и я понял, что без формы на этот раз не обойтись. Я согласился, так как собирался на днях отвезти контрольные работы методисту.

В свою папку он положил жезл, которым пользуются гаишники, но, к моему удивлению, им он так и не воспользовался. За городом, увидев нас двоих на обочине, первым остановился КамАЗ:

– Если, ребята, вы едете в Куйбышев, садитесь в кабину, нам по пути.

Этот факт говорит о том, что в советские времена отношение к милиции у народа было немного другое, чем в наши капиталистические времена. Больше я своего однокурсника в милицеевской форме во время обучения в госуниверситете не видел. Скромность – она и есть скромность. Только, к сожалению, не у всех она встречается.

Мне, не пьющему спиртное, особенно запомнилось то, что Володя меня поддерживал и тоже не участвовал по окончании каждой сессии в её «отмечании», а по-простому – в коллективных пьянках. Он, как и я, в тот вечер просто отдыхал, а точнее, отсыпался в номере гостиницы. Или же смотрел телевизор.

В начале 1980-х годов белорусские кинематографисты снимали по две серии телесериала «Государственная граница»,

ежегодно приурочивая их показ по телевидению к Дню пограничника. Премьера первых двух серий состоялась как раз 28 мая 1980 года. Мы, первокурсники, старались не пропустить ни одну серию, сидя у телевизора с учебником в руках. Когда события в фильме происходили на территории Китая, Скрыльников произнёс: «Почти знакомые места». Я поинтересовался, что он имел в виду. Оказалось, служил двухгодичную срочную службу на территории Монголии, чья природа во многом напоминает китайскую.

По вечерам, в минуты отдыха, он мне много рассказывал о службе за границей. От него я впервые услышал о тугриках – монгольских деньгах, которых я никогда не держал в руках, о достопримечательностях этой азиатской страны. Мне всё было интересно. Когда я спросил, правду ли говорят, что монголы в своё время шагнули из феодального строя в социалистический, Володя ответил: «Да, а кое-где... и из первобытнообщинного». Но это была его шутка, понятно, к началу 1970-х годов (время его службы в армии) Монголия уже считалась процветающей страной, с современными городами и сельскими поселениями.

Однокурсник мой был прирождённым рассказчиком интересных историй. Я, работая на ВАЗе, удивился одному его рассказу. Какой-то сотрудник КГБ «сверху» приехал в Тольятти на Волжский автозавод получить для его организации легковые автомобили. И получил бы точно, если бы не один старенький бухгалтер, в школе хорошо изучивший правила русского языка. Короче, в его удостоверении было написано «маёр» госбезопасности вместо «майор». Никто до бухгалтера значение этому не придавал, а он придавал. Меня эта история очень заинтересовала, и спустя три десятилетия, вспомнив её, я написал рассказ «Подвела буква "Ё"». Володя же мне подсказал фактически тему для моего рассказа «КУ-КУ». Интересных рассказов от него я слышал много, но, к сожалению, многие позабыты за давностью лет. А переспросить у него уже не получится. Увы!

Скрыльников любил очень свою маму, участника войны. Служила она зенитчицей. Гордился ею. В настоящее время ей 95 лет. Но врагу не пожелаешь то, что пережила она уже в мирное время, в начале нулевых годов XXI века. Хоронить сыновей, как говорил поэт, – «нет повести печальнее на свете». Я ей соболезную не только потому, что она мама моего университетского однокурсника, но и потому, что моя мама (ей сейчас 85 лет) тоже похоронила пять с половиной лет назад своего младшего сына, моего брата Федю, в возрасте 57 лет. И до сих пор отойти не может.

С Володей мы успешно поступили в 1979 году и не менее успешно окончили в 1985 году юридический факультет Куйбышевского государственного университета. Нет больше города Куйбышева, есть город Самара. Но я сегодня, написав слова «Куйбышевского госуниверситета», не могу в скобках добавить (как обычно делают) «ныне Самарского», ибо нет нашего любимого университета. Его соединили с аэрокосмическим университетом. Тогда, в 80-е годы прошлого века, нам и в голову не могло прийти, что наступит время – и единственный в области государственный университет соединят с преемником тогдашнего Авиационного института.

Что касается лично меня, то мне, получается, дважды не повезло. В 1974 году я окончил среднюю школу № 35 города Тольятти, но на её месте сегодня Гимназия 35. В 1985 году я окончил Куйбышевский государственный университет, а на его месте сегодня Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва. То есть мне некуда прийти и вспомнить свои годы как в школе, так и в университете. Владимир Германович Скрыльников, мой дорогой однокурсник, не дождал до этого неприятного для нас с ним дня. Но, уверен, его тоже взяла бы обида за наш университет, который для нас был, есть и будет самым наилучшим в мире.



Несостоявшееся интервью

Мемуары

1. Считаете ли Вы себя писателем и с какого времени?

Есть два вида писателей: профессионалы и любители. Я отношу себя к последним. Писать начал со школьной скамьи. Начи-
нал со школьных сочинений, дневников.

2. Где Вы родились, кто Ваши предки?

Я родился на Украине 15 октября 1956 года. Место рождения: село Новосёловка (ныне это Малиновка) Гуляйпольского (сегод-
ня – Пологовский) района Запорожской области. Мои предки
были вначале запорожскими казаками, потом стали крестьянами.
Крепостными никогда не были. Наше село (тогда это Туркеновка)
в 1800 году основали казаки из-под Полтавы во главе с казаком
Турко. Откуда и название села. Селом не владели ни помещики,
ни монастыри, крестьяне относились к государственным, то есть
лично свободным. Это ответ тем доброжелателям, кто считает,
что после Петра Первого в России все крестьяне считались кре-
постными.

А что касается моих родителей, вступивших однажды в мест-
ный колхоз и до мая 1969 года в нём работавших, то тут насчёт
личной свободы говорить я затрудняюсь. Во-первых, они не име-
ли паспортов, во-вторых, уволиться из колхоза по собственному
желанию, отработав, как на предприятии, определённый срок,
не могли. На это должно было дать добро общее собрание кол-
хозников.

Покойный мой отец до самой смерти вспоминал то общее со-
брание мая шестьдесят девятого года.

Зачитали в президиуме их с самой заявлении о выходе
из колхоза в связи с предстоящим выездом из села в город.
На вопрос «Кто за?» в помещении сельского клуба, где прохо-

дило собрание колхозников, не поднялась ни одна рука. Отец был в шоке, ему стало плохо. К счастью, выручил председатель колхоза Валентин Фёдорович Рекотов. Низкий ему поклон и Царствие Небесное. Он предложил переголосовать, первым подняв руку «за». Ни одной неподнятой руки на этот раз не оказалось.

Просто моя мама-дойрка считалась в колхозе одной из лучших, награждена медалью «За трудовую доблесть», избиралась в своё время депутатом Малиновского сельского Совета. А на месте председателя колхоза оказался в то время глубоко порядочный человек, для которого честь и совесть не пустой звук. А если бы на его месте находился другой? Даже страшно об этом думать.

3. А так Вы, выехав в город, смогли получить хорошее образование?

Одной из причин нашего отъезда являлось желание мамы дать своим детям прекрасное образование. Ни мама, ни её мама с бабушкой его не получили. В селе я успел окончить только седьмой класс. Надеялся, что мне удастся окончить и восьмой. Однако не получилось. Его я закончил уже в России, в городе Тольятти, куда мы переехали на постоянное место жительства 22 августа 1971 года.

А не получилось доучиться в сельской школе по весьма уважительной причине. То, что отец с апреля семьдесят первого года находился уже на берегах Волги и работал на Волжском автозаводе, роли не играло. Подождал бы нас с мамой один год. Сыграло роль другое: после выхода из колхоза у нас, по сути, забрали огород, оставив какой-то жалкий клочок земли. Пришлось продать корову, отказаться от содержания других животных, которых кормить стало нечем. Да и смотреть на то, как на твоём огороде трудятся чужие люди, – картина не для слабонервных. И мы побыстрее уехали из села. Навсегда.

В Тольятти я успешно окончил не только восьмой, но и девятый с десятым классы. За это я должен благодарить ныне покойную нашу сельскую учительницу русского языка и литературы Плетень Ольгу Ульяновну. Благодаря ей меня не постигла участь моих земляков, которых родители срочно увозили обратно на Украину, так как дети-школьники не смогли преодолеть языковый барьер.

Да, русский и украинский языки схожи, но, чтобы на одном из них хорошо разговаривать, надо добросовестно изучать их одновременно. Что я и делал в родном селе. Пусть это прозвучит непатриотично по отношению к моей бывшей малой родине, но во время проживания там мне нравился больше русский язык, нежели украинский. Мне уже не раз приходилось приводить по этому поводу один пример. Мы с братом часто ходили в клуб смотреть фильмы. Афиши киномеханик развешивал по селу. Не обходил он и наш столб на улице с линией ЛЭП. Прочитав, что сегодня демонстрируется фильм «Их знали только в лицо», мы пошли его смотреть. Но до конца его досмотрел только мой брат Федя, ныне покойный. Я же где-то через полчаса сделал ноги. А виной тому фильм «Их знали тилькы в облыччя», то есть полностью на украинском языке без перевода на русский. Мне он показался каким-то противоестественным, ибо до того все фильмы я смотрел на русском языке.

Полученным аттестатом о среднем образовании в 1974 году я не ограничился и после армии поступил, правда, со второго раза, так как за два года программу школьную подзабыл, в Куйбышевский государственный университет, который успешно окончил в 1985 году, получив диплом юриста.

4. Расскажите о Вашей трудовой деятельности.

В первый класс я пошёл почти с 8 лет, так как родился в середине октября. Окончив среднюю школу в конце июня, я 23 ноября был призван в ряды Советской Армии. Поэтому до призыва

я не только не смог поступить в вуз (не хватило времени на подготовку), но и успел поработать на главном конвейере Волжского автозавода, куда меня, как несовершеннолетнего, направил райисполком, всего два месяца.

После службы я вернулся на завод, правда, в другое производство. Работать на главном конвейере как робот не захотел. Перед армией у меня другого выхода не было. Куда райисполком направил, туда и пошёл, будучи несовершеннолетним.

Сначала работал фрезеровщиком после кратковременного обучения, потом, обучаясь на 5-м курсе университета, перевёлся по требованию вуза инженером-патентоведом, что было ближе к специальности юриста. Но там требовалось кроме юридического образования ещё и техническое, которого у меня, понятно, не имелось. Вскоре по окончании университета я перевёлся на работу в отдел кадров, где работал ведущим кадровиком до ухода на досрочную (за два года) пенсию в 2014 году.

Нет, работа кадровика никак не являлась работой с вредными условиями. Причина была совсем другая: на предприятии начались большие сокращения, завершившиеся спустя два года ликвидацией его. Увольнять начали в первую очередь лиц предпенсионного возраста, которым по Трудовому кодексу предоставлялась возможность оформления досрочной пенсии. Я попал в их число.

Таким образом, я всю свою сознательную жизнь работал на предприятии не по специальности. Но в том нет моей вины. В милицию пойти я не мог по состоянию здоровья. А судьёй не стал потому, что во время обучения в университете на заочном отделении я избирался народным заседателем Автозаводского народного суда г. Тольятти. В итоге посмотрелся на работу судьи и понял, что это не для меня. Я бы с удовольствием работал юрисконсультom на предприятии, но наш юрист уходить никуда не собиралась на тот момент. Юридические же знания мне здорово помогли в работе кадровиком. Трудовой кодекс вообще стал моей настольной книгой. Приходилось поднимать

и перечитывать многие вузовские учебники. Да и «Этика» с «Психологией»годились. Работать с людьми – это не то что стоять смену за фрезерным станком. К каждому работнику требуется свой подход.

5. Что Вам больше всего не нравилось на предприятии?

Семейственность. Только в наших кадрах сидели в своё время, не моргнув глазом, отец, его дочь и зять, мать и дочь, сноха и свояченица вышестоящего руководителя. Не лучше обстояли дела и по другим отделам.

6. Предавали ли Вас коллеги по работе?

Мне кажется, это больной вопрос для каждого человека. Один случай мне запомнился особо.

Одной из моих функциональных обязанностей кадровика была подготовка, переподготовка и повышение квалификации персонала. Обучение проходило в Учебном центре завода. Я подбирал кандидатуры и подавал соответствующие заявки. С обучением руководителей, специалистов и служащих у меня никогда не возникало проблем. Я тут сам себе хозяин. Сложнее дело обстояло с обучением рабочих. Учебный центр посадил в каждое производство своего представителя, чтобы нам, кадровикам, помогать в работе по этому направлению. С ними я дружил. До поры до времени.

Очередная представительница Учебного центра уволилась на пенсию. Как раз во время моего очередного отпуска. Вместо неё прислали другую. Обычно кандидатуры со мной согласовывались. Но в моё отсутствие своё согласие дал мой начальник отдела, не проверив, что это за человек.

Когда я вышел из отпуска и стал с ней работать, то убедился, что до звания «Человек» она недотягивает. Стал обзванивать своих коллег по другим производствам. Они мне только сочув-

ствовали, ибо знали её хорошо с нехорошей стороны. Дошло до того, что она, работая в Учебном центре, за спиной директора обсуждала его работу в неприглядном свете.

Стала грубо вмешиваться в мою работу и бегать к моему начальнику жаловаться. Пошли к последнему с ней разбираться. И что Вы думаете, мой начальник меня предал, пошёл у неё на поводу. Предательство не остаётся безнаказанным. Но, как говорил ещё Михаил Лермонтов, «есть и Божий суд». Вскоре преждевременно ушёл из жизни сначала сам начальник, а затем и представительница Учебного центра. Дремавшая до этого их болезнь вдруг неожиданно проснулась и погубила обоих. Хочется верить, что это просто совпадение, но... «факты – упрямая вещь».

7. Отразился ли этот случай на Вашем литературном творчестве?

Безусловно. У меня есть даже рассказ «Предательство». Правда, там речь о школьном предательстве. Но есть рассказы и с другими названиями, где главным героем является «предательство». Например, «Друзья бывают разные».

8. С работой разобрались. Вернёмся к Вашему литературному творчеству. Где Вы публикуете свои произведения?

Очень интересный вопрос, он волнует всех, кто пишет. Поскольку меня Бог наградил с рождения творческим воображением, пишу и я. Начинал, понятно, со школьных сочинений, потом постепенно перешёл на дневниковые записи, публицистические статьи, мемуары, рассказы и повести.

После того как в декабре 2012 года я купил ноутбук и подключил интернет, публиковать произведения стал на всевозможных сайтах. Однако со временем я во многих из них разочаровался и сегодня публикую, вернее, продолжаю публиковать свои произведения на прекрасном русскоязычном литературном сайте

«Проза.ру». Опубликовано уже 700 произведений. Насобиралось на моей странице уже более ста двадцати тысяч читателей, что меня радует. На «Проза.ру» я с 21 июля 2015 года. И не каждому автору там удаётся за неполных шесть лет собрать такое огромное количество читателей. Меня это радует: значит, пишу не зря, мои произведения читателями востребованы.

Это что касается опубликования моих произведений в электронном виде. Чертовски приятно встречать свои произведения в группах тех же «Одноклассников». Главное – указано моё авторство. Плохо, когда используют плагиат, от которого никто не застрахован. А установить его не так легко, достаточно поменять название рассказа и имена действующих лиц. Кто этим занимается, Бог им судья!

Однако, как известно, куда приятнее читать произведения в бумажном варианте, когда страницы книги ещё пахнут типографской краской. Я долго искал соответствующее книжное издательство. Они меня не устраивали по стоимости услуг. Нужно было всё оплачивать: и обложку, и редактуру, и вёрстку, и так далее. В итоге я понял, что издать писателю-пенсионеру, каким я являюсь, хотя бы одну авторскую книгу не представляется возможным.

Когда отчаялся, на меня случайно вышел один из авторов портала «Проза.ру» Зиновьев. Василий Владимирович в то время (январь 2019 года) готовил как автор-составитель очередной коллективный сборник издательства «Серебро Слов», города Коломна, несмотря на то, что он сам проживает в прекрасном городе Великие Луки. Объяснив условия участия авторов в предстоящем сборнике, Зиновьев предложил и мне поучаствовать. Поскольку сборник касался произведений о творчестве, впоследствии названный «Мелодия жизни», я согласился сразу же.

Когда же получил сборник сначала в электронном виде, потом и в бумажном, то понял, что издательство «Серебро Слов» – это то что надо. С минимальными финансовыми затратами можно опубликовать любое своё произведение, что я и делаю

третий год подряд. За это время мои произведения (166) были опубликованы в вышедших одиннадцати коллективных сборниках. За что моя благодарность в первую очередь Генеральному директору издательства «Серебро Слов» Денису Викторовичу Минаеву. И, конечно же, Василию Владимировичу Зиновьеву. Хотя я участвовал всего в четырёх его сборниках. Просто с ним легко сотрудничать. И он выбирает темы сборников, от которых я не могу отказаться.

9. Где Вы берёте сюжеты для своих рассказов?

Не скрою, когда я начинал писать первые рассказы, я брал сюжеты из своей жизни, из жизни знакомых и друзей. Но очень скоро я от этого отказался, начав писать рассказы, которые мне диктует моё творческое воображение. Конечно, я продолжаю писать иногда и рассказы на реальных событиях, если их обнаруживаю, но предпочтение отдаю творческому вымыслу. Возможно, потому, что именно здесь у меня руки не связаны реальными фактами. А дело в том, что читатели, познакомившись с тем или иным моим рассказом, написанным на реальных событиях, узнают их и мне потом предъявляют претензии, мол, автор искажил события. Неприятно это читать, ибо они путают документальный очерк с художественным произведением, каким является рассказ.

Они, видимо, не читали Максима Горького и не знают, что он однажды сказал по этому поводу. А сказал следующее: «Искусство словесного творчества, искусство создания характеров и "типов", требует воображения, догадки, "выдумки". Описав одного знакомого ему лавочника, чиновника, рабочего, литератор сделает более или менее удачную фотографию именно одного человека, но это будет лишь фотография, лишённая социально-воспитательного значения, и она почти ничего не даст для расширения, углубления нашего познания о человеке, о жизни.

Но если писатель сумеет отвлечь от каждого из двадцати–пятидесяти, из сотни лавочников, чиновников, рабочих наиболее характерные классовые черты, привычки, вкусы, жесты, верования, ход речи и т.д., – отвлечь и объединить их в одном лавочнике, чиновнике, рабочем, этим приёмом писатель создаст "тип", – это будет искусство. Широта наблюдений, богатство житейского опыта нередко вооружают художника силою, которая преодолевает его личное отношение к фактам, его субъективизм». Конец цитаты.

10. У каждого поэта и писателя есть своя Муза, есть ли она у Вас?

Разумеется, есть. Внимательный читатель моих произведений может догадаться, как её имя. В большинстве моих рассказов – и детских, и взрослых – главной героиней является Надя и Надежда. Как, например, у Пушкина Маша. Благодаря этой Музе на свет появились многие мои произведения. Она не только вдохновляет меня на написание их, не только является моим главным Читателем и Критиком, но в некоторых случаях и подсказывает темы рассказов, а то и просто название рассказа.

Так мной написан небольшой рассказ «Матика матика». Название мне подсказала Надежда Андреевна, учительница начальных классов, сообщив только, что так говорила в первом классе одна из её учениц. И всё. Но мне этого оказалось достаточно.

Однако пора раскрыть тайну. Моей Музой является моя бывшая одноклассница Малиновской сельской школы, ставшая в той же школе учительницей с первого по четвёртый классы Надежда Андреевна Северин, в школе – Ткачун. С ней я поддерживаю связь на сайте «Одноклассники», а также на портале «Проза.ру». В своё время я уговорил её тоже писать: русским языком, проживая до сих пор в украинском селе, она владеет свободно. Она написала несколько берущих за душу мини-

тур, но потом прекратила. Это я на пенсии свободный человек. А продолжать работать в школе в пенсионном возрасте, вести домашнее хозяйство – чего стоит огромный огород! – воспитывать пятилетнюю внучку, которая вместо родителей не даёт прохода бабушке, – и писать миниатюры с опубликованием на портале «Проза.ру» возможности, понятно, нет.

11. Если не секрет, приведите пример написания хотя бы одного на Ваш взгляд интересного рассказа. Покажите, как рождаются у Вас рассказы.

Для примера возьму рассказ «Направление к счастью». Написан он полностью на творческом вымысле, но с реальным прототипом. Как можно догадаться, им является Надя Ткачун.

До седьмого класса мы с ней учились вместе в Малиновской сельской школе. После него родители увезли нас с братом в Россию, на берега Волги, где был построен в кратчайшие сроки Волжский автомобильный завод. Окончив восьмой класс, Надя поехала поступать в Запорожье в медицинское училище. Не поступила. Не знаю, она вообще-то в него заходила? Или её переманили в местный техникум, куда она и поступила. Летом 1976 года Надя, закончив учёбу, вернулась в родное село, поступила в школу на работу пионервожатой. В том же году вышла замуж. Я же из армии вернулся за пару дней до Нового 1977 года. Наши пути разошлись, не встретившись после школы.

И вот, когда рассматривал как-то на её странице в «Одноклассниках» её фото с однокурсницами, меня внезапно посетило творческое воображение. Перед моим мысленным взором предстала Надя, учащаяся медицинского училища. По распределению она направляется в наш город Тольятти, в поликлинику Волжского автозавода. Я возвращаюсь из армии, и мы встречаемся, чтобы не расстаться. Так появился рассказ «Направление к счастью», который был опубликован в коллектив-

ном сборнике «Благодарность жизни» издательства «Серебро Слов» в 2019 году. Ничего такого, о чём повествует рассказ, в реальной жизни не происходило. Но, судя по откликам читателей, рассказ получился весьма интересным.

12. Получается, что, не обладая творческим воображением, написать рассказ не получится?

Получится обыкновенное школьное сочинение, напоминающее то ли мемуары, то ли дневниковые записи, то ли репортаж с места события, но никак не художественное произведение в виде рассказа.

Как-то с коллегой по бывшей работе мы шли по городу. На пешеходном мосту увидели на перилах навесные замки. «Что это?» – спросил меня коллега. «Замок счастья», – отвечал я. Когда через пару дней я дал почитать ему написанный свой рассказ «Замок счастья», он глазам не поверил. «Я бы так не смог», – последовал ответ. Мне же написать его ничего не стоило, ибо название само родилось, притом весьма удачное. Рассказ также опубликован в одном из коллективных сборников издательства «Серебро Слов».

Одним словом, без творческого воображения «ни туды и ни сюды». Убедительным доказательством этого является то, что я за время пребывания на портале «Проза.ру» агитировал многих своих знакомых, в основном бывших коллег по работе, как и бывших одноклассников, зарегистрироваться на «Проза.ру» и начать писать хотя бы мемуары, что проще всего. Увы, никто не смог записать ни одного воспоминания, а о рассказе вообще речи нет. Как я выше сказал, послушала меня только одна Надя Ткачун. Видимо, ей, как учительнице, сам Бог велел иметь творческое воображение.

13. На Вашей странице на портале «Проза.ру» опубликовано 200 статей о кино. Вы кинолюбитель?



Ещё какой! В детстве я не пропускал ни одного фильма, который показывали в нашем сельском клубе. Тогда же мечтал по окончании школы поступить учиться во ВГИК на факультет кинокритики. И поступил бы, если бы этот замечательный институт находился не в Москве, а в нашем областном центре. А в столицу уж больно далеко и накладно ездить на сессии два раза в году. Пришлось выбрать вуз поближе.

14. В продолжение вопроса: есть ли у вас самый любимый фильм, самые любимые киноактёр и киноактриса?

Безусловно, есть. Из фильмов это – «Жаворонок». Он о войне. Но, в отличие от многих других военных фильмов, он с первых кадров берёт зрителя за душу и не отпускает до самого конца.

Немцы не могли ничего другого придумать, как испытывать свои противотанковые орудия и снаряды на трофейных советских танках Т-34. Экипажи состояли, понятно, из военнопленных. Одному из экипажей удалось вырваться с полигона и наводить ужас на близлежащие окрестности. Самым сильным эпизодом в фильме является эпизод, когда наш танк Т-34 идёт на полной скорости по немецкому полю, на котором работают угнанные в Германию советские женщины. Увидев танк, несчастные женщины бросают работу и бегут за танком. Как написано в титрах фильма, он снят на реальных событиях. Не знаю, был ли в реальности такой случай, но сценаристам всё же следовало танк на время остановить.

Моими самыми любимыми киноактёрами являются три Юрия: Яковлев, Соломин и Назаров. А любимыми актрисами – Маргарита Володина и Ия Саввина.

15. Ваши любимые поэт и писатель?

Поэт-фронтовик Григорий Поженян, писатели Иван Бунин и Василий Шукшин.

16. Ваше отношение к литературным конкурсам?

К авторским конкурсам, которые проводят авторы на портале «Проза.ру», отношение весьма отрицательное. Невооружённым глазом видно, что эти конкурсы в первую очередь увеличивают количество читателей на странице организаторов. Во вторую очередь, эти конкурсы, как говорят, «сталкивают лбами» конкурсантов. Что имеется в виду: когда видишь, что твой рассказ, получивший много положительных рецензий и собравший вокруг себя не одну сотню читателей, на этих конкурсах не попадает даже в десятку, становится обидно... за рассказ. В то время как в победителях произведения хотя и не очень читаемые, но зато их авторы состоят в списке избранных у членов жюри, или наоборот, последние – в списке избранных у первых. Получают своё и спонсоры конкурсов. От таких конкурсов надо держаться по-дальше.

Однако есть конкурсы не авторские, а вполне официальные. Например, «Писатель года». К сожалению, прекратил своё существование на портале «Проза.ру» пять лет назад замечательный конкурс «Народный писатель».

17. Каждый писатель желает, чтобы герои его произведений однажды ожили в буквальном смысле слова. У Вас есть такие герои?

Да, есть. К счастью, судьба меня свела в интернете с ульяновским кинорежиссёром Павлом Жарковым. Благодаря ему оказались экранизированы два моих рассказа: «Случай у кассы» и «Сосед по гостиничному номеру». Не каждый автор на портале «Проза.ру» может этим похвастаться.

18. Над чем Вы сейчас работаете?

Собираю материал для повести «Учительница русского языка». Посвящена она будет моей малиновской сельской учитель-

нице русского языка и литературы Плетень Ольге Ульяновне, ныне покойной. За основу я беру нашу с ней переписку в 2001–2007 годах. Я бережно храню все её письма. Частично переписку я опубликовал на портале «Проза.ру». Но повесть – это не мемуары, а художественное произведение с творческим вымыслом.

Эта учительница, перед памятью которой я преклоняюсь и сегодня, привила мне, учащемуся чисто украинской сельской школы, любовь к Великому русскому языку. Это сегодня на Украине его пытаются искоренить, но тогда русский язык находился в почёте, начиная с районных центров, областных центров и в самом Киеве, где сегодня свирепствуют националисты.

19. Вам со всеми учителями русского языка в школе так везло?

К сожалению, нет. Повезло только в тольяттинской средней школе номер 9, где обучался с сентября 1971 года по 5 марта 1972 года. А вот с 6 марта у меня уже по русскому языку начались большие проблемы в средней школе номер 35. Виною тому учительница, которую я лишний раз вспоминать не хочу. Она оставила в моей душе неприятный осадок. Бог ей судья.

20. А какие воспоминания у Вас остались от учёбы в университете? Были там у Вас любимые преподаватели?

Были любимые и не очень любимые. К счастью, первых оказалось значительно больше.

Самым любимым преподавателем по понятной причине была Трещёва Евгения Александровна. Она преподавала у нас гражданский процесс и арбитраж. Но дорога она мне по другой причине: Евгения Александровна руководила моей дипломной работой. Благодаря ей я защитил на отлично. Она, пожалуй, оказалась единственной за все шесть лет моего обучения в университете, кто читал нам лекции без бумажки.



О нелюбимых преподавателях говорить не хочу. «Дела давно минувших дней».

21. А как Вы попали в 1980-х годах во внештатные корреспонденты местной городской газеты?

В марте 1982 года направил в газету свою статью об Оперативном комсомольском отряде подшефного микрорайона. Редакции статья понравилась, её напечатали и пригласили меня как студента-заочника университета к сотрудничеству. Если бы это случилось двумя годами раньше, возможно, я вместо юридического факультета поступил бы на факультет журналистики. Только ездить пришлось бы в Казань. А это не ближний свет.

22. Как Ваша активная общественная деятельность отразилась на литературном творчестве?

Мои рассказы «Один день народного заседателя», «Депутат», «На избирательном участке» появились не случайно. Это не мемуары, а художественные произведения с узнаваемым прототипом. Это – я.

Десять лет мои коллеги по работе избирали меня народным заседателем Автозаводского райнарсуда города Тольятти. Насмотрелся я там всякого. С одной стороны, это общественное поручение здорово помогло в учёбе на юрфаке, ибо дипломную работу я писал и защищал по теме «Решение суда – акт социалистического правосудия», с другой стороны, оно же мне раскрыло глаза на работу судьи, в результате чего я не совершил ошибку и не пошёл работать в суд, хотя председатель Автозаводского суда Корепин меня долго обхаживал. На тот момент, при отсутствии компьютеров, работать судьёй – значило забыть на время обо всём на свете. Это теперь один судья рассматривает уголовные дела, другой – гражданские, а тогда... до обеда мы рассматривали гражданское дело, после обеда – уголовное. А учитывая,

что чёткого регламента никто не соблюдал, дела затягивались с вытекающими последствиями. При этом наш судья крутился как белка в колесе. Но ему было не привыкать, ибо в суд пришёл из следователей прокуратуры. А каково могло быть мне?

Если против избрания меня коллегами народным заседателем я не возражал, а скорей обрадовался, то выдвижение кандидатом в депутаты местного Совета возражения вызвало. Для учёбы, в отличие от статуса народного заседателя, это пользы мне не приносило. Тогда депутаты всех уровней работали не на постоянной, как сейчас, основе. Однако согласиться пришлось, поскольку как член КПСС от партийного поручения отказываться не имел права.

Партия меня «подставила» ещё раз, рекомендовав в председатели участковой избирательной комиссии по выборам на Съезд народных депутатов. Второй раз я всё же отказался, сославшись на занятость по основному месту работы.

Хочу предупредить читателей, что три вышеуказанных рассказа – это не отчёты о моей общественной работе, это художественные произведения с творческим вымыслом, но написанные автором со знанием дела.

23. На Вашей странице на портале «Проза.ру» опубликовано много мемуаров. Какие из них для Вас самые дорогие?

О моей бабушке по линии мамы Шинкаренко Евдокии Савичне.

Многие удивляются, что я не ходил в своё время в детский садик в нашем селе Малиновка. В отличие от моего брата Феди. На то есть причина.

Когда мне шёл второй год, у меня выявилась грыжа, надо было удалять. Но из-за халатности сельских врачей время упустили, у меня температура стала зашкаливать. В таких случаях операция противопоказана. Отправили меня в районную больницу. Хирург Костенко тоже не соглашался на операцию,

но бабушка его уговорила, взяв всю ответственность на себя. Я выжил. Но после этого бабушка меня оберегала, чтобы рана не открылась. И так берегла, что запретила родителям отдавать меня в детский садик, сама стала меня воспитывать. Бабушку Дуню я потерял, когда перешёл учиться в четвёртый класс. Как её потом мне не хватало!

Не менее дорогой для меня была и её мама, моя прабабушка Марина, проживающая в селе вместе с нами. Когда после смерти бабушки её в город забрала другая дочь, то она перед сном молилась на фотографию нас с братом, не обращая внимания на находящихся рядом таких же двух правнуков. Низкий поклон ей за это.

С особой теплотой и благодарностью я писал мемуары и о своих крёстном и крёстной. Жаль, что они остались на Украине, когда мы в 1971 года оттуда выехали. Посетить я их смог лишь однажды, двадцать лет спустя, в мае 1991 года.

24. Писатель, мемуарист, но Вы являетесь ещё и публицистом, судя по статьям, опубликованным на портале «Проза.ру».

С них я, по сути, и начинал свою литературную деятельность. Я бережно храню газеты и журналы 1980-х годов со своими статьями. Много статей у меня на историческую тему. И это не случайно. История была моим любимым предметом не только в школе, но и в университете.

25. Что бы Вы пожелали начинающим молодым писателям?

Я внимательно слежу за литературным творчеством молодых авторов на портале «Проза.ру». Многие из них уже у меня в списке избранных. Что пожелать? Только одного: убедиться, что владеете творческим воображением. Если Бог его вам не дал,



не надо братья за перо, как говорили раньше. Не надо мучить себя и читателей. Займитесь другим полезным делом. Может, у вас проглядывается талант художника, музыканта, скульптора?

И ещё совет для тех, кто обладает творческим воображением.

Меня весьма удивляет, когда я вижу, как начинающие авторы на портале «Проза.ру» сразу замахиваются на роман. Не делайте этого. Научитесь писать хорошо рассказы, отшлифуйте их, потом беритесь за повесть. Роман от вас никуда не денется. В противном случае плохо написанный роман, как первое ваше литературное произведение, в итоге может оказаться последним. Печально смотреть, когда открываешь страницу молодого автора-«романиста», а на ней написано: «Автор закрыл страницу».

Что касается меня, то я начал писать повести только после того, как написал двести рассказов. И, судя по откликам читателей, произведения получились неплохими, читаемыми. Чего не случилось бы, если бы я их написал в самом начале, то есть до рассказов.

15.04.2021



Алекс Росс

о. Соловки, Архангельская область

Снег

Снег. Какой же он может быть отвратный! Тонкие холодные змейки то и дело жалят шею за воротником. Под ногами чавкает солёное месиво. Особенно противен он в таком огромном городе, как этот. Неприкаянный провинциал в сырость ощущает здесь свою сиротливость особенно остро. Тут, где всё и так без определённых границ, всё в движении, мчится, ускользая, не дождавшись оценки, стремительный снег ещё больше искажает реальность и усугубляет беспорядок. Глаза разбегаются от разнообразия, чувства расчлняются впечатлениями. И толпа. Не идёт. Она как снег. Валит. Лица – снежинки. Все разные. Из-за ритма жизни невозможно разобрать, что они таят. И тоже тают. «Потому что жизнь не ждёт. – Гоше вдруг вспомнились строчки Пастернака. – Не оглянись – и Святки. Только промежутки краткий, смотришь, там и Новый год».

У метро пузырятся затылки. Собираясь в «заводы», стекают по лестницам и эскалаторам. Как горные реки. Делятся. У каждой своё русло. Человек со стороны втекает звонким ручейком. Звук его моментально поглощается массой всплесков. Личность растворяется в толчее, словно кусочек рафинада в чашке чая. Глядишь, подхватит иного и опустит, болтая, на самое дно. Однако «Москва слезам не верит!»

Когда-то Гоша сновал по столице, не зная устали. Да что там по Москве, по всему миру летал, как пчела, в поисках нектара. Объективы его фотоаппаратов собирали пыльцу с цветов на самых красивых лужайках планеты. На Юкатане и в Джайпуре, на Гавайских островах и на Синае. Москва притянула к себе незаметно. И вот уже много месяцев не отпускает совсем. Лёгкие мысли и искрящиеся мечты его она поглотила словно чёр-

ная дыра. У Гоши появилось ощущение, что он ходит по одному и тому же маршруту, как стадное животное на водопой.

Внутри зябко. Хотя при холоде случайных касаний сознание плавится жаром страсти. Страсть похабно кричит с ярких рекламных плакатов и из затемнённых окон джипов, презрительно плюющих на прохожих снежной жижей. Шины шкворчат, как сало на сковородке. Люди куксятся, как сальные свечи. А грифы дорог со струнами троллейбусов, тарелки площадей и бубны вокзалов бренчат не переставая. В этой почти непрекращающейся какофонии пешеход ничего не разбирает, даже грохот чего-то огромного воспринимается им как хлопушка с конфетти.

А снег не то что идёт, как поётся в песне: «снег кружится, летает», – нет, он не идёт и не летает. Сегодня он не обычное явление природы, а духовная доминанта. Как дополнение к общему диссонансу. Как та самая мышка из детской сказки про репку. Он – последняя капля, что переполняет чашу терпения. И сырость в ботинках страшнее, чем фантазия у Гёте! – морщится Гоша.

Люди тащатся поникшие. В этом состоянии они обычно вызвали у Гоши сочувствие. Но сегодня и они кажутся уродами. Их нелепые образы липнут, подолгу маячат перед глазами и напластовываются на другие, такие же ненужные ассоциации. Гоша беспомощно барахтается в вязком цинизме и никак не может избавиться от негатива. Его ум, до недавних пор отлично отстроенный механизм, стал беспомощен. А может, наоборот, он мстит фотографу за изысканную избирательность, за продолжительное игнорирование им цельности бытия. За службу глянцевым журналам. Ум просто предал, перешёл на другую сторону баррикад. И мстит своему собственному хозяину.

Но откуда такой неэстетичный снег! Некрасивый и нелёгкий, совсем не пушистый. Какой-то разнокалиберный! Крупные снежинки – не снежинки, а какие-то уродцы. Как комки слипшегося риса или небрежно смятая бумага. Противные. И маленькие крупинки. Острые, словно стеклянная крошка разбитого над головой окна. Одни царапают по живому. Другие сыплются,



как в мусоропроводе. Проваливаются с шумом и с шуршанием, словно остатки давно надоевшей еды, опостылевшей бытовухи и изжёванные свинцовые мысли прессы.

Куда бы Гоша ни посмотрел, везде видит изъяны. В обстановке, в движениях людей, в их лицах и одежде, слышит в речи. Всё не так. А стоит чуть дольше задержать внимание, пространство под действием ставшего ядовитым взглядом начинает разлагаться.

Раньше, когда бывало кисло, Гоша спешил на какую-нибудь художественную выставку или на концерт. Если ничего подходящего не было, запирался у себя в комнате и под музыку Гарбарекка, Питера Габриэла или Кифа Джарретта листал любимые альбомы по искусству, погружался в картины Филонова, Магритта, Малевича и буквально летал в их игривом пространстве фантазии. Теперь и это осточертело. Мысль не летит, фантазия подвывает, как рыба печорского посла. И никакого интереса жить. Нет ни желаний, ни планов. «Где наши планы? Их будто сдуло. Существование – самоубийство!» – чахоточно кашляет голос у него внутри.

Между тем взгляд всё выуживает и выуживает из толпы отвратительные персонажи. Вот тащится тётка – задница торчит, словно на вешалке. Как комолая корова. Икры недоразвиты, ногами с плоскостопием двигает, как тяжёлыми пляжными деревянными шахматными фигурами. У другой вон подтянутые корсетом груди, словно грыжа у курдючной овцы. Рядом мужик – торчок. Не голова – два пупа. Лоб – медный таз, глазки маленькие, хитрые. Сидят словно в танке и постреливают в прохожих очередями... «Куда же меня заносит! – опомнившись, спохватывается Гоша. – Что же это такое!» А в голове всё тот же простуженный голос: «Заносит всё. Улицы, машины, пешеходов. Заносит тебя».

Странно. Ведь Гоша всегда был уверен, что позитивный взгляд на мир сильнее любых предсказаний, сильнее авторитета глоб и чумаков, религии Вуду. Сильнее самих звёзд. Что можно быть светом самому себе! Это его убеждение подтверждали и Вивекананда, разбивавший перед тысячными аудиториями Запада



заскорузлые суеверия, и просветлённый миллионер Рам Дасс в своей книге «Зерно на мельницу». «Ведь вот, закрываешь глаза, – говорил себе когда-то Гоша, – и видишь в крошечной тьме лица дорогих людей. А сны... В них солнце заглядывает так же реально, как и вовне, только источник его – твой собственный свет. Свет ума. Недаром же говорится "ясный ум", "светлая голова"». Гоша был убеждён: каждый зажигает и тушит в себе свет сам.

Даже и тогда, когда его близкий друг несколько лет кряду, отслеживая свою карту неба, уходил от различного рода негативных влияний Плутона и Юпитера тем, что отсиживался дома, подолгу не показывая нос на улицу и охापками глотая антиоксиданты Гербалайфа, он, Гоша, слушая друга, никогда, ни на одно мгновение, не сомневался в ведущей роли собственной воли. Он знал, с духом всё обстоит просто. Как в магазине: что пробил, то и получаешь.

Однако сегодня он не был уверен уже ни в чём. «Во многих мудрости много печали», – ныло сердце.

А вот сын его осторожного друга, кстати, Гоша только что заходил к нему, – неопытный шестнадцатилетний парень – да. Уверен! Сашка, так зовут его родные и знакомые, продемонстрировал Гоше радикальное средство сублимирования негативной энергии в позитивную. На межэтажной площадке, в углу у мусоропровода, он повесил на стене разворот старого номера газеты «Совершенно секретно» с бывшими кремлёвскими кукловодами. И каждый раз, выходя покурить, то и дело плюёт в помешанных на «зелени» ненавистных «дерьмократов», сколковцев и нановцев. Говорит, что опускает яйцеголовых виртуально.

Вниз он поставил плетёную проволочную корзину. Друзья называют её «инсталляцией». В ней в комках старых газет те же и прочие. С «орденом» свекольного ошмётка вогнутая грудь Косопьянова, в яичном желтке лысинка Сюрпризина, с сургучной печатью на щеке Елькин, из-за доллара выглядывает очко Хотькоговского, у опоры ЛЭП – Чабан. И в самом низу, словно в забое, шнобель Токаина в каске шахтёра.



Инсталляция соседям не мешает. Наоборот, соседка слева даже хвалила ребят. Говорила, что её «дядел, с тех пор как всё это появилось, без всякого напоминания выносит мусорное ведро!» Сам сантехник восхищается: «Ребята, зашибись придумали! Я так наловчился, что теперь одним харчком семерых удодов уделываю. Мне в кайф. Так, словно сто граммов с похмела на грудь принял!» Сосед справа, профессор МАРХИ, добавил к инсталляции два, по его словам, очень важных комка: Кокто Эвреста и Гогочева. «Это символ перемен и преемственности поколений, – сказал он Сашке. – Один кончил рекламой пиццы, другой начал со своей перхоти».

Говорят, что слух о коллективном бытовом творчестве распространился по всему кварталу. На площадку как-то специально приходил участковый и в свидетельство этого оставил на стене самую густую краску. Её показывают теперь всем новичкам. Иные жильцы стали видеть в происходящем мистику. Сашку считают магом, отца его за глаза называют знахарем. И всё больше склоняются к тому, что прототипов инсталляции в реальной жизни действительно опускают именно они.

Гоше там в какой-то момент полегчало. И, уходя, он ещё раз завернул на площадку, чтобы плюнуть в бесстыжие глаза.

Общество охватило цинизм, думал он, шагая к метро. Люди ослеплены яростью. Они не понимают, что от взаимной ненависти не спасают ни элитные постройки с охраной и сигнализацией, ни высокие бетонные заборы, ни бронированные двери с глазками. Ненависть разъедает душу изнутри на любом расстоянии. От неё не укрыться. И если где-то на Севере и в Сибири люди больше тратят сил на борьбу с природой, со стихиями и неудобствами, то ближе к средней полосе и в самой столице идёт борьба другого рода. Здесь преобладает страсть к власти и деньгам. Вместо природных стихий – зависть, ревность и ненависть.

Гоша позавидовал жизнелюбью Сашки и его друзей. Той лёгкости, с которой они плюют на страхи и предосторожности. Они

не понимают пока ничего, но отлично чувствуют. Их чувства не препарированы расхожими клише опытных взрослых. Они доверяют себе больше, чем многоликим СМИ.

Гоша сейчас тоже больше чувствовал. Он чувствовал каким-то шестым чувством: «снег идёт, и всё в смятении: убелённый пешеход, удивлённые растенья, перекрёстка поворот...» Поворот.

В то, что кто-то мог его сглазить, он не верил. Что так шиба-нул по дому его карьеры Уран, сомневался сильно. Может быть, его наказывают духи, когда-то радовавшиеся и помогавшие его духовному росту? Ведь в течение десяти лет Гоша ликовал. Регулярно медитировал, делал упражнения из Хатха-йоги, обливался холодной водой, ходил босиком по снегу. Совсем не ел мяса и обязательно раз в неделю устраивал себе сухой голод. Ни одна минута тогда не пропадала даром. Время было золотым песком, который он отливал в красивые слитки: большие путешествия, публикации и выставки. Тогда, когда всё было круче, чем в кино. Как чума, распространялась инфляция, народу месяцами не давали зарплату, яйцеголовые вынуждали пенсионеров причащаться от бачков с отходами, а не желавшие опускаться на дно ветераны войны и труда ходили в магазины, в которых вдруг «всё появилось», как в музеи. Но Гоша находил в себе силы и раж снимать. Ездил по свету, фотографировал и устраивал слайд-шоу. Буэнос-Айрес, Нью-Йорк, Сан-Франциско, Вашингтон, Вена стали ему знакомы не хуже Москвы.

Однако окружающая среда агрессивна и против носителей инородного ополчается до такой степени, что в какой-то момент вынуждает решать. Оставаться в миру и играть активную социальную роль, либо уходить в затвор и заниматься духовным деланием. Гоше нравилось жить активно. Видимо, покоя ему не давало тщеславие. А оно, по словам Иоанна Лествичника, есть «расточение трудов, потеря потов, похититель душевного сокровища... муравей на гумне, который, хотя и мал, однако расхищает всякий труд и плод». Муравей радуется, что будет красть, тщеславие – что будет расточать. И потом, ликование

духа, как говорят святые отцы, обычно сопровождается скорбями по зависти демонов. Они как тени: чем больше света, тем они темнее. Вот почему так перемешаны в духовной жизни радости и печали.

В общем, постепенно, день за днём, Гоша вновь стал есть мясо, выпивать, излишествовать, а предостерегающие мысли сгорели, как новогодние свечи.

Хотя, быть может, даже и духи не мстят, продолжал размышлять Гоша. С какой стати? У них достаточно забот и без него. Может, тогда пробудилась плохая наследственность. Может быть, был у него в роду какой-нибудь негодяй. Может, сам он в какой-нибудь из жизней был душегубом. А может, смешно сказать, растревожил он в себе гены доисторических животных?! Или проще, эти чёрные мысли сквозят из печени, – решил он, поднимая воротник, когда вышел на ветер к проспекту. С человеком происходит то же, что с обществом. Перестроечная эйфория свободы прошла. Те, кто вовремя срубили бабки, выпустили задор общества через офшоры и стали душителями свободы. Нынче, чтобы сохранить богатства, насаждают законы демократии, созданные на Западе. Мораль перестала быть составляющей раствора, на котором крепятся человеческие отношения. Как коровье бешенство делает пористым мозг человека, так «бабки» сделали пористыми отношения. Нынче отношения держатся исключительно на прагматичных интересах и, чуть что, распадаются.

«Гоша, мы же живём при капитализме, чего вы хотите?!» – спросила его с укоризной владелица одного издательского дома, которой он помог раскрутить несколько профильных журналов. В самом начале их сотрудничества она сама ездила к семи утра на Белорусский вокзал встречать слайды, которые он отправлял из Вены. Но с тех пор как рекламный щит издательства размером с футбольное поле повесили в Шереметьево-2, продвинутость её стала заключаться в том, что она сидит и ловит в интернете давно вышедшие в западных журналах материалы. Переводят их люди, редко, если вообще, выезжающие за грани-



цу и знающие предмет по картинке. То есть всё это напоминает рыбалку на варёного ерша в кастрюле соседа. Журналистам и фотографам издательства теперь стали нужны идеи кризйтеров и визажисты-стилисты. Они тяжелы на подъём и окружают себя приятелями, оттесняя более достойных конкурентов. Ядро Кремля удерживает их на своей орбите, как протон электроны. И самовлюблённость их не позволяет им увидеть мир за границами натоптанных столичных троп...

Нет! Гоша сопротивлялся из последних сил. На самом деле всё проще. Его, провинциала, в это состояние вогнали накопившиеся обиды. Когда успеха нет, нет и уверенности. Тогда одиноко и неуютно.

Что-то внутри рушилось. «Наваждение», – бормотал он. На встречу ему из перехода к метро выпорхнули две матроны. В чёрных длиннополых пальто нараспашку. У каждой по сигарете в руке и по бутылке пива в другой. Мат их походил на карканье. Состояние стало походить на бред... Взгляд влево, взгляд вправо, ум выдаёт всё то же. Цинизм и надменность. Он как компьютер с вирусом или искусственная линза, расщепляющая свет на грязно-серое...

В метро, как всегда, лето! Но и здесь люди, словно воротниками, прикрываются от непогоды газетами. У одного каракулевый «АиФ», у другого соболиный «Коммерсантъ». Подальше побитая молью цигейковая «Комсомолка», рядом с ней облезлый бобровый – «Правда». Бояре!

Проехали Коломенскую, Автозаводскую. Электричка взмыла на эстакаду. Загремела над Москвой-рекой. Вон там, в квартире у Аиды, на самой вершине горы жилого массива, Гоша фотографировал недавно красивые вещи. Косой снег за окном перечёркивал всплывавшие в памяти композиции из ветвистых рогов оленей с Ямала, керамику времён Акбара, яркие ковры из Средней Азии, монгольские цветные танки. Параллельно электричке по автостраде двигался фургон с надписью «Мука». Электричка опередила его и, набрав бешеную скорость, рухнула в чёрный



провал шахты. В темноте Гоше стало очень душно. И он не исключение. Влившись в людское море, не нашёл своего течения. Но, может, стоит успокоиться, отдаться на волю судьбы? «Помнишь, – завохтал опять голос внутри него, – "Чайку по имени Джонатан Ливингстон" Ричарда Баха? Надо отцепиться от стереотипов и полететь. Только так можно обрести свободу!» «Но ведь у нас отцепились уже полстраны, – возразил другой голос. – Все свободны, потому что никому не нужны. И что? Эта свобода похожа на снежный ком, готовый вот-вот развалиться». Гоша представил огромного размера разваливающийся ком, и ему стало смешно: «Когда летишь, не думай ни о чём, спикируешь как надо – кир-пи...»

Удар был настолько силён, что показалось, будто его рассекло огромным мечом надвое. Мозг щёлкнул, как капсуль: «Меня же невозможно рассечь!» Стойка, за которую он держался, вылетела, как спичка. Оконные рамы – как пробки. Стёкла сверкнули фейерверком осколков. Вагон сминался в гармошку. Пространство, наполнившись вонью, судорожно вибрировало и дико скрежетало. Душа его, словно масло из треснувшей лампы, вытекла наружу. И всё погрузилось в кромешную тьму...

Потом долго, совсем долго, ничего не было. Ничего. Но однажды как-то прошёл мелкий снежок. Такой, какой бывал в детстве на экране старого лампового телевизора. После него темноту мели пучки сухого снега. Появлялись белоснежные существа с большими колючими сосульками и растворялись во тьме.

Очнулся он как-то утром. Светало. Очень медленно. Так мягко свет приходит зимой только на Севере. Крадучись, словно боится кого-то потревожить. Высоко белел потолок. Из центра запылённого лепного плафона на длинном скрученном проводе нелепо свисала одинокая лампочка. Он медленно обвёл взглядом пустые стены, окна без занавесок, пару пустых железных кроватей. Во всём было что-то знакомое. Кроме толстой книги на покосившейся тумбочке. И было совсем тихо. Даже немо. Непохоже на реальность. Но внутри его что-то жило. Где-то совсем



глубоко, удаляясь, маячила странная машина с надписью «Мука». Машина, мука. «Какая мука?» – спросил совсем слабый голос. «Белая!» – встрял пробудившийся, покрепче. Из такой пекла пи-роги с черникой бабушка. Пекла – пекло... Какая бабушка? Где? Сколько сейчас времени? При чём здесь время? Что это перед ним? Он не знал. Не отдавал себе отчёт. Это было всё равно. Его привлекали только тишина и дневной свет. Кривые ветки тополей за большими окнами казались иероглифами. Он не понимал их. На них совсем медленно падал снег. Глаза слипались. И он, словно в сугроб, вновь провалился в сон.

Сон был похож на обморок. В его молочном тумане бился в конвульсиях придавленный тяжёлой дверью котёнок. Ещё был туннель, по которому он сам летел, а вокруг весело пузырилась пронизанная яркими солнечными лучами изумрудная вода. Вопящая во всё горло и дерущая на голове волосы бегущая женщина. Отдалённый разговор о каком-то террористическом акте...

Снег за окном падал плавно, совсем спокойно кружились снежинки. Гоша пробуждался, смотрел на них. Пил глазами свет и, утолив жажду, забывался вновь. Казалось, его забытью не будет конца. Но видения постепенно присыпало, машина с надписью «Мука» скрылась из вида совсем. И однажды он проснулся свежим. За окном свисали большие прозрачные сосули, они, как увеличительные стёкла, собирали свет, и, когда его становилось много, он от тяжести собирался на остриях и сверкающими каплями весело срывался вниз. Внизу свет громко, требовательно барабанил по подоконнику. Гоша почувствовал прилив сил. Взял с тумбочки книгу. Открыл наугад и прочёл: «Бог сыплет снег подобно летящим вниз крылатым, и ниспадение его – как опускающаяся саранча; красоте белизны его удивляется глаз, и ниспадению его изумляется сердце».

Потом он осторожно встал. Подошёл к окну. За окном всё было девственно чистым. Всё было в снегу. Небо, земля, деревья. И ни одного следа...



Наталья Склинская Дахно

ст. Павловская, Краснодарский край

Научите детей

Научите детей человечности...
Не смеяться, когда друг упал.
И в наивном мире беспечности
Нужен тот, кто бы руку подал.

Научите детей состраданию,
Не выбрасывать кошку, щенка,
Приготовить им коврик старательно,
В миску с хлебом налить молока.

Научите детей уважению
И поступками дайте понять:
Никого нет дороже в сравнении,
Кто с пелёнок – отец твой и мать.

Научите детей, братьев с сёстрами
Взяться за руки в жизни всегда
И делить вместе радости с грозами,
Что бы ни было через года.

Научите иметь своё мнение
И уметь за себя постоять,
Чтобы к жизни было стремление,
Веру в светлое не потерять.

Научить... В этом мире так сложно
Среди хамства и лжи устоять,
Эти хрупкие детские души...
Уберечь, защитить и понять.

День рождения комсомола

День рожденья комсомола...
Столько минуло с тех лет.
В жизни той всё было ново,
Много промахов, побед.

Помню, как мы октябрята,
Ленин в звёздочке сверкал.
Пионерский галстук свято
Для нас выше всех похвал.

Мы тогда устав учили,
Так хотели в комсомол.
Как же счастливы мы были
Не срамить седин отцов.

Помню шефство и бригады,
Сбор металла и колхоз.
Выступленьям были рады,
Принимали нас – до слёз.

Там на ферме всем нам дали
По стакану молока.
Тёплого, с краюшкой хлеба,
Сверху соль – вот это да!

А печёная картошка...
У костра мы всей гурьбой.
Не мешали тогда мошки,
Просто, весело толпой.

Отвлеклись... А стройки века,
Комсомольцы впереди.
БАМ, Байкал, морозы с ветром,
Испытать и всё пройти...

Комсомол! Как было свято,
Честь и совесть, гордость, смех.
Мы – тогдашние ребята,
Родина – одна для всех!

Забытые старики

Всё чаще стала замечать,
Что близкие мне всё дороже.
Всевышнего благодарю,
Становимся мудрей и строже.

Мне жаль забытых стариков:
Так беззащитны и ранимы, –
И повернуть бы время вспять,
Забота вам необходима...

А сколько вас таких живёт?
Душой и сердцем одиноко,
К вам не приедут, не придут,
Судьбой обижены жестоко.

Вы отдавали всё тепло
Своей души, все были вместе.
Сейчас мы кратко позвоним,
Забыв закон добра и чести...

Поедем в горы отдыхать,
У нас всегда дела, проблемы,
А вам лишь – терпеливо ждать
И думать – как живём и где мы.



Россия Великая

Россия – Великая, Россия – бескрайняя,
Просторы полей, синь озёр и небес.
К тебе приклонюсь, моя Родина славная,
Горжусь – ты такая одна в мире есть!

Как можно тебя запугать? – ты могучая,
Ведь кто ни пытался – попробуй сломить..
Россия-держава, ты – самая лучшая,
Ты в сердце моём, без тебя мне не жить.

Бескрайней волной колосится пшеница,
И манят просторы лугов и полей,
Россия – ты Матушка, будем молиться.
Нет краше, дороже Отчизны моей.





Содержание

В. Зиновьев. Бесконечное приближение	3
Владимир Гущин	4
Валентина Душина	44
Василий Зиновьев	114
Юрий Иванников	120
Ирина Китаина	128
Марина Красавина	134
Людмила Микушина-Половодова	138
Петр Панасейко	140
Алекс Росс	188
Наталья Склинская Дахно	198



Серия «Серебро Слов»

БЕСКОНЕЧНОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ

Сборник произведений

Книга издана в авторской редакции

Дизайн обложки:

Д.В. Минаев

Корректор:

А.Е. Русских

Компьютерная вёрстка:

К.Е. Павельева

Подписано в печать 11.05.2021

Формат 60х90/16. Бум. офс. 80 г/м².

Печать цифровая.

Объём 12,75 усл. п/л. Гарнитура AdonisC.



ООО Издательство «Серебро Слов»

Телефон: 8 (926) 433-33-99

E-mail: srebro.slov@gmail.com

Сайт: <http://tvoyakniga.ru>

Интернет-магазин:

<http://tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/>



ISBN 978-5-907463-11-0



9 785907 463110 >